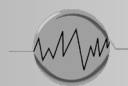

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 5 2018 (МАЙ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

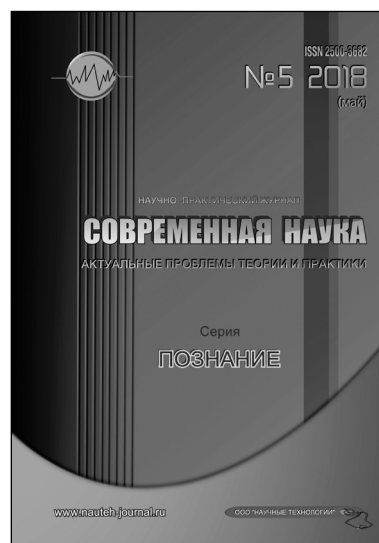
Подписано в печать 12.05.2018 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 5 май 2018 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(БАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 755-1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>
<http://www.vipstd.ru/nauteh>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, доктор псих. наук, профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к. экономических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Вислова Аминат Даняловна — доктор псих. наук, в.н.с. Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований

Воронина Наталья Ивановна — доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — доктор искусствоведения, профессор Ярославского государственного педагогического университета им. К. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры

Кибальченко Ирина Александровна — доктор псих. наук, профессор Южного федерального университета

Кириллова Наталья Борисовна — доктор культурологии, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — доктор культурологии, доцент Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — доктор псих. наук, доцент Самарского государственного института культуры

Коротких Вячеслав Иванович — доктор философских наук, профессор Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — доктор культурологии, к.и.н., профессор Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — доктор культурологии, ректор Самарского государственного института культуры

Листвина Евгения Викторовна — доктор философских наук, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — доктор философских наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ

Никольский Сергей Анатольевич — доктор философских наук, зав. сектором Института философии РАН

Овсяник Ольга Александровна — доктор псих. наук, доцент Российского экономического университета им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — доктор культурологии, к. пед. н., доцент Новосибирского государственного технического университета

Пономарева Галина Михайловна — доктор философских наук, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — доктор искусствоведения, профессор ВГИКа

Садохин Александр Петрович — доктор культурологии, доцент РАНХиГС

Сгибнева Ольга Ивановна — доктор философских наук, профессор Волгоградского государственного университета

Серов Николай Викторович — доктор культурологии, действительный член Оптического общества им. С. Рождественского

Синягин Юрий Викторович — доктор псих. наук, профессор, заместитель директора «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС при Президенте РФ

Сиухова Аминет Магаметовна — доктор культурологии, доцент Майкопского государственного технологического университета

Соловьева Светлана Владимировна — доктор философских наук, доцент Самарского государственного института культуры

Тихонова Анна Юрьевна — доктор культурологии, доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — доктор культурологии, профессор Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, профессор Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, профессор Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — доктор псих. наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семен Аркадьевич — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра истории искусств и культуры Института всеобщей истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Акимов В. Я.** — Живопись, как одна из форм человеческого познания окружающего мира
Akimov V. — Painting, as a form of human knowledge of the outside world 5
- Бурлина Е. Я.** — «Атлантида советского искусства» как исследование и учебник
Burlina E. — «Atlantis soviet art» as research and tutorial 9
- Доронин В. В.** — Проблема негативных проявлений в рок-культуре
Doronin V. — The problem of negative manifestations in rock culture 13
- Каменец А. В., Казакова И. С.** — Современные интерпретации искусства как феномена культуры
Kamenets A., Kazakova I. — Modern science as a phenomenon of culture 18
- Обухович В. В.** — Научные общества Российской Империи
Obukhovich V. — The learned societies of the Russian Empire 23
- Покровский А. В.** — Русская национальная вокальная школа (Традиции)
Pokrovskiy A. — Russian national vocal school (Traditions) 28
- Рытова И. Г.** — Языковая картина мира и столкновение культур
Rytova I. — Language picture of the world and clash of cultures 34
- Степанов В. С.** — Отражение эстетики Ф. Ницше в философии и русской культуре эпохи рубежа XIX–XX веков
Stepanov V. — Reflection of the aesthetics of F. Nietzsche in philosophy and Russian culture of the era of the turn of the XIX–XX centuries 40
- У Лиан** — Возникновение и развитие пекинской оперы
Wu Liyang — The emergence and development of Beijing opera 45

- Фроленкова И. Ю.** — Кризис культуры и вопросы сохранения «Мы-идентичности»
Frolenkova I. — The crisis of culture and the issues of preserving the «We-identity» 48

- Цибудеева Н. Ц.** — Деятельность политических ссыльных в создании предпосылок культурного развития Забайкалья
Tibodeau N. — Activities of political exiles in the creation of the prerequisites of cultural development of the Baikal region 53

ПСИХОЛОГИЯ

- Айтжанова Г. Т.** — К вопросу исследования структуры направленности личности школьников
Aytzhanova G. — To the question of the research of structure of orientation of the personality 58

- Армашова А. Б.** — Уровни этической зоркости психолога-консультанта и их детерминация
Armashova A. — Levels of Ethical Vigilance of a Counseling Psychologist and Their Determination 62

- Барткевич Е. В., Бадалян Ю. В., Зенина С. Р.** — Исследование психологических детерминант индивидуального стиля деятельности сотрудников телекоммуникационной компании
Bartkevich E., Badalyan Ju., Zenina S. — Study of psychological determinants of individual style of the activities of staff of telecommunication company 67

- Беляшов В. А., Егорова Т. Е., Серебровская Н. Е.** — Аутопсихологическая компетентность и возможности её развития в процессе вузовской подготовки будущих специалистов
Belyashov V., Egorova T., Serebrovskaya N. — Autopsychological competence and the possibility of its development in the process of university training of future specialists 73

- Жученко О. А.** — Прогностическая самооценка академических достижений и способность к прогнозированию: к вопросу о зависимости
Zhuchenko O. — Predictive self-evaluation of academic achievements and prediction ability: to the question of dependence 78

Игошев М. В., Мелюхин Г. М. — Развитие лидерских качеств студентов в процессе занятий командными видами спорта <i>Igoshev M., Meliukhin G.</i> — Development of leadership qualities of students in the process of physical training and sports 81	Бочкарева О. Н. — Виртуальная реальность и ценности современного общества <i>Bochkareva O.</i> — Virtual reality and values of modern society 115
Лезина Ю. Ю., Бостанджиева Т. М. — Особенности структуры личностного и профессионального самоопределения у подростков коренных народов Севера <i>Lezina Yu., Bostandzhieva T.</i> — Peculiarities of the structure of personal and professional self-determination in adolescents of indigenous peoples of the North..... 86	Викторова О. В. — Социально-философский анализ ценностей и стиля жизни современной российской молодежи <i>Viktorova O.</i> — Socio-philosophy analysis of the values and lifestyle of modern Russian youth 119
Мединцева О. В. — Особенности изменений коммуникативной активности лиц с тяжелой зрительной патологией в результате целенаправленных занятий <i>Medintseva O.</i> — Peculiarities of changes in the communicative activity of persons with severe visual pathology in targeted classes 92	Власова Л. А. — Своеобразие русской философии истории в процессе ее становления и развития <i>Vlasova L.</i> — The Originality of Russian historiosophy during its development and progress..... 123
Раннева Е. Ю. — Индивидуальное и коллективное творчество как факторы развития креативности у старших дошкольников <i>Ranneva E.</i> — Individual and collective creativity as factors of development of creativity at senior preschool children 96	Лобанова Ю. В., Баженова Н. В. — Этика диалога в современном образовании <i>Lobanova Yu., Bazhenova N.</i> — The ethics of a dialogue in the modern education 129
Рекешева Ф. М. — Акмеологический анализ особенностей взаимодействия субъектов образовательного процесса ВУЗа <i>Rekesheva F.</i> — Akmeologicheskyy analysis of features of interaction of subjects of educational process of high school..... 100	Мазуренко Е. А. — Одиночество как осознанный этап повседневности. Опыт социально-философского анализа влияния свободного выбора на переживание одиночества в уединении <i>Mazurenko E.</i> — Loneliness as a conscious stage of everyday life. The experience of social-philosophical analysis of the impact of free the choice to experience solitude in solitude..... 132
Тлемисова А. Д. — Мотивационная основа познавательной деятельности студентов <i>Tlemisova A.</i> — Motivational basis of student's cognitive activity..... 104	Маковецкая Е. Н. — Философия новой идентичности: от кидалтов до синглтонов <i>Makovetskaya E.</i> — The philosophy of the new identity: from kidulds to singletons..... 137
Цветкова Г. Е. — Сокопекуненция и конкуренция в деятельности руководителя <i>Tsvetkova G.</i> — Co-opetition and competition in the activities of the manager..... 108	Попов В. В., Максимова С. И., Личман И. Д. — Нелинейное развитие и саморазвивающийся социум <i>Popov V., Maximova S., Lichman I.</i> — Nonlinear development and self-developing society 141
Философия	Честнейшин Н. В. — Особенности осмысления проблемы человека в консервативной парадигме русской социальной философии <i>Chestneyshyn N.</i> — Features of understanding the human problem in the conservative paradigm of Russian social philosophy..... 144
Аппалонова Т. С. — Влияние молодежных субкультур на социальную сферу посредством телесных практик <i>Appalopova T.</i> — The influence of youth subcultures on the social sphere through body practices 111	Шаров К. С. — «Оптика» сэра Ньютона в теологическом срезе: существование материи, законы движения и природа света как предикаты Божественности <i>Sharov K.</i> — Sir Newton's «Optics» in theological light: matter existence, laws of motion and nature of light as predicates of Divinity 148
	Информация
	Наши авторы. Our Authors..... 152
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 154

ЖИВОПИСЬ, КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

PAINTING, AS A FORM OF HUMAN KNOWLEDGE OF THE OUTSIDE WORLD

V. Akimov

Summary. The article presents examples from the history of different countries and nationalities, statements of outstanding figures of culture and science on the importance of painting in the spiritual life of mankind

The article is intended to help students of all specialties studying the subject of «painting» including the Department of «design» in various departments of Universities, as well as for a wide audience interested in the topic of the relationship in the history of mankind of fine arts with other types of science.

Keywords: antiquity, history, art, painting, creativity, humanity, Egypt, Greece, classics, life, abstraction, design.

Акимов Владимир Яковлевич

Доцент, Набережночелнинский институт (филиал)
Казанского федерального университета, заслуженный
художник России
akimovart@mail.ru

Аннотация. В статье приведены примеры из истории разных стран и народностей, высказывания выдающихся деятелей культуры и науки о значении живописи в духовной жизни человечества.

Статья предназначена в помощь студентам всех специальностей, изучающих предмет «живопись» включая отделения «дизайн» на различных кафедрах ВУЗов, а также для широкой аудитории лиц, интересующихся темой взаимосвязи в истории развития человечества изобразительного искусства с другими видами науки.

Ключевые слова: древность, история, искусство, живопись, творчество, человечество, Египет, Греция, классика, жизнь, абстракция, дизайн.

Из истории живописи: «Египет навсегда останется богатой сокровищницей для всех веков и народов, для ученых многих отраслей наук, которых интересовали искусство, богатая культура, своеобразная природа этой страны».

Так и Плиний Старший в своих трудах свидетельствует, что живопись получила свое название в Египте, где она была известна еще за 6000 лет до греков. Этим искусством занимался знаменитый Гермес Трисмегист, а ему его передал последний потомок Ноя. Древность живописи в Египте доказывается еще и тем, что Моисей в «Книге Бытия» запрещает народу израильскому подражать фигурам, рисованным египтянами. Эти свидетельства убеждают, что живопись в Египте уже в те времена была доведена до того совершенства, которое было связано с предписаниями. Так, например, религия древних египтян запрещала всякое изучение анатомии, а для изображения человека предписывала несколько известных нормальных поз, отклониться от которых художник уже не мог [1].

Природа одарила человека, в отличие от животных, удивительной способностью видеть мир в его многомерной цветной реальности. Тем самым Творец дал огромные возможности человеку для его стремления к познанию мира и оценки эстетической среды, созданной Творцом для существования человека на Земле. Земля — невероятно красивая планета, это мы видим с первых дней нашего появления на свет. Наши глаза наделены свойством воспринимать

и различать огромное количество оттенков цветового спектра в отличие от животных, которые в большинстве едва отличают 5–6 локальных цветов. Мы радуемся, когда весной преобразается Земля, какое множество различных цветов покрывают планету. Мы испытываем заметное эмоциональное воздействие природы на наше душевное состояние, связанное с изменениями времен года, погоды, утра и вечера. Весной мы ощущаем подъем и прилив пробуждающих сил и наоборот, осень, с её серостью и унылостью пейзажей, ввергает нас в состояние уныния и даже депрессии. И все это мы воспринимаем через цвет. Художники пишут картины под воздействием таких времен года, поэты слагают стихи, песни, музыканты выражают это состояние в сложных гармониях звуков...

На заре своего развития человек использовал свои природные данные умения изображать чисто в практических целях, связанных с проблемой выживания. Пещерные и наскальные рисунки свидетельствуют об этом. С процессом эволюции человека и его умением рисовать и видеть красочный мир в его цветном спектре приводит к тому, что он уже стремится запечатлеть целые явления или события, связанные с деятельностью человека и дать эмоциональную оценку в созданном произведении. В культовых произведениях создавались образы, наделенные внутренней силой, магической притягательностью и космической силой воздействия (образы индийских богов, фараонов, и т.д.) В древнеегипетских захоронениях (и у многих других цивилизаций) через рисунки

и живописные изображения создавались целые летописи о жизни и деятельности усопшего фараона, его времени, что является для нашего времени бесценным материалом при изучении истории народностей. Красочность и живописность празднично-ритуальных сцен также является следствием зависимости человеческого сознания от цветового спектра.

С раскрашиванием рисунка по отдельным цветовым пятнам появляется постоянная потребность у художников создавать произведения, которые наиболее достоверно изображали сцены и сюжеты при помощи природных, в самом начале, а позднее искусственно созданной цветовой палитры красок.

С этого момента появляется технология многомерного изображения при помощи красок, которое сейчас определяем понятием «живопись» или живописной картиной.

Освоение письменности человеком было бы невозможным, если бы человек не умел фиксировать в сознании увиденное и передать желаемое изображение на плоскости. Именно такая уникальная способность человеческого мозга дала возможность развить это умение и получить такие результаты, которые имеем сейчас. Даже трудно представить, как бы мы изучали историю развития человеческой цивилизации без многочисленных произведений искусства, оставленных нашими предками в культовых сооружениях древних цивилизаций: Индии, Китая, Шумера, Мексики, Египта и т.д. Каждая народность на протяжении тысячелетий развивала свою культуру изобразительного ряда и свои традиции. Китайская традиция живописи отличалась от египетской, как древнерусская от европейской. Художники становились выразителями и носителями национальных традиций, а чаще всего они и являлись родоначальниками многих традиционных изображений ритуальных и культовых изображений, которые со временем канонизировались и становились элементом национальной символики.

Времена и эпохи менялись, но стремление выразить свои эмоции всегда оставалось с человеком: классическая или постмодернистская, абстрактная или фотографически точная живопись — это вечный инструмент самовыражения и познания, отражающий индивидуальное состояние художника или исторические процессы в обществе, прекрасные показывающие тенденции текущего времени.

В жизни современного человека живопись стала уже не просто способом отражения реального мира, она стала совмещать в себе более глубокие смыслы эстетических ценностей и эмоциональных переживаний. Границы воздействия живописных произведений на человеческий разум значительно расширились по мере развития интеллекта самого человека.

Картина, созданная кистью художника, может затронуть самые широкие сферы человеческого познания: история, философия, психология, эстетика, литература, религия, поэзия и т.д.[2]

Сегодня невозможно представить область человеческой жизнедеятельности, в которую не вторгались бы открытия, сделанные в живописи и ее закономерности, связанные с использованием цвета в самых разных сферах: промышленность, медицина, строительство, авиация, гуманитарные науки и т.д. В XX веке такое соединение и взаимопроникновение искусства, утилитарных вещей и технического прогресса объединили одним всеобъемлющим словом «дизайн».

Без работы дизайнера в современном мире практически не обходится ни одна промышленная отрасль или деятельность человека, связанная с созданием чего — либо нового в массовом производстве. Дизайн настолько стал неотъемлемой частью нашей жизни, что мы даже не задумываемся над тем, что основой его являются поиски человека в сфере изобразительных искусств.

Каждый человек с детства в той или иной степени занимался живописью. Живопись является источником самовыражения, самопознания и классического удовлетворения от собственноручно созданного произведения искусства. Это возможность передавать глубинные мысли и желания, запечатлеть свои эмоции и идеи в зримые образы. Занятия живописью сильно развивает творческое мышление, помогает познавать мир вокруг себя в совершенно новом качестве и передавать это познание другим людям. Кроме отражения личных переживаний художника, картины могут передать глобальные идеи и общие тенденции, любовь и ненависть, красоту и уродливое, война и мирное созидание — все это может отразить живопись — величайшее из искусств.

Будучи доступной каждому, живопись позволяет любому взрослому или ребенку развить в себе чувство прекрасного, переосмыслить свою духовную составляющую и избавиться от накопившегося в суматохе современного мира стресса. Живопись активно влияет на нервную систему, дает позитивный настрой.

Очень многие деятели культуры, науки, видные политики, писатели, поэты, да и простые люди занимались живописью в свободное время от основных занятий, так как это давало возможность уйти в некий ирреально придуманный мир от окружающих событий. Это Д. Байрон, А.С. Пушкин, М. Волошин, В. Хлебников, В. Маяковский и многие другие. Вот как выразил свое отношение к живописи современный поэт, прозаик и священник Сергей Круглов «Мне не раз приходилось слышать от поэтов, мнящих так называемую «языковую заумь» единственной само-

ценной стихией стиха,— высокомерное: «Картинки в рифму!...», «Описательная поэзия!...». Ну что ж, каждый пишет, как он дышит; ко мне стихотворение приходит изначально именно в виде зрительного, тактильного и обонятельного тоже, но зрительного, прежде всего, образа, будь пришедшее всего только словом, словосочетанием или сочетанием звуков. Как и поэзия, и музыка, живопись растет из предельных глубин человеческого естества, из тех глубин, в которых, как на фреске Микеланджело, Адама касается творящий перст Бога, передающий ребенку часть генофонда Отца — Его образ, как это называют богословы. И один из генов и есть — творчество, разумный посыл любви, побуждающий человека, вслед за Творцом, осваивать и преображать мир. Тяга к живописи не иссякнет в человеке никогда: всякий новый человек, приходящий в мир и имеющий чудесный Божий дар — зрение, — будет снова и снова тянуться к карандашам и краскам, будет проводить часы, созерцая тайну полотен великих мастеров кисти, и пытаться найти себя, проходя их путём, как бы ни были развиты современные ему видеотехнологии. Картина, живопись, как знак тайны человеческой души и знак чаемого им, потерянного и обретаемого Царства, знак любви. И пока она бессмертна (а она бессмертна), есть и во мне крохотная, яркая частица этого бессмертия. Она есть, она будет. И я прибавляю свою любовь к истории людей, которые тоже любили красивые вещи, выглядывали их везде, вытаскивали из огня, искали их, когда они пропадали, пытались сохранить их и спасти, передавая буквально из рук в руки, звучно выкликая промеж осколков времени следующее поколение тех, кто будет любить их, и тех, кто придет за ними.»

А вот как сказал о живописи знаменитый российский поэт Н. Заболотский:

*Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.
Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутана в атлас,
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас?*

...лучше не скажешь.

Как видим, постепенно живопись в форме картины стала неотъемлемой частью нашей жизни, а больше всего — духовной составляющей нашего сознания и бытия. Мир нашего культурного сознания немислим без существующих культурных центров, которые хранят в своих стенах уникальные достижения в области живописи. Миллионы людей с восхищением и замиранием сердца рассматривают произведения, хранящиеся в музеях Ватикана, Уффици, Эрмитажа, Лувра, Музея Прадо, Гугэнхайма, Третьяковки и т.д.

В сознании почти каждого культурно развитого человека всплывают имена великих мастеров, которые в своих живописных полотнах выразили глубинные чувства страдания, любви, восторга, бесконечные размышления о жизни и смерти и о месте человека во вселенной. Это — Джотто, Леонардо, Микеланджело, Боттичелли, Рублев, Феофан Грек, Врубель, Иванов, Ван-Гог и тысячи других гениальных художников.

Картина, как живописное произведение, перешагнула пороги дворцов и храмов, где она несла декоративно — дополняющую или ритуальную функцию и стала самостоятельным видом искусства, потребовав для этого отдельные помещения в виде музеев и выставочных залов. Сейчас миллионы людей посещают такие центры ради зрительного и душевного прикосновения к шедеврам. Люди выстаивают сутками в огромных очередях ради встречи с произведениями гениальных художников. Нескончаемым потоком движутся зрители ежедневно к росписям Рафаэля и Микеланджело, молитвенно замирают перед Джокондой Леонардо да Винчи в Лувре, часами стоят перед Третьяковкой, чтобы попасть на выставку В. Серова, И. Айвазовского, Ван Гога, Г. Климта.

И если вы попытаетесь выяснить, что же движет такой массой людей, стремящихся в музеи на встречу с живописью, то вы наверняка получите сотни самых разных ответов, и каждый будет по-своему прав, так же, как каждый идущий в храм для встречи с таинством причащения как к источнику чистоты и духовных сил. Такова сила воздействия живописи.

«Творчество — это чистая молитва духа. Искусство — сердце народа. Знание — мозг народа. Только сердцем и мудростью может объединиться и понять друг друга человечество. Под знаком красоты мы идем радостно. Красотой побеждаем. Красотой молимся. Красотой объединяемся. И, чуя путь истины, мы с улыбкой встречаем грядущее»,[5, стр-1] — утверждал Николай Константинович Рерих, всемирно известный художник, философ-гуманист, историк культуры, общественный деятель, педагог.

Конец 19 начала 20 столетия в истории человеческого развития ознаменовано многими грандиозными событиями, которые изменили образ жизни, взгляды на устоявшиеся понятия и т.д. Революционные изменения и достижения в области технического прогресса, повлекшие за собой столкновение государственных интересов, социальные катаклизмы, приведший к первой мировой войне и революция в России стали косвенно (а во многом и на прямую) причиной появления совершенно нового взгляда на место искусства, литературы и архитектуры в жизни человека. Желание человека уйти от насущных земных вопросов и проблем в область ирреальный, в область «искусство для искусства» приводит к взрывному интересу среди деятелей культуры к таким направлениям в живописи, как модерн, аб-

стракционизм и сюрреализм. Внимательно изучая историю развития изобразительного искусства не трудно заметить, что все эти понятия уже существовали ранее, в искусстве древних индейцев, египтян, греков и т.д. Но в начале 20 столетия проявляется огромный интерес к такой форме творческого самовыражения, которое определяется общепринятым термином «абстракционизм».

Признанным лидером, который теоретически обосновал и подтвердил в своих творческих исканиях является В. Кандинский. «Наряду с Пикассо, Шагалом и Дали В. Кандинский принадлежит к числу открывателей нового художественного языка XX столетия и не только потому, что именно он «изобрел» абстрактную живопись, которая существовала и до него; главное, он смог дать ей масштаб, цель, объяснение и высокое художественное качество ... Для этого понадобились и философские традиции... и определенные социальные и культурные условия». В. Турчин. Журнал «Искусство» № 2.1989 г.

Кандинский рассматривал абстракционизм как естественный и неизбежный шаг в эволюции искусства и никогда при этом не третирую великое достижение человечества в реалистическом изображении. Прекрасно знал историю искусств и мог по памяти нарисовать произведения Рафаэля, Рубенса, Рембранта и др. «Романтизм уже теоретически предчувствовал возможность существования живописи «абстрактной» фантастической, музыкальной, поэтической» — Ф.О. Рунге.

Кандинский утверждал, что абстрактными столкновениями линий, цветовых пятен и ритмов можно достичь того же драматичного накала в произведении как у Брейгеля или Босха. Он утверждал, цвет имеет музыкальное звучание (что подтверждает Прокофьев и современные достижения в области синтеза музыки и цвета). Непосредственное и прямое влияние В. Кандинский произвел на ос-

новы преподавания дизайна, как автор многих научных теорий типа «Тезисы преподавания», «О духовном в искусстве» и т.д., всего более 100. Кандинский был глубоко убежден в интернационализации передового искусства и был противником узко национальной замкнутости художников. Но при этом большое внимание уделял России и считал, что именно русские художники носители космополитической идеи в искусстве.

В своем трактате «Текст для художника» Кандинский заявляет: «Живопись есть грохочущее столкновение различных миров, призванных путем борьбы миров между собой создать новый мир, который зовется произведением. Каждое произведение возникает технически так, как возникает космос,— оно проходит путем катастроф, подобных хаотичному реву оркестра... Создание произведения есть мироздание» С этим определением трудно не согласиться. Процесс создания картины в единое целое, в гармоничное соединение многих компонентов в одну систему координат, которые по воле автора начинают «работать» и производить впечатление на зрителя — это и есть новое мироздание, которое создает художник посредством своей творческой воли и интеллекта. Это и есть способ познания мира или как угодно, способ проникновения в космическое устройство мира и через изобразительное искусство пытаться понять законы устройство мира. Мир для человеческого разума разноцветен. Нет сомнения, что такие возможности даны человеку, наделенному высшим разумом на Земле, не случайно. Интеллект и понимание красоты — суть едины, суть высшего разума. Изучая все сущее вокруг себя мы невольно восхищаемся совершенством созданных Создателем, великим Художником, растений и животного мира. Какое совершенство форм, красок, линий, цвета! И мы, дети этого Создателя, должны учиться у него, понимать и ценить данное окружение для своего же совершенствования и познания окружающего нас огромного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпиччи А. К. Искусство и история. Египет. Флоренция. Серена де Леонардес .2004,-192с., ил.
2. Федорова А.Г., Шафранская Н. В. История искусств зарубежных стран XII–XVIII века:- М., Учебное пособие для вузов. Изобразительное искусство, 1988.-512с., ил.
3. Салько Н. Б. Живопись Древней Руси. М., Художник РСФСР,1982.-307с.ил.
4. Дажина В. Д. Микеланджело: Уч. — изд.М.: Искусство, 1987.-215 с., ил.
5. Морозова О. В. Шедевры Европейских художников:- М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013.-304 с., ил.
6. Башкова Н. В. Николай Константинович Рерих: -М., Директ-Медиа, 2010. —48 с.
7. Колпинский Ю. Д. Великое наследие античной Эллады. — М.: Уч.-изд. Изобразительное искусство, 1988.-381с., ил.
8. Турчин В. Журнал «Искусство» № 2. М.: Искусство 1989–80с.ил.
9. Замкова М. Лондонская национальная галерея. М.: ОЛМА –ПРЕСС 2003–126с.
10. Дондурей Д. Канские хроники. М.: Новое литературное обозрение,-2017.

© Акимов Владимир Яковлевич (akimovart@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«АТЛАНТИДА СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА» КАК ИССЛЕДОВАНИЕ И УЧЕБНИК

Бурлина Елена Яковлевна

*Д.ф.н., к. искусствоведения, профессор, Самарский
Государственный Медицинский Университет
bis17@mail.ru*

«ATLANTIS SOVIET ART» AS RESEARCH AND TUTORIAL

E. Burlina

Summary. G. G. Dadamyan's fundamental work «Atlantis of Soviet art» possesses scientific novelty and the richest material for understanding of fruitful and tragic time. In the domestic culture of 1917–1932, the author distinguishes several types-cultural paradigms. The author of the article that G. G. Dadamyan's book contains a wealth of materials, created a unique methodology and a textbook..

Keywords: «Atlantis Soviet art» as the study and the textbook, the methodology of scientific paradigms, Kuhn T., postnonclassical model V. Stepina, L. Kiyashenko, cultural paradigms, G. Dadamyan.

Аннотация. Фундаментальный труд Г.Г. Дадамяна «Атлантида советского искусства» обладает научной новизной и богатейшим материалом для понимания плодотворного и трагического времени. В отечественной культуре 1917–1932 гг., выделено несколько типов — культурных парадигм. Автор статьи считает, что работа является одновременно уникальной научной методологией и учебником.

Ключевые слова: «Атлантида советского искусства» как исследование и учебник, методология научных парадигм, по Т. Куну, постнеклассические модели В. Стёпина, Л. Киященко, культурные парадигмы, Г. Дадамяна.

Памяти профессора Г.Г. Дадамяна

Профессор Геннадий Григорьевич Дадамян (1938–2016) был любимейшим лектором, консультантом и прародителем продюсерской профессии. Его выпускники работают сегодня по всей стране. Он выпустил в свет фундаментальное исследование — «Атлантида советского искусства», часть I, охватывающее период с 1917 по 1932 гг., объемом в 524 страницы [1].

Прежде всего, хотелось бы отметить, что по богатству источниковедческой базы, по сопоставлению политических, искусствоведческих источников, а также свидетельств повседневной жизни, работа Дадамяна не имеет аналогов. Показывая на гигантском и сложносоставном материале 1917–1932 гг. как менялся подход власти к содержанию и принципам управления, ученый приближает своих читателей и учеников к нашему времени, к тем переменам, веяниям и течениям, которые волнуют океан современной культуры.

Судьба отечественного театроведения, а также других искусствоведческих и культурологических дисциплин, сложилась так, что на определенном этапе они вынуждены были принять «академическую замкнутость», как утверждал известный театровед, профессор А.З. Юфит. В той же «замкнутости» жили его именитые московские коллеги. Г.Г. Дадамян также вспоминает: «Поступив работать в 1971 году в Институт истории искусств, я долго не мог понять нежелания «зубров» нашего искусствоведения — А.А. Аникста, Ю.А. Дмитриева, Г.А. Недошивина, К.Л. Рудницкого, В.В. Фролова, Е.Г. Холопова и других —

обсуждать социальный контекст бытования искусства. Позже мне стало ясно, что годы тоталитарного контроля так и не изгладилась из их социальной памяти» [1, с. 24]. Г.Г. Дадамяну суждено было стать одним из первых, кто выводил искусствоведение и культурологию за охранную стену внутренних знаков и символов.

Практическая значимость монографии Г.Г. Дадамяна «Атлантида советской культуры» связана еще и с процессами подготовки специалистов для XXI века. В определенной мере, «Атлантида советского искусства» — это уникальный вузовский учебник: современный и побуждающий мысль. Профессор вводил студентов в живой мир культуры. Об этом пишут и говорят его бывшие студенты, пораженные тому, как мэтр умел связывать конкретные факты с идеями социального времени. Прочитываем газетную рецензию, написанную его бывшими учениками: «Самый запоминающийся пример — уже на первых страницах: на станции метро «Площадь Революции» в скульптурной композиции Манизера все работяги смотрят вдаль, а гнилая интеллигенция — в пол. Психология взгляда тут бескомпромиссно делит «народ» на правых и виноватых или «социально близких» и «социально далеких» для советской власти [2]. Погружение в парадоксальные переплетения власти и искусства не только насыщало знаниями, но заставляло пережить катарсис и гордость за отечественное искусство. Подобные научно-педагогические подходы кардинально отличаются от большинства современных гуманитарных учебников, преподносящих формальные определения культуры (в семантическом, историческом и прочих аспектах).

И наконец, еще один важный научно-практический столп этой работы. Не побоимся слов, скажем о мировом потенциале книги Г.Г. Дадамяна «Атлантида советского искусства». В современной мировой гуманитаристике искусство в России 1920-х гг. остается одной из самых притягательных тем: здесь рождались новые концепции искусства, воздействие которых предопределило художественные практики на столетие вперед. По мысли Дадамяна, а также многих других авторов, которых он цитирует с энциклопедической точностью, это свидетельствует так же о колоссальных традициях, накопленных в России еще до Революции и предопределивших гигантский взлёт послереволюционной культуры. Несомненно, что данный период оказал и оказывает огромное влияние на современное развитие мировой культуры. Не даром, лучшие музеи мира гордятся попавшими к ним в экспозицию работами русского Авангарда 1920-х гг. Советское искусство первых послереволюционных десятилетий остается одной из самых востребованных научных проблем современности. Сошлемся на монографии таких известных ученых мирового класса как К. Аймермахер и К. Шлегель [3,4].

Таким образом, фундаментальную работу Г.Г. Дадамяна «Атлантида советского искусства» можно и нужно рассматривать в разных аспектах: как междисциплинарное расширение социальных границ искусствознания и культурологии; как учебник нового типа, обучающий анализировать искусство в контексте времени; наконец, как исследование с оригинальной методологией и богатейшей источниковедческой базой, заслуживающее продвижения на интернациональные подиумы.

Перейдем теперь к центральному методологическому понятию, скрепляющему весь материал книги в целое.

Парадигмы

Период с 1917 и по 1932 гг., насыщенный беспрецедентными событиями, не имеющими аналогов в истории, Г.Г. Дадамян разбивает на целостные отрезки — парадигмы. Это своего рода акты многослойной и полифонической пьесы, которой управляют разные идеи и в которой действуют разные персонажи. Каждая парадигма похожа на «многослойный пирог», а именно: политика и стратегии управления; взаимоотношения власти и искусства в данное время, ценности этого отрезка времени, способы управления культурой, перипетии отдельных художников. Главным героем парадигм, выделенных автором, является **время**.

Напомним, что понятие «научная парадигма», введенное физиком и философом науки Томасом Куном

в 1969 г., в его книге «Структура научных революций» [5]. Методология парадигм — это диагностика развития науки в определенное время и в определенной среде.

Выдающийся отечественный социолог В.А. Ядов настаивал на необходимости многослойных моделей (по сути, парадигм), позволяющих диагностировать социальные явления. Геннадий Григорьевич Дадамян высоко ценил идеологию многослойных исследовательских моделей, направляя в это методологическое русло исследования своих диссертантов [6].

В первую и изданную часть «Атлантиды советского искусства» вошло следующее:

Парадигма 1. (1917–1919 гг). Митинговый анархизм.

Парадигма 2. (1920–1925). Утопический рационализм или «эпоха проектов райской жизни на земле».

Промежуток (1926–1932). «Обытовление революции».

Дадамян называет 17 признаков, которые присутствуют во всех парадигмах. Очевидны 3 группы признаков:

1. власть, партии, управление, пропаганда, враги.
2. общенациональные ценности: движущие силы общества, отношение к нациям, тип мышления, роль науки, стиль эпохи.
3. персональные ценности: счастье, семья, взаимоотношение полов, образы культуры и красоты.

Итак, парадигма нацелена на создание целостного образа данного отрезка времени. Вот, что пишет Г.Г. Дадамян, характеризуя время после 1917 года: «Нам сегодня трудно представить себе культурную жизнь первой парадигмы. Абсолютное большинство населения было неграмотным. Новая власть еще не утвердилась» [1, с. 89]. Художественный авангард, востребованный в первые два-три года после Революции как пропагандистский рычаг управления, будет через несколько лет жестоко отринут.

Гигантский задел, собранный еще в дореволюционные годы, оказывается ненужным и лишним для власти, хотя год за годом растет его мировое значение. Н. Пунин уже в 1923 году утверждал, что «Париж относится к русскому искусству как стрелка на рельсах к железнодорожному пути» [1, с. 118]. В тексте Дадамяна излагаются не только все перипетии бытования авангарда, его философия и направления, но имеется, например, вдохновенный авторский коллаж про художественную миссию К. Малевича, вытекающую из духовного взыскания русской литературы. Дадамян пишет о новом художествен-

ном знании, новой истине, которая иным откроется только в середине XX века.

Заключение автора книги «Атлантида советского искусства» относительно дореволюционного потенциала русского искусства, которое, несомненно, резонирует с современными проблемами культуры: «На мой взгляд, уже в 10-х годах XX века Россия имела шанс стать новой Меккой для художников. Именно здесь зарождаются новые течения в изобразительном искусстве: в 1910 году выставляет свои первые «импрессионизмы», потом — «импрессионизации», а затем «композиции» В. Кандинский, через год возникает «лучизм» М. Ларионова, очарованного, как и Кандинский, русской иконой и лубочным примитивом. В 1912 г. В. Татлин начинает экспериментировать с живописными контррельефами, в 1913 году предпринимает первые супрематические опыты К. Малевич...» [1, с. 118].

Возьмем далее пример парадигмы II: 1920–1925 гг., «эпоха проектов». Новой власти нужно было максимально развернуть проекты агитации, пропаганды и образования. Цитируется И.Г. Эренбург, работавший в одном из новых советских комитетов и утверждавший как активно действовавший свидетель, что наступила «эпоха проектов». Каждый день из всех властных институтов уходили проекты «райской жизни», которые и были направлены на то, чтобы быстро повести за собой народ.

Особенно стремительны были темпы монументальной пропаганды. Как писал журнал «Искусство» за 1918 г.: к первой годовщине Октября, только в Москве и Петрограде сооружено около 20 памятников, а набор открыток с их изображением издан тиражом в миллион экземпляров. Автор монографии, разумеется, напоминает, что все это происходит в ситуации острейшего «бумажного голода».

Оглядываясь на гигантский объем собранных Г.Г. Дадамяном материалов — политических, управленческих, искусствоведческих, художественных, — читатель задается вопросом: чем скрепляется эта многослойная армия? Прежде чем отвечать, обратим внимание также на «отступления», пронизывающие всю структуру книги.

Г.Г. Дадамян выступает не только в роли исследователя, превосходно ориентирующегося в гигантском материале, но также и режиссера, как мы считаем, который для усиления композиции в целом, вводит «Отступле-

ние в прошлое», «Отступление в настоящее» или «Рассказ персонажа», которые должны подтвердить идею автора и показать ее связи с современностью. Этим коротким «врезкам» немного, они выделены особым шрифтом и версткой. Один из весьма глубоких рецензентов книги — Л.И. Левин — отзывается о них скорее отрицательно, полагая, что подобные «врезки» размывают собственно научное исследование [8]. В тоже время рецензент отдает должное жанру «авторских историй», в котором, по его мнению, написана данная монография

Мы считаем иначе. Например, одно из первых «отступлений» коротко, но весьма убедительно, с нашей точки зрения, ставит в один ряд монументальную пропаганду 1920-х гг. и тотальное строительство «сталинских высоток» после войны. Это тот же «райский план», повсеместно доказывающий процветание послевоенной страны. Следующий план «монументальной пропаганды» развернулся уже в 1960-е, когда вся страна — от Москвы до Урюпинска — «украсилась» блочными «хрущовками».

Г.Г. Дадамян убеждает в том, что власть исключительно успешно справлялась с вызовами времени. Управленческие стратегии, шедшие сверху, чаще всего, «попадали в точку». По мысли ученого, первые советские руководители, не обладая управленческим опытом, оказались исключительно чуткими в выборе и проведении своих управленческих стратегий.

Выше уже было отмечено, что парадигма, по Дадамяну, почерпнута, у современных методологов науки. На наш взгляд, созданная им методология особенно коррелирует с моделями «постнеклассики».

В постнеклассической науке и философии формируется «взгляд на мир, способный по выражению Ж. Делёза удерживать бытие в становлении и становление в бытии, порядок в хаосе, а хаос в порядке (И. Пригожин, И. Стенгерс)... По мнению Л.П. Киященко и В.С. Стёпина, режим синергетического общения между настоящим и будущим позволяет, если прибегнуть к выражению Осипа Манделштама, открыть прошлое, которого еще не было, с тем, чтобы, в некотором отношении, пережить настоящее как уже бывшее» [9, с. 11].

Парадигмальные признаки, названные в книге Г.Г. Дадамяна «Атлантида советского искусства», носят исключительно устойчивый характер. Это значит, что они живут и сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Г.Г. Дадамян. Атлантида советского искусства. 1917–1932. — М.: ГИТИС, 2010. — 524 с.
2. А. Филиппов, Г. Заславский. Правда и песенка Рины Зеленой // «Независимая газета» / 2013.04.11

3. Аймермахер, Карл. Воззрения и понимания. Попытки понять аспекты русской культуры умом. — М.: АИРО-XXI, 2018. — 308 с.
4. Schloegel, K. Das Russische Berlin: Ostbahnhof Europas (Ergänzte und aktualisierte Neuauflage von Berlin, Ostbahnhof Europas). — 2007.
5. Кун, Томас. Структура научных революций. — М., «Аст», «Ермак». 2003 — С. 261.
6. Саморегуляции и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. Под ред. В. А. Ядова — М.: ЦСПиМ, 2013. — 376 с.
7. Левин Леонид Иосифович. Живая история. — Рец. на книгу: Дадамян Г. Г. Атлантида советского искусства. 1917–1991. — Ч. 1. 1917–1932. — М., 2011. — 524 с., ил. // <http://sias.ru/publications/magazines/kultura/2012-2/novye-izdaniya/598.html>
8. Постнеклассика: философия, наука, культура. Коллективная монография. Отв. редакторы: Л. П. Киященко, В. С. Степин. — М., МИР, 2009. — С. 11.

© Бурлина Елена Яковлевна (bis17@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Самарский Государственный Медицинский Университет

ПРОБЛЕМА НЕГАТИВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В РОК-КУЛЬТУРЕ

THE PROBLEM OF NEGATIVE MANIFESTATIONS IN ROCK CULTURE

V. Doronin

Summary. This article is devoted to the actual topic — the study of negative manifestations in rock culture, namely the reasons for the use of alcohol and drugs by rock writers. The choice of the topic is not accidental, since the problem remains one of the most acute both in society and in the youth environment, and in the culture of rock it has a special ambiguous attitude. In rock culture, it has a wide variety and in many ways, its causes are very different from the causes and consequences of these abuses at the household level. Especially it should be noted that the author does not try to justify these negative manifestations and the aim of the work is to study them from a scientific philosophical standpoint, in creativity, in this case directly in the rock culture. To be objective, the author relies on the works of S. Grof, J. Deleuze, T. Leary, E. Frumm, A. Camus and other thinkers.

Keywords: rock culture, rock-author, rock-hero, inner experience, transcendent experience, happening, psychedelic adventure (trip), metaphysical rebellion.

Доронин Владимир Викторович

К.ф.н., преподаватель, Тюменский Государственный
Университет
sibe1@rambler.ru

Аннотация. Данная статья посвящена актуальной теме — негативным проявлениям в рок-культуре, а именно причинам употребления алкоголя и наркотиков рок-авторами. Выбор ее неслучаен, так как проблема по-прежнему остается одной из острых как в обществе в целом, в молодежной среде, а в рок-культуре к ней сложилось особое неоднозначное отношение. В роке она имеет широкую вариативность и во многих аспектах ее причины сильно отличаются от причин и следствий этих злоупотребления на бытовом уровне. Особо нужно отметить, что автор несколько не пытается оправдать эти негативные проявления и целью работы является их беспристрастное изучение с научной философской позиции, именно в творчестве, в данном случае, непосредственно в рок-культуре. Чтобы быть объективным автор опирается на труды С. Грофа, Ж. Делёза, Т. Лири, Э. Фромма, А. Камю и других мыслителей.

Ключевые слова: рок-культура, рок-автор, рок-герой, внутренний опыт, трансцендентный опыт, хэппининг, психоделическое приключение (трип), метафизический бунт.

Начать анализ данной темы нужно с того, что взаимосвязь рок-культуры, алкоголя и наркотиков — разговор особый. Чего стоит известная фраза: «Секс, наркотики, рок-н-ролл», указывающая уже на тесные соотношения между ними. Конечно, во многом это стереотип, но имеющий, бесспорно, под собой основания. Алкоголь и наркотики — одна из страшных болезней современного общества, которая не обошла стороной и рок-культуру. Отношение в роке к этой проблеме сложное и весьма неоднозначное, поэтому требует углубленного, но между тем, тактичного подхода. Тема алкоголя и наркотиков в том или ином аспекте присутствует в творчестве, практически всех рок-авторов. Она затронула столько, что нет смысла даже перечислять имена исполнителей, названия коллективов и конкретные произведения в которых она фигурирует. И если называть вещи своими именами, большинство рок-авторов, как говорится, знают о ней не понаслышке. Многим суждено было пройти через это серьезное испытание, но большая часть не смогло его пережить. Совсем немногим удалось избавиться от этой зависимости, переболеть этим недугом, нейтрализовать тяжелые последствия и сделав выводы, пересмотреть свой взгляд на эту проблему. Так или иначе она оставила глубокий след как в них самих, так и в их творчестве. Автор статьи не будет акцентировать свое внимание на очевидных

и распространенных причинах употребления алкоголя и наркотиков, будь то банальное любопытство и желание «просто» попробовать, поиск острых ощущений, бытовые проблемы, жизненная неустроенность и тому подобное. Так же исключаются из числа причин — получение личного удовольствия, следования веяниям моды в определенной социальной среде, не будет приниматься в расчет употребление алкоголя и наркотиков как показатель деградации личности и следствие антисоциального образа жизни.

В данной статье рассматриваются варианты употребления алкоголя и наркотиков в творческой среде, а именно в рок-культуре. Ввиду этого все обстоит иначе, и мы имеем дело с особым случаем, который является, если можно так сказать частью «рабочего процесса» — применение различных стимулирующих психотропных средств в качестве некоего «инструмента» в творчестве. Автора в первую очередь интересует философское рассмотрение этих негативных проявлений в роке, имеющих под собой существенные основания и являющихся результатом осознанного выбора, когда за ними стоит определенный смысл, идея или концепция, не смотря на то, что также осознается, может не в полной мере, но все же их губительная сторона и возможные тяжелые последствия.

Итак, как известно, каждое настоящее творчество, помимо физических и других затрат, требует от автора огромных затрат внутренних, душевных, эмоциональных и интеллектуальных. Необходима постоянная подпитка, стимулирование всех внутренних резервов для пребывания в нужном тонусе и рабочем состоянии или другими словами необходимо вдохновение. Рано или поздно, период подъема может смениться периодом эмоционального и физического истощения, стагнации и упадка и тогда уже на смену вдохновению придет творческий кризис. Это довольно тяжелый период для каждого автора и выход из него может быть также довольно непростым. С этим сталкивается практически любой творческий человек и у каждого должен быть свой способ как с ним справиться. Есть множество путей, огромное количество вариантов, как стимулировать, вернуть и поддерживать вдохновение. Но они требуют немало времени и подразумевают чаще всего длительный процесс. Дело обстоит иначе и сложнее, если критический период наступил, внутреннее истощение пришло, но ситуация такова, что требует от автора по-прежнему пребывать на пике творческой деятельности и активности, требует вдохновенного состояния и подъема. Но знакомый алгоритм создания художественных образов и привычный набор выразительных средств не работают, отсюда ощущения творческой пустоты и нереализованности усиливаются, заставляют усомниться в своих силах и опасения, что момент вдохновения вернется, в свою очередь, тоже возрастают. Т. Лири и М. Стюарт отмечали: «Вас удручает хроническое безверие. Вы видите, что система общепринятых, экзистенциальных, принятых без доказательства, устойчивых и уютных представлений относительно и неполна, и в любой момент может рассыпаться, как картонный домик. Вы пытаетесь понять, как работает ваш мозг, создающий реальности и проецирующие иллюзии. Вы стремитесь вырваться за пределы этих реальностей и расширить сознание. Вы ищете Путь». [7; С. 10] Таким образом, автор ищет скорейшие пути выхода из кризиса и задается постоянно вопросом, где найти в этом случае внутренние ресурсы, где подчерпнуть энергию, где найти силы?

Вот здесь у многих творческих людей, а в данном случае у рок-авторов и появляется мысль о расширении сознания за счет различных внешних стимуляторов, как более быстрое способ достигнуть желаемого результата и как им кажется способе, который намного проще. Так возникают в их поле зрения стимуляторы в виде алкоголя, наркотиков, транквилизаторов и т.д. Егор Летов — лидер группы «Гражданская Оборона» в одном из интервью говорил, что наркотик — это некий трамплин в определенное состояние, прыжок в особую творческую среду или момент, попадание в нужное настроения необходимое для создания кон-

кретного образа. Поэтому также, как и алкоголь он выступает в качестве инструмента, способа, как для создания нужного настроения, вхождения в него, так и для создания самого момента хэппининга и особой ауры. «Рок-н-ролл — ведь тоже дверь. Трамплин. Бумажный самолетик. «Вертолет без окон и дверей», «Трамвай до ближнего моста». Все, что помогает крушить эти картонные Месопотамии, взрывать все эти трехмерные декоративные хлопушки, все эти кастанедовские «описания», — все хорошо! Все — зерно на мельницу. Тут главное — как самому к этому относиться. Все от себя самого зависит... Конечно, лучше достигать достигаемого самому, собственными силами — но это же в нашей ситуации смехотворно или требует массы времени. Я скажу тебе по секрету — нет у меня лишнего времени на ожидание... Не за этим я здесь. И, кроме того, я с детства не любил мерить ступени шагами — я всегда перескакивал. Зачем ворочать колеса, если есть три волшебных слова: «Крибс-крабс-бумс!» [5] При этом алкоголь или наркотик не просто становится «прыжком», «волшебным заклинанием» и возможностью точно попасть в нужную тональность особого состояния и настроения, они еще дают возможность сэкономить время, перескочив многие промежуточные стадии и ступени. Правда нужно сказать, что такие искусственные стимуляторы далеко не всегда могут гарантировать стопроцентный результат, их механизм предсказуем, способен давать сбой, у него много сторонних влияющих факторов и необходимый эффект не только может быть не достигнут, а наоборот закончится неудачей и иметь всем понятные печальные последствия. Но тем не менее рок-автор часто рискует, и чтобы добиться своей цели, выбирает именно этот отчаянный, запретный способ, выбирает еще одно опасное приключение. Отсюда в рок-культуре есть термин — психоделический трип (психоделическое приключение), который связан с определенным видом внутреннего опыта, а именно опыта психоделического. Как писал Тимоти Лири: «Психоделический опыт — это путешествие в новые области сознания. Сфера действия и содержание этого опыта беспредельны, а его отличительной особенностью является выход (трансценденция) за пределы вербальных понятий и пространственно-временных измерений, за пределы эго, или личности. К такого рода опыту расширенного сознания можно прийти разными путями: с помощью сенсорной депривации, упражнений йоги или систематической медитации; этот опыт может иметь место в минуты религиозных или эстетических экстазов, а также может возникать спонтанно. В последнее время этот опыт стал доступным любому человеку, благодаря открытию таких психоделических препаратов, как ЛСД, пси-лоцибин, мескалин, DMT и так далее». [6; С. 13] Рок-герой как раз хочет получить именно этот внутренний трансцендентный опыт, он ищет это, абстрагированное от реальности, психодели-

лическое приключения, чтобы из него выхватить, вытащить, перенести, образы и ощущения, а в последствии реализовать, осуществить грезы, видения, фантастические картины уже наяву и на практике в своих произведениях. С этими способами экспериментировали не только рок-авторы, с их помощью и многие другие творческие личности пытались воплотить в работах свои фантастические видения и ирреальные миры, сны и фантазии, полные ярких незабываемых впечатлений. В эпоху постмодернистского деконструктивизма и постструктурализма появился ряд весьма авторитетных исследователей и мыслителей, определивших своей целью не оправдать или наоборот осудить, а попытаться понять и серьезно проанализировать эту тему и проблематику, увидеть некую взаимосвязь ее элементов, объединить в систему причины употребления наркотиков и алкоголя в творческой интеллектуальной среде. Это уже упомянутые Тимоти Лири, Станислав Гроф, Карлос Кастанеда и др., посвятившие исследованию психотропных веществ много трудов. Конечно сложно дать однозначную оценку и удержаться в рамках одной концепции, но на основе их работ можно сформулировать основные векторы в исследованиях этой области.

Во-первых, как уже говорилось ранее, наркотики и алкоголь это страшный, опасный, но возможно необходимый для рок-культуры внутренний опыт, инфернальная его часть, темная его сторона. И этот трансцендентный опыт связан с разными уровнями проявления бессознательного как любой личности, так и фигуры рок-героя. По мнению Ж. Делеза такой опыт включает в себя всевозможные переживания, воспоминания и т.д. различной глубина и степени, которые могут быть как положительными и позитивными, так негативными и весьма болезненными. Этот тяжелый опыт, как некий недуг, которым приходится иногда переболеть, чтобы выздороветь, получить иммунитет. Поэтому с одной стороны, почти с уверенностью можно утверждать, что рок-культура может и должна существовать без наркотиков, но вот возможна ли ее полнота без этого опыта, с уверенностью сказать нельзя.

Так же нужно выделить, что одной из главных причин использование алкоголя и наркотиков в рок-культуре, является попытка выйти за рамки неких ограничений как в творческом плане, так и в более масштабном смысле, выйти за рамки внутренних личностных запретов, табу и преград. С помощью этих стимуляторов создать, пусть и иллюзорную, но попытку выхода за рамки бытия в определенном смысле. И в этом видится поиск пространства не только творческого, но и внутреннего. Для рок-героя это тоже своеобразный поиск свободы, поиск самого себя, поиск трансцендентный, а значит духовный. Т. Лири писал, что наркотики, открывают сознание множественным реальностям и неизбежно

приводят к формированию политеистических взглядов на Вселенную. Так в качестве примера можно взять такое направление в рок-культуре как рэггей, связанное непосредственно с религией растафарианства и для которой характерно курение марихуаны. Употребление ее в контексте данной религии и культуры африканских стран, нужно воспринимать не только как употребление наркотических средств для получения удовольствия, а как ритуальное действие, когда благоволения являются частью ритуалов, связанных с очищением, защитой от враждебных сил и т.д. С давних времен известны примеры, когда для языческих обрядов шаманы применяли различные средства для изменения, расширения сознания с целью вхождения в транс, для медитаций и т.д. Но нужно отметить, что в настоящее время употребление этих средств практически полностью утратило сакральный смысл, как, впрочем, и связь с религиозными, ритуальными магическими и культовыми действиями.

Так же употребление алкоголя и наркотиков могут являться следствием определенного вызова, бунта и протеста. Речь идет как о бунте социальном, вызове консерватизму, обывательскому мнению и стереотипам, жизненной каждодневной рутине т.д., так и бунте метафизическом, где одной из составных его частей является вызов страху, страху пустоты и одиночества, вызов несправедливости, незавидному человеческому уделу и т.д. Как не странно, таким образом, тоже может проявляться протест и вызов свободного духа. Альбер Камю полагал, что для человеческого духа вообще доступны только два универсума — священный универсум благодати и универсум бунта. «Бунт порождается осознанием увиденной бессмысленности, осознанием непонятного и несправедливого удела человека. Цель бунта — преображение» [3; С. 69]. Многие представители рок-культуры употребляли наркотики, чтобы, по их мнению, сознательно вычеркнуть себя из погрязшего во лжи и лицемерии современного общества, таким образом противопоставить ему себя, заявить, что они другие и не такие как все. Тем самым вычеркнуть себя из общей массы, пусть таким радикальным, отчаянным и маргинальным способом, игнорируя привычные общественные устои, выступая против всяких авторитетов, несправедливости, систем, власти и др., тем самым освободится от их давления, контроля и ограничений, пытаюсь почувствовать себя свободным и независимым. Жиль Делез в работе «Логика смысла» писал следующее: «Наркотики, если говорить о них обобщенно, вообще не имеют отношения к истине и лжи; разве что для гадалок они открывают некий мир «более истинный, чем реальный». На самом же деле, они смещают соотносительные положения глупости и мысли, устраняя прежнюю необходимость театра неподвижности. Но возможно, если уж мысли приходится противостоять

глупости, что наркотики, которые мобилизуют мысль, расцвечивают, возбуждают, перепаживают и рассеивают ее, которые населяют ее различиями и заменяют непрерывное фосфоресцирование редкими вспышками — суть источник частичной мысли,— может быть». [2; С. 467] Автору статьи когда-то было довольно сложно объяснить почему эта тема затрагивала многих авторов. Теперь имея философскую базу и сложившийся понятийный аппарат возможность сделать это появилась. Зачастую у авторов к алкоголю и наркотикам не было интереса как таковым, и использовались они, как уже говорилось в качестве инструмента, медиатора, способа. Обращение к подобной тематике песен, часто было обусловлено, как и юношеским максимализмом, определенной формой протеста, противопоставлением себя мейнстриму, обществу, сытому истеблишменту. Эта тема была в определенное время вызовом, тем более признание и констатация страшной действительности и этого факта в свое время, так же требовала пусть не геройства, но в некотором смысле мужества или отчаянной смелости. Большая часть молодежи употребляла наркотики подчиняясь «требованиям» моды, этот недуг затронул не только рок-музыкантов, но и людей из различных социальных сфер, но в открытую признавались в этом далеко не все. Признание же таких проблем, это уже, как известно, первый шаг на пути к исправлению ситуации. А ее неоднозначность еще состоит в том, что рок-музыканты, заявившие об этой проблеме открыто так же проявили акт бунтарства, так как тем самым выступили и в какой-то мере против своих, не считающих подобный образ жизни чем-то отрицательным.

В завершении данной статьи нужно резюмировать и выделить следующее. Рок-культура, как и любая другая культура является совокупностью положительных и отрицательных составляющих ее элементов. И проблема негативных проявлений, в данном случае — алкоголя и наркотиков по-прежнему в ней присутствует. Пусть это далеко не одна из лучших сторон в истории рока, но увы, тем не менее это ее часть. Автор статьи считает, что рок может быть и без наркотиков, их наличие вовсе необязательно. Но главное другое, что для рок-героя как субъекта рок-культуры, наркотики или алкоголь — это не самоцель. Чаще всего они — это запрещенный технический прием, табуированный «художественный» метод, особый инструмент для достижения творческого состояния, необходимого для рождения конкретного образа и воплощения его в творчестве. Выше обозначенные негативные проявления являются одной из составных частей внутреннего трансцендентного опыта рок-героя, опыта темных сторон и запретных глубин бытия, опыта который может быть тоже необходим для последующее преобразование. Поэтому в этих негативных проявлениях рок-культуры все же виден двоякий смысл, как в положительном, так и в пу-

гающем значении. Несомненно, все эти «излишества», будь то алкоголь, наркотики и др.— далеко не самые лучшие и страшные, но своеобразные способы трансцендирования рок-героя, а также способ заполнения его внутренней пустоты, когда он выгорает и сжигает себя изнутри, тратя свою жизненную силу, энергию и здоровье на создание художественного произведения и реализацию себя в творчестве. Поэтому алкоголь и наркотики как бы цинично не звучало — издержки «производства» и как не печально, этого требуют законы жанра, чтоб рок-герой состоялся в полной мере. И к сожалению, нередко, когда уже не откуда ждать помощи, они становятся последней надеждой на обретение жизненных и творческих резервов, чтобы двигаться вперед и продолжать творить, потому что этого требует Призвание. А Призвание — это больше чем творчество, это творчество, возведенное в степень, оно не только для себя лично, оно для всех и от имени многих других же «печальных жителей земли». Оно требует непосильных затрат, и его цена очень высока. Таким образом, негативные проявления становятся еще и своеобразной жертвой, расплатой за «грехи», платой за попытку проникнуть в недозволенное, постигнуть непознаваемое и сверхчеловеческое, за попытку заглянуть за завесу бытия и за посягательство узурпировать прометеевский огонь, незаконным, запретным, табуированным способом. Поэтому далеко не всем рок-героям суждено пройти эти испытания и единицы, достигнув признания, известности, не потеряв себя, приходят к внешнему и внутреннему духовному преображению. Многие рок-герои к сожалению, обрели Свободу и Вечность, состоялись как творческие личности лишь ценой собственной жизни.

Чтобы завершить данную статью на оптимистической ноте, приведем интересный и красноречивый пример Майкла Джиры — лидера индустриальной группы Swans, которая исполняла настолько гипнотически-завораживающую, прекрасную и фантастическую музыку, но одновременно настолько же печальную, безысходную, мрачную и трагичную. Связано это было во многом с употреблением огромного количества наркотиков участниками коллектива, что привело к практически полному физическому, душевному, творческому истощению и распаду группы. Но к чести Майкла Джиры, нужно сказать, что он нашел в себе силы, чтоб отказаться от наркотиков, пересмотреть свое отношение к жизни, к миру и вновь вернуться к творчеству. Результатом этого чудесного преображения стала его новая группа — The Angels Of Light (Ангелы света), которая исполняет столь же величественную и красивую музыку, но под стать своему названию и столь же светлую. Таким образом, можно с точностью утверждать, что алкоголь и наркотики в рок-культуре не являются существенной оставляющей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гроф С. Области человеческого бессознательного: опыт исследований с помощью ЛСД. / пер. с англ. М.: МТМ, 1994. — 240 с.
2. Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр. — Фуко М. D 29 *Theatrum philosophicum*: Пер. с фр. — М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. — 480 с.
3. Камю А. Бунтующий человек: сочинения в 5 т.: т 3 / А. Камю. — Харьков: Фолио, 1998. — 574 с.
4. Корабельников А. Влияние употребление наркотиков на творчество русских рок-поэтов. <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-upotrebleniya-narkotikov-na-tvorchestvo-russkih-rok-poetov-predvaritelnye-zametki-iz-serii>
5. Летов Е. 200 лет одиночества (интервью). http://grob-hroniki.org/article/1991/art_1991-12-xxb.html
6. Лири Т., Метцнер Р., Олперт Р. Психоделический опыт: Руководство на основе «Тибетской книги мертвых» / пер. с англ. Г. А. Лубочкова. — Львов: Инициатива; К.: Ника-Центр, 2003. — 244 с. — (Серия «Новейшая психология»; вып. 4).
7. Лири Т., Стюарт М. и др. Технологии изменения сознания в деструктивных культурах. Пер. с англ. / под ред. И. Митрофановой. — Санкт-Петербург: Экслибрис, 2002. — 224 с.
8. Никитин Ю. Философские аспекты причин наркомании <https://cyberleninka.ru/article/v/filosofskie-aspekty-prichin-narkomanii>
9. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1998. — 672 с.
10. Фромм Э. Бегство от свободы: Человек для себя / Пер. с англ. Д. н. Дудинский; Худ. обл. М. В. Драко. — М.: ООО «Попурри», 1998. — 672 с.

© Доронин Владимир Викторович (sibe1@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тюменский Государственный Университет

СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСКУССТВА КАК ФЕНОМЕНА КУЛЬТУРЫ

MODERN SCIENCE AS A PHENOMENON OF CULTURE

**A. Kamenets
I. Kazakova**

Summary. The article discusses the main problems of art in the context of cultural development of the individual and society. The nature of art as a cultural phenomenon, its evolution and current state are analyzed. Particular attention is paid to the comparative analysis of modernism and postmodernism, which allows to identify the main trends in the development of contemporary art as a form of social consciousness. The positive characteristics of modernist art, which are to an extent invaluable in culturological and art history literature, are highlighted. The criticism of some negative manifestations of the postmodern paradigm in artistic practice, carried out in the article, is associated with the loss in the creation of many artistic works of axiological landmarks, as well as the mimetic function of art, carried out by means of artistic imagery. The analysis of contemporary art allows to outline further prospects of its desirable development as a phenomenon of culture. Among these prospects is the expansion of the possibilities of interactivity of contemporary art in the processes of socialization and inculturation, contributing to the spiritual and moral development of all members of society. The article also substantiates the possibility of the formation of a new cultural paradigm, called post-postmodernism as the next stage in the development of world and national artistic culture.

Keywords: art, culture, image, aesthetic, knowledge, value.

Введение

Одной из сложнейших проблем современной культурологии является выявление однозначных критериев и оценок по отношению к современным произведениям искусства как явлениям культуры [17]. Художественная практика постмодернизма привела к размытости этих критериев и оценок, провозгласив в качестве ведущего принцип творческой свободы создателей продуктов, которые достаточно часто не соответствуют устоявшимся эстетическим интерпретациям.

В этой связи имеет смысл рассмотреть, возможны ли корректные интерпретации современных художественных произведений исходя из классического понимания

Каменец Александр Владленович
ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
katenez.a@rambler.ru
Казакова Ирина Сергеевна
ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
Kazakovais2014@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы искусства в контексте культурного развития индивида и общества. Анализируется природа искусства как культурного явления; его эволюция и современное состояние. Особое внимание уделено сопоставительному анализу модернизма и постмодернизма, что позволяет выделить основные тенденции в развитии современного искусства как формы общественного сознания. Выделяются позитивные характеристики модернистского искусства, в должной мере не оцененные в культурологической и искусствоведческой литературе. Осуществляемая в статье критика некоторых негативных проявлений постмодернистской парадигмы в художественной практике связывается с потерей в создании многих художественных произведений аксиологических ориентиров, а также миметической функции искусства, осуществляемой средствами художественной образности. Проведенный анализ современного искусства позволяет наметить дальнейшие перспективы его желательного развития как феномена культуры. Среди этих перспектив расширение возможностей интерактивности современного искусства в процессах социализации и инкультурации, способствующих духовно-нравственному развитию всех членов общества. В статье также обосновывается возможность формирования новой культурологической парадигмы, получившей название пост-постмодернизма как следующего этапа в развитии мировой и отечественной художественной культуры.

Ключевые слова: искусство, культура, образ, эстетическое, познание, ценность.

искусства как культурного феномена. Искусство (англ., франц. Art, нем. Kunst) — одна из важнейших областей духовной жизни человечества, особый вид творческой деятельности, направленной на воссоздание реальности в художественных образах. Это способ образного, отражения реальности, что существенно отличает художественное познание мира от научного или философского познания, которое осуществляется в формах логических понятий и категорий [12,21].

В научной литературе искусство определяется также как универсальный способ познания мира в художественных образах — музыкальных, живописных, пластических, воплощающих духовное, идейное содержание в конкретно-чувственном выражении; это способ гармонизации отношений человека с миром, делающего мир

соразмерным человеку, придающий форму текучему эстетическому опыту [6,11,15,16].

Универсальность конкретно-чувственного выражения в этом определении можно трактовать как возможность различными художественными средствами — в слове, музыке, танце, пластических образах — художественно-образного отражения реальности. На ранних стадиях развития человечества происходила переплавка непосредственных ощущений в образы, в которых сохраняется непосредственность этих ощущений [13,14]. Это проявление способности к образному мышлению, творческой фантазии, эмоциональному самовыражению — особого рода игре, где все эти способности взаимосвязаны. Присутствует обобщенное художественное представление о реальности через синтез жизненных впечатлений через воображение. Отмечается также, что наука приходит позже искусства, как и мышление в понятиях, отвлеченных представлениях и т.д. Рассмотрим теперь, как художественно-образное восприятие может рассматриваться в качестве основы для интерпретации современных произведений искусства.

Результаты

В современном искусстве художественно-образное воспроизведение действительности часто заменяется игровой деятельностью, что затрудняет однозначное отнесение того или иного продукта творчества к художественному произведению. Тем не менее, исходя из устоявшегося понимания сущности искусства как отражения реальности в художественных образах оказывается возможным все же оценить современное искусство, представленное прежде всего постмодернистскими установками в контексте его культурной значимости [3]. Для этого имеет смысл сопоставить искусство постмодернизма с модернизмом, поскольку последний при всей разноречивости его оценок разными исследователями все же был последней попыткой сохранить в художественном творчестве его эстетические характеристики. Причем эти характеристики стали в известной мере самоценными, что позволяет рассматривать искусство модернизма как попытку сохранить художественное творчество в его рафинированном виде, не связывая его прямо с теми или иными внеэстетическими запросами.

В модернизме художественная форма создавалась как замкнутый конструкт, имеющий определенную эстетическую самодостаточность. В искусстве постмодерна мы уже имеем дело с антиформой, предполагающей недосказанность, невыраженность как проявление творческого индивидуализма вне какой-либо системы художественных требований [2,22,23].

Если в искусстве модерна присутствуют ярко выраженные цели и намерения автора произведения, то в постмодернизме преобладает игра различными творческими возможностями, часто не имеющими предзаданной цели. В модерне соответственно творец произведения имеет, как правило, план его создания, который последовательно реализует. В постмодернистском искусстве чаще всего присутствует случайность как демонстрация спонтанного творчества.

В установках модернизма имеет значение наличие иерархии жанров, идей, тем, что свидетельствует о выбранных творцом произведения приоритетах, мировоззренческих позициях, эстетических предпочтениях и т.д. Постмодернисты являются приверженцами анархии взглядов, предпочтений, тем и т.д., реализуя опять же так понимаемый ими принцип творческой свободы. Если в искусстве модерна присутствует стремление к созданию завершеного художественного произведения, то для постмодернистов в известном смысле «движение все, а конечная цель — ничто», что выражается в предпочтении самого художественного процесса, а не его результата. Характерно, что излюбленными в постмодернизме формами демонстрации этого процесса становятся перформанс и хэппенинг, балансирующие на грани эстетической и жизнеподобной реальности. Поэтому в искусстве, предшествующем постмодерну, присутствовала некоторая дистанция между создателем, исполнителем художественного произведения и зрителем, слушателем. В постмодерне такая дистанция отсутствует [5].

Постмодерн строил новый целостный, завершённый в понимании создателей произведений художественный мир. В постмодернизме место созидания занимает разрушение и деконструкция привычных художественных форм, ориентированные на широту субъективных произвольных прочтений и трактовок различных явлений и фактов окружающей действительности.

Место устоявшихся жанров, соблюдение границ между ними занимают создаваемые постмодернистами «тексты» и «интертексты», где следование жанровым ограничениям становится бессмысленным и не оцениваемым в качестве обязательного. При этом семантические (смысловые) характеристики создаваемых постмодернистами «художественных текстов» вытесняются их риторическими выражениями. Другими словами, становится не столько важным, что выражает художественное произведение, а как оно выражает ту или иную художественную информацию. Тем самым постмодернисты снимают с себя ответственность за содержательность и социальную значимость создаваемых ими произведений. Парадигма в художественном творчестве уступает свое место синтагме.

В постмодернизме метафора как один из важнейших приемов для создания художественного образа становится менее значимой в сравнении с метонимией, когда в поле внимания творца произведений могут попадать самые различные случайные объекты, предметности и артефакты. Если для создания художественного образа ранее осуществлялся тщательный отбор художественных деталей, выразительных средств, идей и смыслов, то постмодернистское искусство предпочитает различную комбинаторику без каких-либо однозначных художественных критериев.

Особое значение для художественной практики постмодернизма приобретает принцип «ризомности», который противопоставляется укорененности художественных традиций, школ, направлений. Постмодернисты провозглашают и реализуют право творца создавать свои произведения «с нуля», не считаясь с какими-либо художественными требованиями, традициями, преемственностью и т.д.[7].

В постмодерне отсутствует обязательность внятных художественных интерпретаций и объективных прочтений художественных текстов, что фактически делает невозможным формирование объективных оценок и суждений по отношению к создаваемым произведениям. Более того, везде, где только возможно предлагаются художественные интерпретации, демонстрирующие прочтение художественных текстов вне каких-либо рациональных и этических норм. «Обозначаемое» в этой связи становится несущественным. Зато на первый план выходит сам «обозначающий» — субъект художественного творчества. Соответственно «читаемое» является менее важным, чем «написуемое». В результате появляется множество случайных творцов, для которых создание тех или иных произведений становится самоцелью при необязательности наличия у этих произведений устойчивой аудитории зрителей, слушателей, читателей. Место нарративов «большой истории» занимают «частные случаи», нарративы «малой истории», случайные эпизоды, понятные ограниченному числу «посвященных» [20].

В эпоху постмодерна смазываются культурные коды, свидетельствующие об уровне мастерства художника, его объективных творческих достижениях. Вместо этого предпочтение отдается особенностям творческой манеры, индивидуальному самовыражению (идеолектам), что открывает дорогу для творчества любым дилетантам далеким от искусства и культуры.

Благодаря сохранению художественной условности и сложившейся в мировом искусстве профессиональной этике сами создатели художественных произведений и их персонажи, изображаются чаще всего при сохранении художественной условности, исключаящей

воспевание низменных инстинктов и бессознательных влечений в качестве универсальных желательных человеческих характеристик. В постмодерне же сплошь и рядом, обнажаются в прямом и переносном смысле запретные человеческие влечения и инстинкты как претензия на «объективность» отражения человеческой природы.

Как известно, одним из устоявшихся канонов художественного творчества является художественная типизация, представляющая собой своеобразное обобщение изучаемой реальности средствами литературы и искусства. В постмодернизме художественные типы замещаются их мутациями, нивелирующими познавательные возможности искусства до уровня простой констатации и феноменологических описаний, изображений [1].

В искусстве, предшествующем постмодернизму, сохраняется интенция на сохранение «мужского» и «женского» начал в искусстве, начиная от любовной лирики, кончая воспеванием героического «мужского» начала. В постмодернизме, «чувство пола» в произведениях искусства оценивается как ограничение человеческой свободы. Соответственно предлагается его замена в виде «полиморфизма» и «андрогинности».

Постмодернизм предлагает, по сути дела, капсульное существование в универсуме культуры. Отказ от ориентированности творчества на какие-либо общественно значимые идеи и ценности во имя индивидуальной свободы творчества делает неизбежным замыкание художника на мир собственной субъективности, не нуждающейся в дальнейшей объективации в интересах зрителей, слушателей, читателей. В лучшем случае формируются камерные аудитории любителей соответствующей художественной продукции, противопоставляющих себя окружающему социуму. Очевидно, что в этом случае становится затруднительной выработка однозначных критериев оценки произведений искусства как культурных феноменов.

Разочаровавшись в достижениях рационального мышления, представители постмодерна отказываются, как правило, выявлять причины и генезис отражаемых явлений и социальных фактов; предпочитают уходить от артикуляции «общих истин», делают акцент на различиях и «следах прошлого» в настоящем, оставляя в стороне анализ причинно-следственных связей как результат изучения этого прошлого.

Важнейшей фундаментальной характеристикой постмодерна является замена им монотеистической картины мира, а также веры в существование «высшего разума», придающего смысл существующему мирозданию, ориентацией на самостоятельное духовное творчество художников в качестве спонтанного самовыражения,

не ограниченного какой-либо религиозной догматикой и какими-либо идеальными нормами в качестве высших законов творческой деятельности. То или иное проявление «метафизичности» в любой созидательной деятельности человека в постмодернизме подвергается иронии, не оставляющей места «серьезной» пафосности. В этой связи можно возразить исследователям, оценивающим постмодернизм как вариант возрождения классического наследия в игровой форме в противовес творческой практике модернизма, пренебрегающего классическим культурным наследием. [8,9]. Обращение к классике в постмодерне во многом обесценивается благодаря все разъедающей иронии в интерпретации этого наследия.

Тем самым, по мнению постмодернистов, преодолевается догматизм мышления и рабская зависимость художника от навязываемых ему каких-либо идеологием окружающим социумом. В этой связи становится понятным уход постмодернистского творчества от трансцендентности в пользу имманентности. В соответствующей творческой практике эта установка проявляется как отказ от «вертикального измерения» художественно-эстетической реальности — наличия в ней возможности духовного роста и восхождения художника по мере приближения его к духовным идеалам, выработанным человечеством. Всякие заменяющие этот рост «горизонтальные связи», даже облакаемые в форму следования соответствующим религиозным заповедям (например, «любовь к ближнему»), могут делать постмодернизм более «человечным» и одновременно бездуховным. Гуманизм такого рода неизбежно трансформируется в любовь к «тварности» человеческого существования, не способствующего духовному возрастанию современного человека.

Обсуждение

Оценивая возможности постмодернизма как художественной практики, можно сделать вывод о том, что в нем несмотря на несомненные художественные достижения преобладают все же контркультурные тенденции. Не случайно современное искусство, реализующее преимущественно постмодернистскую культурную парадигму, некоторыми авторитетными исследователями, оценивается как «посткультура» и «постискусство» [3]. Демонстрируемая инновационность в искусстве как доминирующий тренд становится сплошь и рядом самоценной, лишая творчество создателей художественных произведений главного — сохранения художественной образности и мимесиса как сущностных характеристик любой творческой деятельности, претендующей на оценку ее как художественного творчества.

В погоне за творческой свободой и разнообразием индивидуального самовыражения многие современ-

ные произведения искусства, претендующие на оригинальность и самобытность, становятся значимыми только для узких аудиторий как способ самоподдержания и сплоченности отдельных социальных групп для поддержания социального статуса последних вне какого-либо культурного контекста. В этой связи некоторыми исследователями фиксируется появление новой тенденции в современном искусстве — пост-постмодернизма. Среди разнообразных характеристик последнего имеет смысл выделить те, которые предлагает известный культуролог и социальный антрополог Э. А. Орлова. Они во многом созвучны нашим представлениям о возможных альтернативах издержкам постмодернизма. Имеет смысл дать интерпретацию ее обобщений в художественно-творческом контексте.

Обращаясь к категории взаимодействия, Э. А. Орлова предлагает рассматривать в качестве новой культурологической парадигмы взаимодействие и соответственно соучастие культурных субъектов в едином творческом процессе вместо индивидуального постмодернистского субъекта, испытывающего «экзистенциальную заброшенность». Вместо стремления в постмодерне устоявшейся неупорядоченности, включая художественную практику, начинает присутствовать стремление к упорядоченным взаимоотношениям с окружающей действительностью, где становится особенно важным эстетическое отношение к окружающему социуму. Интертекстуальность и виртуальность постмодернистской творческой практики начинает вытесняться признанием как виртуальности, так и реальности в качестве художественного принципа. «Пробы и ошибки» постмодернистского творчества уступают рефлексивности во взаимодействии художника с окружающей средой в целях конструирования этой среды в соответствии с решаемыми творческими задачами. Ризомности постмодернизма противопоставляется соразмерность творчества человеку и микродинамические взаимодействия создателей художественных произведений со своей аудиторией. Соответственно реализуется принцип антропности при художественном освоении и отображении реальности [18].

Эти концептуальные положения развернуты в специальных исследованиях, посвященных проблематике социального взаимодействия и возможностям интеракционистского подхода в интерпретации художественных произведений [10]. Характерно, что такой выдающийся эстетик как М. С. Каган пришел к идее «диалога» различных художественных и социальных практик в едином творческом процессе как возможности снятия антагонистических противоречий между модернистской и постмодернистской парадигм, порождающих эффект «ансамблевости» вместо крайностей индивидуализма и обезличивающего коллективизма в социальной и художественной жизни [9].

Заключение

Анализ состояния современного искусства как явления культуры показывает наличие в нем доминирующей тенденции поиска новых форм художественной коммуникации, способствующих разнообразию творческому самовыражению. Проблема заключается в демонстрируемом эгоцентризме многих художников, реализующем принцип индивидуальной свободы этого самовыражения как главного требования к процессу создания художественных произведений. Не отрицая ценности этой творческой установки, необходимо все же дополнить ее последовательным стремлением любого творца к взаимодействию со слушателем, зрителем, читателем, которое способствует духовно-нравственному развитию человека. Особое значение в решении этой задачи принадлежит непосредственному контакту членов общества с «живым искусством» — художественными произведениями, сохраняющими родовые свойства искусства — мимесис и художественную образность. Этот контакт будет продуктивен, если он будет способ-

ствовать обретению любителями того или иного вида художественного творчества смысложизненных ориентиров и культурной самоидентичности в интересах всего общества. Это предполагает в свою очередь выход творцов искусства в пространство социокультурных взаимодействий с различными социальными группами как соучастниками единого творческого процесса. Это соучастие предполагает «производство» и «потребление» художественных ценностей в интерактивном режиме — с учетом культурных интересов и запросов той или иной социальной и возрастной группы населения. Причем каждая из этих групп способна формировать собственный набор культурных оценок и эстетических критериев по отношению к создаваемым произведениям искусства. Но принцип интерактивности только тогда будет социально эффективен и продуктивен в культурном отношении, когда при всем разнообразии нравственных установок утверждается общественная мораль, предполагающая развитие творческого потенциала каждого члена общества для достижения все большей солидарности и взаимопомощи в современном социуме [4,19].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. — М.: Прогресс, 1974. — 392 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. 2-е изд. — М.: Добросвет, 2006. — 389 с.
3. Бычков В. В. Эстетика. — М.: КНОРУС, 2012. — 528 с.
4. Буркхардт Т. Сакральное искусство Востока и Запада. — М.: «Алетейя», 1999. — 216 с.
5. Ван-Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. — М., Прогресс, 1989. — 312 с.
6. Выготский Л. С. Психология искусства. — М.: Искусство, 1986. — 573 с.
7. Гуревич П. С. Философия. — М.: Юнити, 2004. — 400 с.
8. Каган М. С. Эстетика как философская наука. Ч. 1. М.: Изд-во Юрайт, 2018. — 295 с.
9. Каган М. С. Эстетика как философская наука. Ч. 2. М.: Юрайт, 2018. — 221 с.
10. Каменец А. В. Введение в теорию социального взаимодействия. — М.: КНОРУС: ООО «Квант Медиа», 2016. — 462 с.
11. Кривцун О. А. Эстетика. М.: Юрайт, 2017. — 549 с.
12. Кун Т. Структура научных революций. — М.: Прогресс, 1975. — 288 с.
13. Лосев А. Ф. Знак, символ, миф. — М., изд. МГУ, 1982. — 480 с.
14. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. — М.: Мысль, 1993. — 959 с.
15. Лосев А. Ф. Эстетика как философская наука. Часть 1. — М.: Юрайт, 2018. — 295 с.
16. Лосев А. Ф. Эстетика как философская наука. Часть 2. — М.: Юрайт, 2018. — 221 с.
17. Моль А. В. Социодинамика культуры. — М.: Прогресс, 1973. — 407 с.
18. Орлова Э. А. История антропологических учений. — М.: Академический проект, 2010. — 621 с.
19. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. — М.: Алгоритм, 2002. — 496 с.
20. Пивоев В. М. Философия культуры. — М.: Академический Проект, Гаудеамус, 2009. — 426 с.
21. Поппер К. Логика и рост научного познания. — М., Прогресс, 1983. — 605 с.
22. Фуко М. Воля к истине. — М.: Касталь, 1996. — 448 с.
23. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. — М., Прогресс, 1977. — 242 с.

© Каменец Александр Владленович (kamenez.a@rambler.ru), Казакова Ирина Сергеевна (Kazakovais2014@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

THE LEARNED SOCIETIES OF THE RUSSIAN EMPIRE

V. Obukhovich

Summary. The present article is devoted to the investigation of the learned societies of the Russian Empire. The learned societies are important part of the academic culture. The investigation of the academic culture of the Russian Empire is topical because the imperial period has been important for the development of Russian science and education. There is given a review of scientific activities of the most important learned societies in the present article.

Keywords: the learned society, the history of science, the history of education, the academic culture, the pedagogical culture, the Russian Empire.

Обухович Владимир Владимирович

Аспирант, РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)
vlvlob@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию научных обществ Российской империи. Научные общества являются важной частью академической культуры. Актуальность исследования академической культуры Российской империи определяется важностью имперского периода в развитии российских науки и образования. В статье даётся обзор научной деятельности наиболее важных научных обществ.

Ключевые слова: научное общество, история науки, история образования, академическая культура, педагогическая культура, Российская империя.

Одной из составных частей академической культуры являются научные общества. Важность научных обществ для трансляции знаний и коммуникации ученых неоднократно отмечалась как в отечественных, так и в зарубежных научных работах. Настоящая статья рассматривает деятельность научных обществ Российской империи на примере некоторых из них.

Научные общества играли важную роль в организации регулярной коммуникации учёных. Устав общества, определяющий его цели и способ приёма членов, в Российской империи был одобрен государством в лице Министерства просвещения, однако в основном общества создавались по инициативе самих учёных. В число задач научных обществ входил не только обмен идеями, но и популяризация науки. Обычно научное общество создавало свой журнал, где публиковали научные работы членов общества, а также отчёты о заседаниях [1, С. 171–178]. Поддержка научных обществ государством связана с особой ролью науки, которая является двигателем общественного прогресса, механизмом развития государства и общества: чем более развита наука в стране, тем большую роль играет государство на мировой арене [2].

В России научные общества также часто были результатом самостоятельной активности учёных (например, Вольное экономическое общество России, созданное в 1785 году), однако существовала и государственная поддержка [2, С. 175].

Первым этапом развития российских научных обществ был XVIII век. Центром возникновения и развития

научных обществ была Москва. Однако деятельность возникших в этот период обществ была короткой: после Французской революции в 1789 году они были закрыты Екатериной II, на этом закончился первый этап развития российских научных обществ. Появившееся в этот период Вольное экономическое общество стало первым научным обществом России. Общество было учреждено в 1765 году при участии Екатерины II и академиков Л. Эйлера и Я. Штелина [2]. Устав определял, что члены Общества должны были «делать и сообщать опыты по всем частям народного хозяйства, от земледелия, звериных и рыбных промыслов до горных дел и мануфактур, а также давать собственные сочинения по разным частям приватной и государственной экономии» [2], «предоставлять новые изобретения по механике и деревенской архитектуре» [2].

Также центром развития научных обществ стал Московский университет, при котором с целью привлечения к просветительской деятельности состоятельных московских дворян были созданы Дружеское ученое общество и Собрание университетских питомцев.

В первой половине XIX века государством более активно поддерживались литературные, филологические и исторические университетские общества. Естественнонаучные общества более активно стали развиваться после реформ 1860-х гг., когда увеличился численный состав естественнонаучных кафедр и количество высших технических институтов [1, С. 171–178]. Кроме того, научные общества могли появляться и по частной инициативе, как было, например, в случае «Беседы любителей русского слова», выросшей из встреч литераторов.

В XIX веке Московский университет оставался важным центром научных коммуникаций, при котором в начале XIX века были созданы Общество Истории и Древностей Российских, Общество любителей Российской словесности, Императорское Московское общество испытателей природы. Первое российское Математическое общество также появилось в Москве в 1811 году по инициативе М. Н. Муравьева [1, С. 171–178].

До реформ Александра II в каждом из пяти российских университетов математику вёл один, иногда два преподавателя, в России не было математических журналов [1, С. 171–178], что затрудняло развитие математики в России. Устав 1863 года [4] увеличил как количество представителей математических дисциплин, так и число университетов. В связи с этим, а также с тем, что математики стали активно развивать свою дисциплину, при Московском университете в 1867 году было создано Московское математическое общество. Основой общества стал кружок молодых математиков, организованный в 1864 году профессором Н. Д. Брашманом и носивший название «Общество любителей математических наук». Поскольку общество состояло при университете, оно было возможностью для выпускников поддерживать связи с научным миром [1, С. 171–178]. Представляется, что молодым математикам было важно поддерживать контакты с университетом для научной коммуникации, вхождения в научный мир и утверждения себя в нём.

Основным центром развития научных обществ XIX века был Санкт-Петербург. Так, в начале 1800-х годов в Петербурге появилось объединение литераторов, из которого затем выросла «Беседа любителей русского слова» [5, С. 351–353]. Основатель объединения А. С. Шишков писал в своих воспоминаниях: «Мы четверо, а именно: Державин, Муравьёв, Хвостов и я, установили для чтения вечера, и, в назначенные дни, съезжались по очереди друг к другу. Некоторые другие любители русского языка присоединились к нашему обществу, и мы проводили время с пользой и приятностью» [5, С. 351–353]. Постепенно было создано официальное общество, которое после долгих споров учредителей получило название «Беседа любителей русского слова». Для заседаний общества Г. Р. Державин предоставил большой зал своего петербургского дома на Фонтанке и библиотеку. 15 марта 1811 года состоялось торжественное заседание, открывшее «Беседу». Затем заседания происходили каждый месяц, на них приходила интересующаяся публика. Во время Отечественной войны 1812 года заседания общества были приостановлены, а в 1813 году возобновились и продолжались до 1816 года, когда в связи со смертью Державина собрания окончательно прекратились. В 1817–1818 гг. Шишков и Хвостов пытались возобновить деятельность общества, однако эти попытки не увенчались успехом [5, С. 351–353].

Кроме того, 15 июля 1801 года в Петербурге было основано Дружеское общество любителей изящного, вскоре переименованное в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. Современники связывали литературный подъём этого периода с окончанием правления Павла I [6, С. 198–224]. Так, Н. И. Греч писал: «Вновь раздался голос литературы... Появились журналы, альманахи, критики и полемика... Дремавшие дотеле юношеские силы пришли в брожение» [6, С. 198–224]. А. Ф. Мерзляков также отмечал, что «в сие время блистательно обнаружилась охота и склонность к словесности во всяком звании... Сей дух, быстрый и благотворительный, произвел весьма многие частные ученые собрания литературные, в которых молодые люди, знакомством или дружеством соединенные, сочиняли, переводили, разбирали свои переводы и сочинения и, таким образом, совершенствовались себя на трудном пути словесности и вкуса. В Петербурге и Москве существовали такие общества, не думающие ни об известности своей, ни о выгодах, но живущие единственно удовольствием внутри себя заключенными, одним словом, наслаждениями учения» [6, С. 198–224].

Активное развитие обществ естествоиспытателей при российских университетах началось после I съезда русских естествоиспытателей и врачей в 1867 году. Общее собрание съезда составило ходатайство о поддержке научных обществ, которое получило поддержку Министром народного просвещения (было утверждено ежегодное пособие каждому обществу в 2500 рублей в год). Благодаря министру 22 февраля 1868 года было получено разрешение на создание обществ естествоиспытателей, и в 1869 году они были созданы в Казанском, Киевском, Новороссийском и Харьковском университетах [1, С. 171–178].

Важным научным центром была Казань. При Казанском университете состояли общества: любителей отечественной словесности, врачей, невропатологов и психиатров, естествоиспытателей, физико-математическое и юридическое, Общество археологии, истории и этнографии, физико-математическое общество [7, С. 176–178].

В 1878 году решением Четвёртого Археологического съезда при Казанском университете было создано Общество археологии, истории и этнографии. Цель общества состояла в координации деятельности учёных, изучающих историю, археологию и этнографию народов Волго-Уральского региона, Сибири и Средней Азии. Общество содействовало созданию археологического и этнографического музеев, библиотеки, печатных книг и архива. Кроме того, постепенно при обществе появились археологический и этнографический музеи, библиотека печатных книг и архив рукописей и актов. «Изве-

стия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» было главенствующим дореволюционным периодическим изданием Казанской губернии среди затрагивающих архивную проблематику. В «Известиях» печатались в основном исследования, посвященные археологии, истории и этнографии — то есть дисциплинам, отраженным в названии общества [8, С. 101–120]. Одной из главных задач общества было «... принятие особенных мер к приведению в известность и сохранению старинных рукописей, хранящихся в разных более или менее официальных архивах и у частных лиц» [8, С. 101–120]. Таким образом, акцент был не на систематическом, а на выборочном подходе: наиболее ценными считались так называемые «старинные рукописи». Такое отношение к документальному наследию было характерным для дореволюционного архивоведения. Так, новейшую историю дореволюционные российские историки не рассматривали как науку, поэтому документы недавнего периода не исследовались. Исключения были редки и фрагментарны: в основном они были связаны с биографией учёного или государственного деятеля, круглой датой или юбилеем. Процесс определения значимости документов был во многом субъективен и зависел от мнения учёных. Дореволюционное архивоведение сделало многое: от создания научно-методической основы для реорганизации архивного дела до спасения архивных комплексов, хотя и в таких несовершенных в архивном смысле формах, как создание коллекций или выборочная публикация. Говоря о деятельности Казанского Общества археологии, истории и этнографии на архивном поприще необходимо отметить, что работа велась главным образом в одном направлении — составление определённой «коллекции» из рукописей, которые могли бы представлять «известный исторический или этнографический интерес». Особенности данной деятельности состояли в следующем: во-первых, в ней участвовал довольно широкий круг сотрудников общества разной специализации и вида службы (результатом чего стало разнообразие тем представленных письменных источников); во-вторых, долгое время общество существовало преимущественно на частные пожертвования и взносы сотрудников, лишь гораздо позже стали выделяться государственные субсидии на некоторые начинания (но на архивную проблематику эти деньги не выделялись, поэтому не было средств на что-то большее, чем составление коллекции письменных исторических источников, даже сам архив общества находился в комнате верхнего этажа главного университетского корпуса, где было немного света и тепла); в-третьих, отсутствовал план или общая тема археографических изысканий [8, С. 101–120].

После реформ Александра II активно начали работать юридические научные общества, в том числе в Казани. Судебные Уставы 1864 года, основанные на принципах

публичности и гласности, усилило роль юридической науки. В этой связи появилось около тридцати научных юридических обществ. Среди актуальных тем было изменение семейного права: обсуждалось расширение прав женщин, облегчение положения внебрачных детей. Взгляды на положение замужних женщин менялись: в 1888 году Казанское юридическое общество не поддержало идеи о праве замужних женщин на получение паспорта без разрешения мужа, а в 1911 году доклад И. В. Гессена «Раздельное жительство супругов» (о признании прав женщины свободы в выборе места жительства) был почти единогласно поддержан в Санкт-Петербургском обществе. По вопросу об изменении бесправного положения внебрачных детей состоялось обсуждение доклада П. А. Ананьева «О праве предбрачных детей на узаконение по закону 12.03.1891 г.», поддерживающего освобождение детей от кары за вину родителей. Другой обсуждаемой темой было несовершенство законодательства в отношении психически больных людей. В Санкт-Петербургском юридическом обществе был сделан доклад А. А. фон Бринкмана «Законодательство и практика по ограничению дееспособности безумных и сумасшедших», а в Уфимском юридическом обществе доктор И. И. Рождественский написал реферат «Душевнобольные как свидетели» [9, С. 111–116].

Вторая половина XIX века стала временем активного изучения Востока. Помимо уже известных центров по изучению стран и народов Востока — университетов и учреждений Академии наук, были созданы научные общества, цель которых состояла во всестороннем изучении различных восточных регионов или отдельных научных направлений (археологии, этнографии, географии). Первоначально не планировалось, что эти общества будут полностью посвящены исследованию восточных регионов, однако постепенно в них стала преобладать востоковедная тематика. Особую роль в изучении Востока сыграло созданное в 1845 году Русское географическое общество. Отделы общества были основаны в различных регионах России и занимались изучением восточных народов, проживающих на её окраинах. В 1851 году в Иркутске было создано первое на азиатской территории России научное учреждение — Сибирский отдел Русского географического общества, переименованный в Восточно-Сибирский после создания в 1877 году Западно-Сибирского отдела в Омске [10, С. 33–44].

Первые же объединения непосредственно востоковедческой направленности появились в России в начале XX века: Императорское общество востоковедения (в 1900 году) и Русский комитет для изучения средней и Восточной Азии (в 1903 году). Перед созданием Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии состоялись съезды востоковедов мира в Риме (в 1899 году) и Гамбурге (в 1902 году). На съезде в Риме В. В. Радлов

выступил с докладом о значимых археологических находках в Восточном Туркестане, доказав значимость изучения Азиатской части России (в том числе Туркестанского края, Казахстана, Сибири, Дальнего Востока) и её восточных соседей (прежде всего Китая и Монголии). Участниками конгресса было принято решение о создании «Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях», ведущим подразделением которого должен был стать Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, созданный в 1903 году в Санкт-Петербурге после принятия в Гамбурге подготовленного российскими учёными Устава. Таким образом, Русский комитет находился в составе данного «Международного союза» и не подчинялся российским министерствам и ведомствам, однако отчитывался перед Министерством иностранных дел. Главным образом отчёты были о заграничных командировках членов Русского комитета, с организацией которых помогало Министерство. В 1921 году Русский комитет вошёл в состав Коллегии востоковедов, а в 1923 году окончательно прекратил существование [10, С. 33–44].

Развитие научных обществ проходило на разных территориях Российской империи, в том числе в Царстве Польском, Великом княжестве Финляндском, Курляндской и Лифляндской губерниях. Так, Царстве Польском работали, в частности, Варшавское общество любителей наук, Варшавское общество охранения древностей и Общество истории, филологии и права при Варшавском университете. В Великом княжестве Финляндском были учреждены Финно-угорское общество, Финское археологическое общество, Финское историческое общество, Финское литературное общество, Финское учёное общество. В Курляндской губернии в Риге существовали Латышское литературное общество, Латышское общество поощрения художеств, Общество Истории и древностей трех Остзейских губерний, Общество истории литературы, Общество краеведения в Лифляндии, Общество словесности и практики, Рижское общество архитекторов, Рижское общество естествоиспытателей, Рижское общество любителей литературы, Рижское общество поощрения художеств, Русский литературный кружок. В Лифляндской губернии при Дерптском университете работали Учёно-литературное общество, Учёное эстонское общество, Эстонское (Эстское) литературное общество [11].

Научные общества создавали структуры, сети, по которым, как по кровеносным сосудам, распространялась информация. Так, Императорское Русское Географическое общество сотрудничало со статистическими комитетами, например, на Северном Кавказе, где статкомитеты проводили этнографические исследования совместно с Кавказским отделением Императорского

Русского Географического общества. Статкомитеты изучали историю и быт народов Северного Кавказа, а также приглашали население к участию в совместной работе через «Губернские (областные, войсковые) ведомости» [12, С. 118–121].

Взаимодействие научных обществ с губернскими статистическими комитетами является интересной и важной страницей их деятельности. После реформ Александра II широкое развитие получили частные инициативы, стремление служить общественным интересам, что проявилось также через краеведческую деятельность. Деятельность по изучению регионов начали столичные учёные и общественные деятели. Ещё в начале XIX века были распространены описания путевых впечатлений, путеводители, очерки о памятниках старины. В пореформенный период стала формироваться традиция изучения провинции и её истории, чему способствовала деятельность губернских статистических комитетов. Первоначально эти комитеты создавались как административно-статистические учреждения для поиска и обработки необходимой государству информации, а после реформ Александра II стали единственными научными и издательскими центрами, объединившими вокруг себя местных историков-любителей. В своих исследованиях губернские статистические комитеты не ставили целью целостно описать свой регион, а изучали отдельные стороны жизни края. Кроме того, статкомитеты не сравнивали ситуацию в своей губернии с положением дел на остальной территории России или в мире. Например, Костромской губернский статистический комитет делал акцент на демографических исследованиях [13, С. 227–231]: «Кострома отличается, как известно особенно большой смертностью, по отношению к прочим населённым местам губернии... и цель изучения состоит не только в том, чтобы указывать своевременно колебания условий санитарного состояния. Но и что бы подготовить материал для выводов, относительно постоянно-действующих на здоровье и жизнь местного населения причин» [13, С. 227–231]. Ярославский комитет, наоборот, занимался широким спектром тем: так, в пятом выпуске «Трудов», посвящённом истории Ярославского края, опубликованы материалы по нумизматике, археологии, этнографии, истории. Научные общества приобщали комитеты к своей деятельности, к выполнению собственных масштабных научных задач. Многие научные общества и учреждения направляли запросы непосредственно в губернские статистические комитеты России, минуя Центральный. В таком случае выполнение запросов было необязательным, но желательным, однако комитеты старались выполнять все данные запросы. Сотрудничество научных обществ с комитетами подготовило из среды местных любителей ряд вполне профессиональных исследователей [13, С. 227–231].

Таким образом, научные общества внесли существенный вклад в академическую культуру Российской империи. Их деятельность позволяла развивать то или иное направление науки, сохранять важные исторические источники, а также отражала особенности научных изысканий. Международные связи и интернациональное членство способствовали

росту престижа отечественной науки во всем мире. Культура научных обществ способствовала развитию науки: так, например, сотрудничество научных обществ со статистическими комитетами позволяло включать в орбиту научной деятельности всё большее количество исследователей, а также повышать их профессиональный уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранец Н.Г., Верёвкин А. Б. Организация науки в университетах и научные общества в XIX — начале XX века // Симбирский научный вестник. 2011. № 1. С. 171–178.
2. Касанов А. С. Научные общественные организации в России во второй половине XIX– начале XX в. [электронный ресурс] // Наследие предков — молодым. URL: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2009/1181-nauchnye-obshchestvennye-organizatsii-v-rossii-vo-vtoroj-polovine-xix-nachale-xxv> (дата обращения: 07.09.2017.)
3. Якупов Р.И., Кузеев И. Э. О роли научных обществ России в национальном самопознании формировании отечественной школы этнологии. Русское географическое общество // Вестник ВЭГУ. 2015. № 5. С. 171–184.
4. Университетский Устав (18 июня 1863) [электронный ресурс] // Летопись Московского университета. URL: <http://letopis.msu.ru/documents/2760> (дата обращения: 14.07.2015.)
5. Альтшуллер М.Г., Лотман Ю. М. «Беседа любителей русского слова» // Поэты 1790–1810-х годов. Л., Советский писатель, 1971. С. 351–353.
6. Орлов В. Н. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т лит. (Пушкин. Дом). М., Л., 1941–1956. Т. V. Литература первой половины XIX века. Ч. 1. 1941. С. 198–224.
7. Шамсутдинова Р. Г. Роль научных обществ Казани конца XIX – 20-х годов XX века в сохранении архивного наследия // Вестник Татарского государственного педагогического университета. Казань. 2010. № 19. С. 176–178.
8. Шамсутдинова Р. Г. Из истории архивного дела в России: к 135-летию Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2013. № 32. С. 101–120.
9. Сэруа В. С., Семенова М. В. Юридические научные общества и их роль в становлении буржуазного семейного права в дореволюционной России // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 12. С. 111–116.
10. Полянская О. Н. Научное монголоведение в России: этапы становления и развития // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2014. № 1. С. 33–44.
11. Алфавитный указатель [электронный ресурс] // Справочник научных обществ России. URL: <http://www.snor.ru/?m=catalog&ap=alf> (дата обращения: 29.08.2017.)
12. Колесникова М. Е. Северокавказские статистические комитеты в ландшафте научных обществ России // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. № 2 (апрель). С. 118–121.
13. Еремеева В. Л. Губернские статистические комитеты 1860-х-1890-х годов и развитие исторической науки в российской провинции (на материале Костромской и Ярославской губерний) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2011. Т. 17. № 3. С. 227–231.

© Обухович Владимир Владимирович (vlvlob@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ВОКАЛЬНАЯ ШКОЛА (ТРАДИЦИИ)

RUSSIAN NATIONAL VOCAL SCHOOL (TRADITIONS)

A. Pokrovskiy

Summary. this article examines the history of the Russian national academic vocal art. Its penetration on the territory of Russia, development and transformation in terms of the national cultural traditions and modern state of the vocal art.

Keywords: vocal art, Russian vocal school, Opera, vocal pedagogy, vocal performance, singing traditions.

Покровский Андрей Викторович

Независимый исследователь, Санкт-Петербург
avpokrovskiy@yandex.ru

Аннотация. в статье исследуется история русского национального академического вокального искусства. Его проникновение на территорию России, развитие и трансформация в условиях отечественной культурной традиции, а так же современное состояние вокального искусства.

Ключевые слова: вокальное искусство, история вокального искусство, русская вокальная школа, русская опера, вокальная педагогика, вокальное исполнительство, певческие традиции.

Исполнительство

За столетний период, со времени появления в России итальянских опер до первой русской классической оперы «Иван Сусанин» М. И. Глинки, русское вокальное искусство прошло сложный и долгий путь развития. Русские певцы, восприняв технику и культуру в основном итальянской, а также французской школ, сумели остаться глубоко национальными исполнителями. В отличие от народного пения, специфически сформированный звук оперной манеры называли итальянским пением. Исполнительские традиции итальянских певцов, безусловно, оказали сильное влияние на развитие отечественной исполнительской культуры. Глинка пишет, что познакомился с итальянским певцом Belloli и начал у него учиться пению (итальянскому). Специально дополненное здесь слово «итальянскому» служит пояснением того, что эти занятия не были простым сольфеджированием и выработкой навыков пения по нотам, но освоением основных исполнительских навыков. Впоследствии он сам обучает своих учеников «итальянскому» пению, требуя от учеников тянуть гаммы именно на «итальянское А», образно воплощающее в его представлении не фонетические различия языка, а округлость и специфику вокализации итальянской школы бельканто, что вызывало гневную критику в его адрес за насаждение «итальянщины». С именем Глинки связан подъем русской вокально-исполнительской школы до классического уровня. Создавая крупные и мелкие формы вокальных сочинений, Глинка ратовал за изящное пение, сочетающее дар хорошего голоса с умением технически им распоряжаться, совмещающая художественное понимание музыки с совершенным применением вокально-исполнительских средств.

А. Е. Варламов также мыслил исполнительское мастерство как искусство, не сводимое к одной лишь вокальной технике. Он настаивал и на внимательном отношении

к тексту, рекомендуя вокалистам заниматься артикуляцией, дикцией, грамотно соединяя музыкальные и ораторские ударения.

Как истинные представители русской исполнительской школы, авторы первых методических трудов требовали от своих учеников задушевности, искренности и высокой эмоциональности исполнения, подчеркивая важность «состояния души» для верной передачи вокальными средствами мыслей, чувств и страстей.

Кроме оперно-концертного направления, большую роль в развитии отечественных традиций исполнительства на русской сцене сыграла популяризация романса. Романсное творчество отечественных композиторов заложило основы стилистических черт русского камерного вокального исполнительства. Одними из первых авторов русского романса были: Г. Н. Теплов (1717–1779), Ф. М. Дубянский (1760–1796), О. А. Козловский (1757–1831). На основе народных традиций множество русских романсов было написано известной творческой группой «дилетантов», к которым себя относили талантливейшие русские композиторы начала XIX века: Н. А. Титов (1800–1875), А. А. Алябьев (1787–1851), А. Л. Гурилёв (1803–1858), П. П. Булахов (1822–1885), внесшие в исполнительскую манеру отечественных певцов правдивость, задушевность и теплоту.

Характерные для русского искусства идеи музыкального реализма ярко проявились в творчестве Александра Сергеевича Даргомыжского (1813–1869), создавшего множество сатирических, комических и драматических произведений с глубокой социальной направленностью. Эту тенденцию также развивали многие последующие отечественные и зарубежные композиторы: С. Прокофьев, Д. Шостакович, Б. Барток, П. Хиндемит и др. Новаторство творчества А. С. Даргомыжского внесло множество но-

вых оттенков в разнообразии промежуточных вокальных приемов, находящихся между кантиленным и речитативным пением, между пропеванием и проговариванием текста, значительно приблизив певческий голос к натуральным интонациям живой речи. Это оказало воздействие на оперную музыку, расширив ее возможности, что, в свою очередь, потребовало от певцов выработки и применения новых приемов вокальной техники. Даргомыжский требовал от исполнителей простоты, глубины переживания и воплощения в музыке национальных традиций пения. Его курс на развитие естественности, благородства, отечественной вокальной школы был активно поддержан музыкальными критиками, ратовавшими за развитие русских музыкальных традиций, вопреки кричащей, манерной и вычурной исполнительской техники зарубежных гастролеров того времени.

Важным этапом развития русской музыкальной-исполнительской культуры стала вторая половина XIX столетия. В шестидесятые годы в России формируется профессиональное музыкальное образование. Открываются бесплатная музыкальная школа в Петербурге, Московская и Петербургская консерватории, появляются произведения композиторов «Могучей кучки», а позднее и П. И. Чайковского. Вокальная музыка этого периода чрезвычайно разнообразна, но всегда безошибочно определяется, как музыка русская.

Одной из наиболее ярких фигур композиторов «Могучей кучки» был М. П. Мусоргский (1839–1881). Он развивал дальше творческие принципы А. С. Даргомыжского в отношении сближения слова и музыки, смело используя интонации человеческой речи в строении музыкальных мелодий своих опер и считая речь неиссякаемым источником музыки. Мелодика его оперных партий пронизана речевыми интонациями. Несмотря на близость к речи, музыкальные фразы вокальных партий всегда хорошо «ложатся в голос».

Оперы П. И. Чайковского (1840–1893) отличались глубиной психологических переживаний, но одновременно такие простые, искренние и доступные языку. Арии этих опер своими переходами через ариозо и мелодический речитатив сильно отличались от традиционных классических арий.

Н. А. Римский-Корсаков (1844–1908) создал замечательный тип русских кантиленных арий, требующих огромной драматической выразительности и тончайшего владения большой палитрой вокальных красок и технических украшений, необходимых не столько для демонстрации голоса, сколько для точного раскрытия характеристики образа. Его оперы стали хорошей исполнительской школой, на которой до сих пор воспитываются русские певцы.

Таким образом, постепенно формировалась специфическая русская вокально-исполнительская традиция отечественной школы, которая успешно адаптировалась и интегрировалась в музыкально-театральной среде Европы, представляя собой уникальный вариант синтеза отечественной и европейской исполнительской традиции.

Расцвет русской вокальной школы в контексте европейской исполнительской традиции

Ф. И. Шаляпин (1873–1938) как-то поделился со своим другом, художником Константином Коровиным, говоря, что в искусстве есть некое «чуть-чуть». Если это «чуть-чуть» не сделать, то нет искусства. Легендарный артист своим творчеством умел донести до слушателей глубокий смысл, а не только форму его выражения. В результате воздействия творческого подхода Ф. И. Шаляпина в России и по всему миру произошел важный пересмотр подходов к вокальному исполнительству. Это влияние испытала на себе и итальянская вокальная школа. Если раньше многочисленные итальянские гастролеры во время исполнения опер довольствовались лишь костюмированным концертом, заботясь не о глубине представляемого образа, а лишь о демонстрации достижений школы бельканто, то после появления на мировой оперной сцене феномена Ф. И. Шаляпина это стало уже недостаточным.

Кроме Шаляпина в нач. XX в. широкую дорогу для триумфального шествия русского искусства на сцену Европы проложили прославленные отечественные певцы Леонид Собинов (1872–1934) и Антонина Нежданова (1873–1950). С огромным интересом к необычному для Европы культурному событию проходили под руководством Сергея Дягилева (1872–1929) представления русской национальной оперы и балета. Интерес к русскому искусству, его идеям и самобытности сделали «Русские сезоны» одним из самых значимых культурных событий той эпохи и принесли славу и достоинства самобытного русского искусства по всему миру. Это обеспечило мировое признание русской вокальной школы, подняло его на небывалую до того высоту и определило не угасающее во всем мире внимание к русскому национальному искусству до наших дней.

Русская классическая опера второй половины XX века формировала в отечественных вокалистах качества синтетических певцов-реалистов, творчески соединяющих певческое искусство с драматической выразительностью воплощаемых образов. В основе русской школы лежало сформированное веками народно-песенное исполнительство, характеризующееся, по словам Бориса Асафьева, «счастливым» соотношением естественных качеств голоса и напевности русского языка. Таким образом, уже к началу XX века русская национальная вокальная школа

вступила в пору зрелости, прочно заняв место среди величайших достижений мировой музыкальной культуры.

Современное состояние вокального искусства

Вначале приведем одну цитату из опубликованной статьи «Время молчания» французского исследователя Эрнеста Лебраншу, посвященной современному состоянию оперного вокала, где он характеризует общее отношение современного общества к данному предмету как «предание анафеме» во второй половине XX века оперной манеры пения, объявления ее вычурной и искусственной. Довольно резкое заявление. Соответствует ли оно действительности и если да, то почему? Об этом, среди прочего, и пойдет речь далее.

Рассматривая современное состояние оперного исполнительства, можно сделать однозначный вывод, что оно понесло множественные потери в столкновении с разрушительными тенденциями, начавшими свое влияние на заре XX века. Более того классического вокала, отголоски которого еще можно было наблюдать во второй половине прошлого столетия, к XXI в. не осталось и следа. А то, что мы имеем сегодня, с уверенностью можно назвать кризисом оперного исполнительства и классической школы.

К этому можно добавить крах педагогической системы, которая из *alma mater*, бережно передающей опыт предыдущих поколений, трансформировалась в одно из направлений платных услуг наряду с медициной и образованием в сегодняшнем понимании. Данное утверждение прекрасно подтверждает огромное количество учебных заведений, не имеющих квалифицированных преподавателей; обязанность государственных учебных заведений вместо опытных артистов принимать учителями пения людей, имеющих пускай начальную, но обязательно «педагогическую» квалификацию; и то, что педагоги всех направлений сегодня в буквальном смысле «завалены» отчетами и огромным количеством документации, занимающей колоссальное количество времени, оторванного от работы с воспитанниками, при общем сокращении педагогических часов; и отказ от индивидуальной формы работы с учащимися в пользу групповых занятий; и совершенно бесполезные коммерческие мастер-классы, предлагаемые на каждом шагу; и расплодившиеся международные вокальные конкурсы, в бесконечном множестве организуемые туристическими фирмами; и многое, многое другое из нашей сегодняшней реальности.

Результатом такой трансформации многоступенчатого вокального образования в нашей стране являются чудовищные перекосы в артистическом сообществе. Если раньше вокалист воспитывался десятилетиями, развивая

и совершенствуя свой аппарат под руководством опытных учителей, то сегодня, едва получивший начальные азы вокального исполнительства или просто растиражированный средствами массовой информации новоиспеченный артист всю эксплуатируется музыкальным бизнесом. Итогом этих тенденций являются совершенно не готовые к сложнейшей творческой деятельности полуфабрикаты-однодневки с прерванными карьерами, не успевшие сформироваться как артисты и выброшенные из обоймы при первой же неудаче, в отличие от артистов прошлых поколений, карьеры которых длились десятилетиями.

Кроме того, безотрадно наблюдать и то, что в сложившейся атмосфере большинство исполнителей перестают развиваться. Имея определенные достоинства, будь то приятный тембр, широкий диапазон, музыкальные способности или просто общую артистичность, исполнитель почитает это достаточным и эксплуатирует свои выигранные качества, считая совершенно ненужным самосовершенствоваться, отработывая и шлифуя свое искусство. Исключения из этого правила в наши дни — настоящая редкость.

Но все эти тенденции и метаморфозы меркнут перед самым существенным и судьбоносным для оперного вокала фактором нынешнего времени: певец и пение как таковые, вслед за самой музыкой перестали быть главными «действующими лицами» в оперном процессе! Зато усилило свои позиции актерское мастерство певца, хотя качество это для опер — вещь второстепенная, более того, в гипертрофированных количествах даже вредная. Слишком уж отличается лицедейство в драматическом театре с его вербальной литературной основой, в которой перемешаны художественные и бытовые смыслы слов, от «актерства» в опере, где текстом является музыка, которой подчиняются многие актерские приемы, и господствует условность, причем, принципиально иного характера, нежели в драме. Эта разница очевидна, только многие не желают этого признавать или сознательно ее камуфлируют, не обладая достаточной подготовкой, чтобы разобраться в специфике музыкального языка, поскольку «планка» профессионализма в этом виде искусства слишком высока. Не кроется ли здесь одна из причин, хотя далеко не единственная, засилья так называемого оперного литературоцентризма и «режиссерской оперы»? Специфические же оперные актерские приемы и жесты, когда их перестали понимать как условно-литургический и возвышенно-метафорический инструментарий, прилегающий к пению, все больше стали уступать место превратно понимаемым формам «естественности», и, наоборот, — необузданного гротеска в современном театральном-эпатажном духе. Отсюда и повышенное внимание к изощренному мизансценированию, внешним данным артиста, не имеющим, как правило, непосредственного отношения к стилистике

и эстетике музыкального материала, обладающего своей имманентной музыкально-драматической логикой. Сочетаются они также с умелой раскруткой искусно созданного имиджа артиста, будь то образ брутального мачо в лице Хосе Куры, или гламурно-сексуальной женской раскованности у Анны Нетребко, превращающиеся в самоцель. Если добавить к этому еще и гендерные метаморфозы-экзерсисы бисексуального плана в ролевых амплуа (характерный пример — опера венгерского композитора П. Этвёша «Три сестры» по одноименному произведению А.П. Чехова), принявшие извращенные формы, то картина становится удручающе похожей на «шоу трансвеститов» в столь любимом многими людьми художественной богемы Тайланде. Таковы в общих чертах основные тенденции в вокальном цехе современности.

Далее необходимо упомянуть о роли эстрадных музыкальных жанров в развитии оперного вокала XX–XXI столетий. Дело в том, что так называемая легкая музыка и развлекательное пение, в широком смысле этого слова, существовали всегда. Но ранее, например, в XIX веке, они не мешали развитию академического вокала, а даже подчас и обогащали его демократическими почвенными соками, ибо пропасть между ними не достигала критического характера. Более того, у них была во многом общая слушательская аудитория. Публика, получавшая удовольствие от легкой оперетки или цыганского романса в ресторане, зачастую знала толк и в оперном искусстве. Существовавшая в широких слоях среднего класса система домашнего воспитания, в том числе и музыкального с его любительским музицированием, приобщением детей с раннего возраста к посещению оперных спектаклей, создавали питательную среду для наличия просвещенной публики. Нынче же легкая музыка, эстрадное пение, включая весь спектр жанров от авторской песни до «попсы» и многочисленных разновидностей рок-культуры и андеграунда, существуют с академическим вокалом как бы в параллельных мирах, почти не пересекаясь. А если пересекаются, то в форме низведения классики до уровня попсы в различного рода микстовых мероприятиях с участием звезд эстрады и оперных артистов, делающих это за хорошие деньги, но пытающихся нас убедить, что стремятся нести высокое искусство в массы. Если же говорить об опере в ее классическом понимании, то надо признать, что подавляющее число людей, причем не только обывателей, мало того, что не любят ее, но даже не имеют о ней реального представления.

Рубеж XIX–XX вв. ознаменовался последним всплеском итальянской оперной школы — веризмом. Им, если хотите, великая итальянская традиция «защищалась» от пораженного вагнеризмом засилия речитативно-декламационного интонирования, неизбежным образом стремившегося в лоно *Sprechgesang*-а, так называемого «речевого пения». Однако веризм, отчаянно цеплявшийся

за мелодичность, сам оказался раздираем противоречиями и зараженным своего рода ренегатством, ибо, обороняясь от неумеренной агрессии вагнеровского влияния и держась за «итальянщину», по существу, сам же подосознательно этот вагнеризм использовал. Неумеренная экзальтация и крик, его сопровождавшие, попытки сохранить мелодизм, скрестив его с речитативностью, полагая таким способом все-таки удержаться в рамках пения, вели к дальнейшей деформации звукоизвлечения, роковым образом сказавшись на таких фундаментальных основах старых оперных традиций, как кантилена, лиризм и принципы бельканто. Впрочем, эти свойства и противоречия веризма не стоит преувеличивать. Это было все-таки еще подлинное искусство. Не стоит забывать, что в его лоне родились такие яркие композиторы, как Р. Леонковалло, П. Маскани, У. Джордано, Ф. Чилеа и, наконец, великий Д. Пуччини. Поэтому правильнее было бы сказать, что некоторые особенности веризма дали толчок пагубным последствиям, в которых виноват не столько он сам, сколько общая историческая тенденция.

В чисто музыкальном аспекте пение XX века подвергалось, как уже отмечалось, агрессии со стороны новых композиторских авангардных техник — экспрессионизма, атонализма, додекафонии, алеаторики, экспериментов в области электронной и «конкретной» музыки, минимализма и прочих других «измов». Следует упомянуть, что увеличение мощности оркестрового звучания также заставило певцов прибегать к чрезмерной ажитации звука и брутальности. Тенденции к исчезновению певческой индивидуальности способствовала и появившаяся определенная мода на безвибратное звукоизвлечение.

Подытожив, можно с уверенностью говорить о кризисе не только музыкальных основ классического оперного вокала, но и его эстетики в целом. Конечно, мощная инерция и запас прочности трехвековой оперной традиции были столь велики, что дали старой школе возможность как-то «протянуть» до середины XX века и даже захватить его вторую половину. Этому также помог определенный консерватизм постановочных традиций, сохранявшиеся кое-где в Италии, — вокальной «альма-матер» Европы, США и Южной Америки, куда устремились выдающиеся певцы в надежде сохранить ту обстановку господства вокала, к которой они привыкли, и где публика, в основном из привилегированных классов, продолжала его чтить. Однако все это были именно попытки что-то сберечь. Ни о каком развитии и речи не шло. Уже к 60–70м годам «пейзаж после битвы» вызывал тревогу. И нас не должны сбивать с толку отдельные выдающиеся личности вокалистов уровня Ю. Бьёрлинга, Г. Вишневской, Ф. Вундерлиха, Н. Гедды, Т. Гоби, М. Дель Монако, П. Доминго, М. Кабалье, М. Калласс, П. Каппуччилли, Ф. Корелли, Б. Нильсон, Л. Паваротти, Р. Тебальди, Д. Фишер-Дискау, Б. Христова, как и некоторые примеры самоотверженной, почти ар-

хаичной преданности стилю бельканто в лице Альфреда Крауса или Эдиты Груберовой. Эти и некоторые другие имена, к сожалению, уже в какой-то мере были исключением.

Совершенно естественно, что и вести речь о каких-то крупных педагогических школах или именах, сравнимых с именами отца и сына М. Гарсиа, Н. Ирецкой, А. Котоньи, Ф. Ламперти, У. Мазетти, И. Прянишникова, К. Эверарди и др., также не приходится. Конечно, были и в XX столетии отдельные талантливые и продуктивные педагоги по вокалу — Ирис Адами-Коррадетти, Жльвира де Идальго, Мария Ифогюн, Фернандо Карни, Этторс Комногальяни, Мерседес Люпорт, Энрико Разетти и ряд других, у которых учились или совершенствовались многие знаменитые певцы. Можно говорить и о конкретных персональных удачах того или иного преподавателя, например, Паолы Новиковой, повлиявшей на развитие таланта Николая Гедды, или уроженки Одессы Анны Эль-Тур, воспитавшей Жени Турель. Но все это все-таки свидетельствует скорее о штучной преподавательской работе, нежели о всеобщей системе воспитания талантов. Далеко не все из этих педагогов были большими певцами, что с очевидностью показывает, сколь различны эти профессии. Поэтому знаменитое имя артиста, у которого нынче за большие деньги стажировались «нувориши» от пения, в том числе и отечественные, практически никогда не дает гарантии подлинного успеха.

Все вышесказанное не означает, что совсем не осталось ярких певческих имен. Мир, в том числе мир искусства, слишком велик и разнообразен, поэтому утверждать такое было бы ошибкой. Но, не смотря на то, что число крупных и выдающихся артистов, но не великих, сравнительно долго продолжало оставаться достаточно большим, губительные тенденции брали свое. И к началу XXI века по-настоящему великих певцов, обладающих собственной индивидуальной и цельной музыкальной эстетикой, внутренней харизмой, уже не осталось, в то время, как в 50–60 гг. прошлого века их было более десятка. Талантливые голоса, более или менее искусная техника, яркая внешность и актерские данные — да, но глубокие и всесторонне-художественные личности — нет. Последними были Л. Паваротти, исторически значимая карьера которого закончилась к началу 90-х гг, и П. Доминго, который, к сожалению, в последние годы начинает утрачивать способность к трезвой самооценке, пытаясь объять необъятное как певец, дирижер и администратор, забыв, что в дни своего 60-летия торжественно обещал, что будет петь еще «максимум лет пять».

Переходя к персоналиям, необходимо отметить еще ряд тенденций, имеющих как положительные, так и отрицательные стороны. Одна из существенных — расширение «географии» вокала. Теперь никого не удивляет

наличие талантов из Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки, стран Латинской и Южной Америки, Азии (прежде всего Турции, Южной Кореи, Японии, Китая) и др. Все это стало возможным благодаря стремительному развитию цивилизации, что, к сожалению, не тождественно развитию культуры.

Такая впечатляющая географическая экспансия способствовала развитию универсализма и, если так можно выразиться, интернационализации вокальных традиций. Глубинное своеобразие старых европейских национальных школ постепенно уступало место усредненному, обезличенному вокальному мейнстриму. Большой «вклад» в эту ситуацию внесла и стремительно развивающаяся космополитическая американская школа. На этом фоне значительно более важной оказалась специфика исполнительства, связанная со стилистическими и техническими особенностями оперной музыки различных жанров, эпох и даже отдельных композиторов. Стали популярными термины: россиниевское, вагнеровское, веристское, барочное пение. Впрочем, в последние годы и эта специфика стала стираться под влиянием исполнительской всеядности. Как известно, процесс унификации вокала начался еще во второй половине XIX века, когда стали формироваться своего рода вненациональные вокальные центры, куда для совершенствования стекались молодые певцы со всего мира. Одним из таких важнейших мест, если не сказать, самым важным, стал Париж.

Париж — «Мекка» художников... Но если для изобразительного искусства это было вполне естественным, ибо французская живопись заняла в XIX веке ведущее место в мировом художественном процессе, то для вокала это своего рода парадокс, так как сама по себе французская школа никогда не была лидирующей, уступая, прежде всего итальянской и, отчасти, даже испанской и немецкой. Все дело в том, что здесь сказалось влияние глобальных культурных процессов на конкретный вид искусства. Это всегда имело место в истории. Впрочем, в XX столетии Париж потерял свою исключительность как вокальный центр, и процессы интернационализации шли уже независимо от него. В качестве примера уместно упомянуть о ряде вокально-педагогических центров, получивших известность в XX веке. Так, при театре Ла Скала была создана «Школа усовершенствования оперных певцов» (здесь у Деннаро Бара с 1961 года стажировались лучшие советские вокалисты). В знаменитой американской Джульярдской школе, основанной в 1946 году, к примеру, занимались Д. Алер, К. Гальярдо-Домеш, П. Гроувз, Л. Прайс, Р. Стивенз, Т. Стюарт, Т. Троянос, Б. Хендрикс, Н. Шикофф, С. Эстее и другие. Ряд известных артистов дал миру в XX веке зальцбургский Моцартеум, основанный еще в конце XIX века, где учились Д. Бейкер, И. Брок, Б. Бонни, Х. Брилист и другие. Но все это — отдельные центры. Их довольно много. Однако большой продук-

тивности система музыкально-вокального образования XX века при всем многообразии школ и консерваторий и наличии отдельных успехов не достигла, заполнив мир вокалистами — ремесленниками с достаточной профессиональной выучкой, но без глубокого творческого своеобразия.

Хорошим пособием — справочником по современному оперному вокалу, точнее, его состоянию в 1-й половине XX века, является знаменитая книга Джакомо Лаури-Вольпи «Вокальные параллели» (1955). По ней вполне можно получить представление об оперном пении той эпохи. Наряду с любопытным историческим очерком по искусству оперного пения и многими точными и неутешительными характеристиками современной ему оперной практики автор уделяет важнейшее место персоналиям. Используя древний принцип «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, Лаури-Вольпи сопоставляет вокальные данные карьеры многих выдающихся певцов современности и выстраивает из них своеобразные «пары» и оппозиции. Несмотря на то, что книга серьезно грешит субъективизмом и неполнотой, уделяя внимание, в основном, артистам Италии, Франции, Испании, отчасти США, забыв о существовании целой плеяды певцов из Германии, Скандинавии, Восточной Европы и других регионов, не говоря уже о России, она является приемлемой энциклопедией лучших вокалистов того времени. На ее страницах в порядке, установленном самим автором, есть множество ярких имен. Справедливости ради следует заметить, что некоторые крупнейшие певцы ко времени написания этой книги еще только начинали свою звездную карьеру. Совершенно не представлена русская школа, причем не только именами певиц, чья карьера развивалась преимущественно в советскую эпоху, но и мастеров, прославившихся до революции и весьма успешно выступавших за рубежом. Таким образом, книга Лаури-Вольпи не может являться полномасштабной энциклопедией вокального искусства 1-й половины XX века, хотя и считается одной из лучших в этом плане. Значительно более полной и информативной является книга Ю. Кестинга «Великие певцы 20 столетия», но и она не свободна от субъективных пристрастий, особенно к немецким певцам.

ЛИТЕРАТУРА

- Багадуров В. А. Очерки по истории вокальной педагогики — М.: Музгиз, 1956
- Варламов А. Е. Полная школа пения. — СПб — М.-Краснодар: Планета музыки, 2008.
- Гозенпуд А. А. Музыкальный театр в России: от истоков до Глинки. — Л.: Музгиз, 1959
- Денисова Г. Очерки по истории вокальной педагогики в России. — Челябинск, 2004.
- Деряжный В. А. О принципах и методиках советской вокальной педагогики, — М.: Музыка 1967.
- Долгушина М. Г. Камерная вокальная музыка в России первой пол. XIX века. — СПб, 2010
- Дробышевская Н. С. Вокальная работа в Придворной певческой капелле во времена директорства Д. С. Бортнянского. — СПб: Астерион, 2012
- Дробышевская Н. С. Певцы Придворной певческой капеллы на оперной сцене. — М.: 2012
- Зингаренко А. А. История и теория обучения профессиональных певчих в России в VII — первой половине XIX века. — СПб., 2008
- Кандинский А. История русской музыки, — М.: Музыка, 1984
- Кузьмин А. И. У истоков русского театра. — М.: Просвещение, 1984.
- Ламперти Ф. Искусство пения. — М., 1899
- Манько Т. В. Русская школа хорового исполнительства (традиции и современность). — Ростов-на-Дону, 2006
- Назаренко И. К. Искусство пения: очерки и материалы по истории, теории и практике художественного пения. — М.: Музыка 1963
- Назаренко И. К. Искусство пения. Хрестоматия. — М.: Музыка, 1968
- Никольская-Береговская К. Ф. Русская вокально-хоровая школа от древности до XXI века. — М.: Владос, 2003
- Петри Э. К. Взаимодействие немецкой и русской хоровой традиции в контексте культуры России XVII—XIX веков. — Н. Новгород, 2005
- Петровская И. Ф. Источниковедение истории русской музыкальной культуры XVII — начала XX века. — М.: Музыка, 1983
- Петровская И. Ф. Музыкальный Петербург 1801—1917. — СПб: Композитор, 2009
- Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. — М.: Музыка 1982
- Рогачева А. А. Русская вокальная школа как феномен культурного синтеза: XVI — первая половина XIX века. — Ростов-на-Дону, 2009.
- Тимохин Выдающиеся итальянские певцы, — М.: Музыка, 1962
- Финдейзен Н. Ф. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века. — М. — Л.: Госмузиздат, 1929
- Хоффман А. Е. Феномен бельканто первой половины XIX века: композиторское творчество, исполнительское искусство и вокальная педагогика. — М., 2008
- Штелин Я. Музыка и балет в России XVIII века. — СПб: Союз художников, 2002
- Энциклопедический словарь «Музыкальный Петербург». — СПб: Композитор, 2000
- Яковлева А. С. Русская вокальная школа: исторический очерк развития от истоков до середины XIX столетия. — М.: Глобус, 1999

© Покровский Андрей Викторович (avpokrovskiy@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И СТОЛКНОВЕНИЕ КУЛЬТУР

LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD AND CLASH OF CULTURES

I. Rytova

Summary. the article is devoted to the phenomenon of collision of cultures of different peoples, manifested in a variety of areas of human activity. These are food, clothing, music, architecture, gestures, as well as traditions, customs, worldview, morality, etc., that is, everything that finds its realization in the language and leads us to understand the differences of cultures that carry a different worldview and attitude. These differences are adequately perceived only when there is a knowledge of the realities of the worldview of a particular linguistic community. Therefore, the clash of cultures is nothing more than the result of the discrepancy between the world pictures inherent in different linguistic communities.

Keywords: linguistic picture of the world, clash of cultures, linguistic community, cultural picture of the world, diversity of languages.

Рытова Инна Григорьевна

*К.филол.н., доцент, Московский Государственный университет им. М. В. Ломоносова
inna.rytova@mail.ru*

Аннотация. статья посвящена явлению столкновения культур разных народов, проявляющегося в самых разных областях деятельности человека. Это — еда, одежда, музыка, архитектура, жесты, а также традиции, обычаи, мировоззрение, мораль и т.д., то есть все то, что находит свою реализацию в языке и приводит нас к пониманию различия культур, несущих в себе отличающееся мировоззрение и мироощущение. Эти различия адекватно воспринимаются лишь тогда, когда есть знание реалий составляющих картину мира той или иной языковой общности. Поэтому столкновение культур есть не что иное, как результат несовпадения картин мира, присущих разным языковым сообществам.

Ключевые слова: языковая картина мира, столкновение культур, языковая общность, культурная картина мира, многообразие языков.

В настоящее время в результате многочисленных потрясений глобального масштаба в мире происходит активная миграция населения, его расселение и смешение. Возникают новые формы, виды и возможности человеческого общения. Отсюда неизбежность столкновения культур. Такого рода столкновение чревато не только комическими и курьезными случаями, но и драматическими и даже трагическими последствиями.

Возьмем хотя бы нашу традицию достаточно часто и, возможно, много чаще, чем на западе, дарить подарки, цветы, приглашать к себе домой, угощать. Это воспринимается не как проявление душевной щедрости, но как некая непонятная эксцентричность или демонстрация очень высокого уровня материального достатка. Очень часто это просто-напросто удивляет иностранцев. И вместе с тем они отнюдь никогда не отказываются воспользоваться всем, что им предлагают. Непонятно иностранцам также желание русских во время застолья положить как можно больше в их тарелку, несмотря на то, что они отказываются и говорят, что им достаточно. Они не знают и не понимают, что это проявление русской щедрости и гостеприимства. Русским, в свою очередь, непонятно, почему, приходя в гости, иностранец может принести крохотный кусочек мыла в элегантной коробке, перевязанной цветной лентой с большим бантом и чувствовать себя весьма удовлетворенным и гордым по этому поводу.

В Англии и Соединенных Штатах были случаи, когда ловили на списывании русских студентов и наказыва-

ли за это не только русских, но и американских студентов. Последних за то, что не донесли вовремя об этом [12, с. 22–27].

Считается, что необходимо извиниться, когда кому-то тем или иным образом наносится ущерб. А в судебной практике нередки случаи облегчения приговора, если обвиняемый приносит извинения, раскаивается и сожалеет о том, что сделал. В японской культуре принято часто извиняться. Ученые говорят о «магической силе извинения» в Японии и о том, что у японцев «искреннее прощение ведет к примирению».

Например, американцу, допустившему незначительную оплошность при прохождении проверки, был сделан выговор официальным лицом из иммиграционного бюро. И он отчаянно пытался объяснить, что он не виноват. Но служащий не реагировал на эти объяснения. И только тогда, когда американец, исчерпав все возможности, сказал «I am sorry», служащий улыбнулся и дело было быстро улажено [1, с. 127,129]. Разгадка данного случая заключается в том, что в японском обществе не принято говорить «я не виноват, я не сделал ничего плохого». Но, если кому-то плохо от того, что вы что-то сделали, хотя вашей вины в этом может и не быть, лучшее, что вы могли бы сделать в данной ситуации, — это извиниться. Для европейца непостижимо, когда после того, как кто-то сделал тебе что-то хорошее, человек выражает свое глубокое сожаление. В Японии гости, приглашенные на ужин, уходят не со словами «спасибо

за прекрасный вечер», но извиняясь и сожалея о том, сколько хлопот они вам доставили [1, с. 133].

Примеры столкновения культур можно приводить до бесконечности. Но что же делать? Как максимально уменьшить потери от данного феномена? Выход в данном случае ученые видят в таких образовательных предметах, как лингвострановедение, социолингвистика, раскрывающие связь единиц языка и языковых явлений с социальными факторами, как-то: традициями, обычаями, особенностями общественной и культурной жизни языкового коллектива. Такой предмет, как «мир изучаемого языка», преподавание которого ведется на факультете иностранных языков МГУ, имеет в своей основе помимо всего прочего исследование языковой картины мира носителей языка [12, с. 36,37], поскольку именно она определяет особенности формирования языка и речеупотребления.

Вильгельм фон Гумбольдт писал, что различие языков «есть не различие звучаний и знаков, но различие самих картин мира» [14, с. 173], причем каждая из них, по его мнению, всегда национально-субъективна. Гумбольдт отнюдь не воспринимает язык как отвлеченную знаковую систему, но всегда подчеркивает, что язык является ничем иным, как отражением картины мира языкового коллектива, и богатство картины мира зависит от словарного состава [13, с. 192]. Гумбольдт полагает, что многообразие языков есть бесценный дар, который дает возможность человечеству не только «мысленно охватить мир во всей его полноте и со всем его разнообразием», но и создать основу для его собственного духовного развития [18, с. 222]. Продолжая его мысль Л. Вайсгербер отмечает, что «многообразие языков является величайшей философской проблемой», поскольку решение ее ведет к новым открытиям в области теории познания, философии, истории, логики, онтологии и этики [18, с. 293].

Картина мира носителей языка раскрывает многие смысловые нюансы исторического, политического и культурного характера в языке и речи. Эти нюансы адекватно воспринимаются тогда, когда есть знание реалий составляющих картину мира той или иной языковой общности [12, с. 39].

Человек живет в рамках своей культуры и нередко ему представляется, что его образ жизни, его менталитет — единственно возможный в этом мире. «Всякий язык,— пишет В. Лютер в своей книге «Картина мира и духовная жизнь», предлагает...уже имеющееся понимание мира, от власти которого человек не может освободиться, как от своей кожи» [17, с. 180]. Мы не найдем человека, независимого от языка, или существующего вне языка.

Т.В. Ларина отмечает, что своеобразие культуры открывается в самых разных областях деятельности человека. Она выделяет глубинный и поверхностный уровни культуры, которые находятся в тесной взаимосвязи. Уровень поверхностный представляет собой все, что мы можем воспринимать с помощью органов чувств (еда, одежда, музыка, архитектура, жесты и т.д.) Уровень глубинный — то, что нельзя увидеть, но что — не менее важно, поскольку лежит в основе тех самых, заметных внешних проявлений. К глубинным элементам культуры относятся традиции, обычаи, мировоззрение, мораль и т.д., то есть все то, что нельзя воспринять органами чувств [7, с. 38].

Тем не менее наступает момент, когда мы вдруг сталкиваемся с другой, чужой для нас культурой. И тогда мы начинаем понимать, что есть различия в мировоззрении и мироощущении других культур. И уже такого рода конфликт может быть чреват определенной опасностью, поскольку неправильное поведение, реакция на события могут привести к куда более болезненным переживаниям, чем просто языковые ошибки, которые, как правило, легко прощаются.

Люди, не знающие иностранных языков, обычно не замечают ни столкновения культур, ни конфликта языков, который наиболее очевидно проявляется в лексике, то есть в том, что лежит как бы на поверхности, однако требует глубокого понимания не только его значения, но и того, что стоит за этим словом [12, с. 42]. Многие ученые склонны считать, что наиболее эффективное усвоение и понимание иностранного языка может происходить только на основе сопоставления с родным языком, когда наиболее явственно выступают и различия языков и культур. «Сравнительное изучение языков важно и существенно для постижения всей совокупности духовной деятельности человечества», пишет Гумбольдт [4, с. 377]. Если же ограничить себя знанием лишь одного языка, то слова разных языков могут показаться абсолютно эквивалентными. Сопоставление дает возможность увидеть особенности мироощущений, заключенных в каждом языке, и пути формирования языковой картины мира [10, с. 65–66]. «Множественность языков»,— утверждает Вайсгербер,— «дает как обогащение посредством множественности способов воззрения, так и защиту от переоценки какого-то частичного познания как единственно возможного» [18, с. 292; 12, с. 43].

Мир, окружающий человека, предстает в трех формах:

1) реальная картина мира или объективный окружающий человека мир;

2) культурная (понятийная или концептуальная) картина мира — отражение реальной картины с помощью

понятий и представлений человека, сформированных на основе исторического развития, географического положения, климата, природных условий, традиций, верований, образа жизни и т.п. [12, с. 47]; исходя из того, что «...культура — продукт совместной жизнедеятельности людей, система согласованных способов их коллективного существования». Это язык коммуникации, правила общежития, социальные устои, нормативный этикет — все, что вырабатывается обществом в процессе его жизнедеятельности и передается из поколения в поколение [7, с. 37];

3) языковая картина мира — часть культурной (концептуальной) картины.

Безусловно, национальная культурная картина мира шире, богаче и глубже языковой. Тем не менее именно в языке происходит ее реализация. Именно язык сохраняет и передает ее новым поколениям [12, с. 55]. Каждый язык отражает национальную специфику и не только своеобразие природных условий, культуры, но и особенности национального характера конкретной языковой общности [2, с. 21]. В свое время Лейбниц Г.В. отмечал, что язык является отражением порядка мира в именах вещей, описывая мир своеобразным, только ему присущим и часто уникальным образом, так что «вся история языка», по его мнению, «есть история созидания мира в языке, с которым связаны мироощущение, интеллектуальное развитие, культура и все судьбы народа». Согласно Лейбницу, из понимания языка как духа народа и вытекает понимание каждого языка как особой картины мира. [8, с. 137–138, 278; 9, с. 277].

Для Гумбольдта, язык — отражение народного духа, чей характер в «наиболее полном и очищенном виде проявляется прежде всего в живой речи» [4, с. 374]. С.Г. Терминасова сравнивает слово с кусочком мозаики, при сложении которых каждый язык получает свою картину, отличающуюся от всех остальных. Согласно А. Вежбицкой, каждый язык формирует свою «семантическую вселенную» [2, с. 21]. Получается, что язык заставляет человека смотреть на мир каким-то своим определенным образом.

Например, там, где русский человек видит два цвета — синий и голубой, англичанин видит лишь один синий. При этом английское *blue* охватывает более широкий спектр цвета, чем русский *синий* [6, с. 177]. Это — *sky-blue, pale-blue, dark-blue, navy-blue*. Где русский видит лишь один предмет — рука, англичанин видит два — *hand* и *arm*.

Разумеется, каждый язык способен отразить действительность, и, если надо сказать *голубой* по-английски, то мы скажем *sky-blue* или *pale-blue* [9, с. 56]. Если нам

потребуется назвать по-русски слово *hand*, то помимо слова *рука* мы можем использовать и слово *ладонь*.

Любопытно, что цвета спектра ассоциируются у разных народов с разными предметами. Например, желтый цвет у русских связан с образом осеннего листа или одуванчика, у украинцев — с подсолнухом, у французов — с золотом или яичным желтком, у американцев — с маслом. Белый цвет у русских ассоциируется со снегом, а у узбеков — с хлопком, у казахов и киргизов — с молоком.

Говоря о положительных и отрицательных коннотациях, мы должны отметить, что белый цвет у большинства народов связан с представлением о чистоте, невинности, свадьбе и наряду с этим больнице и смерти. Желтый цвет традиционно у русских, немцев, французов и поляков символизирует измену, разлуку, фальшь; у американцев и англичан — трусость, у белорусов, украинцев — болезнь и смерть [5, с. 41–43]. В Индии желтый цвет — это цвет счастья, гармонии, силы разума.

Лексический эквивалент русского слова *утро* — английское *morning*. Однако в отличие от русского составляет двенадцать часов. Начинается в двенадцать ночи и заканчивается в полдень. А английский *вечер/evening* начинается с пяти-шести часов и заканчивается к восьми часам русского вечера. И с восьми вечера до полуночи длится короткая английская *ночь*. [12, с. 69].

Мы, например, не можем сказать, что этот бык — дедушка какого-то теленка, а те голуби — двоюродные братья, так как языки подчиняются определенным традициям. Но есть страны, где людей не так интересует собственная родословная, как родословная своих лошадей, и их язык сохраняет не только название каждой лошади, но и различных степеней их родства. Все это говорит о том, утверждает Лейбниц, что «всякий народ в связи со своими нравами и обычаями образует свойственные лишь ему сочетания идей» Необходимо только увидеть угол зрения, продолжает свою мысль ученый, под которым рассматривали предмет в момент его именованья, поскольку именно угол зрения и создает своеобразие языка как свидетельство образа мысли народа [9, с. 249, 215; 10, с. 65–66].

Таким образом, изучая иностранный язык, мы осваиваем новый мир. И, естественно, что одновременно с этим происходит перестройка мышления, что не каждому дается легко. И, как мы понимаем, в разных языках слова обладают разной семантической емкостью, то есть охватывают различные кусочки реальности. Мы изучаем иностранный язык и проникаем в культуру общности, говорящей на этом языке. В свою очередь, эта новая культура оказывает воздействие на нас. В результате

на первичную картину родного языка накладывается картина мира изучаемого языка. Ученые полагают, что в рамках одного языкового сознания рождаются мысли и даже чувства, которые не могли бы быть реализованы в рамках другого языкового сознания, то есть понятия, присутствующие в одной картине мира и отсутствующие в другой [2, с. 21]. И под влиянием вторичной картины мира изучаемого языка меняется характер мышления и сама личность человека, являющаяся продуктом языка и культуры, приобретает новые оттенки и грани. Недаром многие утверждают, что русские преподаватели иностранного языка приобретают черты той национальной культуры, чей язык они преподают [12, с. 58].

В итоге мы приходим к выводу о том, что язык — это отражение окружающего нас мира, в котором отражается наш образ жизни, поведение, наши отношения с другими людьми, наши ценности и наша культура. Язык необходим человеку для организации и устройства его жизни. Родной язык незаметно для человека самого участвует в его жизни и формировании его личности [18, с. 51–53,61].

Язык вмещает в себе как внешний, так и внутренний мир человека. С точки зрения Гумбольдта, разные языки — «не различные обозначения одной и той же вещи, но различные видения ее... Языки — это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение» [4, с. 349]. По этой аналогии, отмечает Лейбниц, народ как творец своего языка видит разные стороны мира присущим ему образом. Соответственно этому, именами в разных языках выражаются одни и те же явления мира, однако эти имена обладают своим своеобразием и не обязательно сходны, «подобно тому, как несколько зрителей думают, что видят одну и ту же вещь, и действительно вполне понимают друг друга, хотя каждый видит и судит со своей точки зрения» [8, с. 137–138].

Язык — фактор, формирующий личность. И с момента нашего рождения он передает далеко не объективно-беспристрастную картину мира, систему ценностей, знаний о людях, их образе жизни и культуре той языковой общности, в которой нам довелось родиться и жить. «Человек не рождается ни русским, ни немцем, ни японцем..., а становится им в результате пребывания в соответствующей национальной общности людей» [3, с. 25].

Язык — это средство коммуникации, позволяющее нам общаться с людьми не только внутри одного и того же языкового коллектива, но с его помощью мы можем перешагнуть границы одной картины мира, постигая другие миры и обогащая свой опыт и знания о мире в целом [12, с. 348]. Вайсгербер приходит к выводу о том, что «ядро различности языков состоит в различии языковых картин мира». Продолжая эту мысль, он

подчеркивает, что тот, кто изучает языки не только как средство общения, но и как новые картины мира, понимает невероятную трудность этой задачи [18, с. 286,70].

В каждой национальной культуре можно выделить особые черты, которые играют важную роль в формировании национального характера и национального менталитета [6, с. 184]. Если взять две характерные национальные черты, такие как американское самовозвышение и японское самоуничижение, то в первом ярко выражено желание гордиться своими успехами и винить других в неудачах, призывая остальных действовать так же. Напротив, в азиатских культурах вместо возвышения мы наблюдаем самоуничижение, свидетельствующее о скромности отдельной личности и воспринимающееся как форма адаптации к культурной среде и социальным нормам. Японцы обычно объясняют это так: как только кто-то скажет вам, что ты сделал что-то хорошее, хорошо возразить ему, сказав, что я не могу думать, что случилось что-то хорошее потому, что я сделал это.

В семье американского студента Боба в течении шести месяцев жил японский студент Томио. Это был прекрасный студент и идеальный гость. Он ладил со всеми членами семьи, помогал по хозяйству и отлично учился. Как-то его отец, находясь в деловой командировке в США, заехал к ним в гости. Он поблагодарил родителей Боба за заботу об их сыне «невоспитанном, эгоистичном, не умеющим ничего делать самостоятельно». Когда родители Боба с этим не согласились, он стал еще больше извиняться за своего «глупого, ужасного сына». В этот момент его сын слушал отца и улыбался, а Боб и его родители не могли понять, что происходит. На самом деле сам отец Томио не верил в то, что говорил. Японцы часто, демонстрируя свое уважение к другим людям, стараются унижить себя и могут пренебрежительно отозваться и даже опорочить и себя и членов своей семьи.

В свою очередь, когда японская семья принимала у себя в Токио американского студента Майка, они постоянно хвалили его и делали ему комплименты по поводу того, какой он хороший, и как хорошо он говорит по-японски. Майк на это неизменно отвечал «большое спасибо», пока один из его друзей не сказал ему не делать этого столь часто. То, что японцы отказываются принимать комплименты, доказывает и реакция многих японских студентов на похвалу преподавателей английского языка, для которых какое-то время это было загадкой [1, с. 135,139,141].

В сопоставлении этих двух культур интересен фактор выражения или невыражения желаний. Если англо-американская культура заявляет, что, если я хочу сделать для кого-то что-то хорошее, то я сначала узнаю, что он хочет, то в японской культуре не принято спрашивать,

что ты хочешь. Более того, не принято говорить о том, что хочу я сам. Напротив, англо-американская культура предполагает прямое и недвусмысленное выражение собственных желаний.

Показателен следующий пример: американка, работник японской фирмы, внесла предложение по улучшению условий работы. Обсуждая это предложение с начальником, она понимает, что он уклоняется от прямого ответа и пытается уйти от главной темы. На ее в конечном итоге прямой вопрос, принимает ли он ее предложение, он ответил: «Я подумаю об этом». Позднее она узнала, что план ее принят не был. Однако она недоумевала, почему он сразу, прямо не сказал ей об этом. А все дело было в том, что многие японцы избегают отрицательного категоричного «нет» в ответ на просьбы, приглашения, предложения. По их мнению, категоричное «нет» — слишком грубый и обидный ответ. Они находят для себя возможность отказывать косвенным образом и рассчитывают, что их поведение будет воспринято адекватно [1, с. 145].

Х. Ямасита, японский лингвист, сравнивает позицию японца и европейца в следующей ситуации: если ранней весной очень легко одетый японец скажет: «Как сегодня холодно», то другой японец, одетый по погоде, и которому даже жарко на солнце, скажет: «Да, действительно прохладно, хотя и говорят, что весна пришла». Он понимает, что чувствует, этот легко одетый человек, сочувствует ему и выражает это в своем ответе. Однако, если бы на его месте был европейец, он непременно стал бы доказывать, что на улице тепло и даже жарко. И это высказывание наверняка, по мнению автора, разрушило бы всю гармонию общения между людьми [11, с. 91–92].

Интересно отражение запретов в англоязычной и немецкой культуре. Путешествуя по Германии, человек другой культуры постоянно сталкивается с объявлениями, где что-то запрещается. И это, прежде всего, слово *verboten*, очень четкое, ясное и категоричное: *Zutritt verboten!* (Проход запрещен), *Rauchen verboten!* (Курение запрещено!), *Durchgang verboten!* (Проезд запрещен!), *Reklame verboten!* Это несколько удивляет представителей англо-язычной культуры, которые видят в этом проявление своего рода «авторитарности» [1, с. 169, 171].

Здесь уместно отметить, что в немецком обществе подчинение воле другого лица никогда не рассматривалась как ограничение личных свобод или ущемление достоинства человека, но как необходимое условие для гармоничного функционирования общества [17, с. 185]. Широкое использование слова *verboten* связано с ценностью «общественной дисциплины, порядка», разумного жизнеустройства, уважения законной власти [1, с. 211–212].

В английском языке есть слово *prohibited* (запрещено), однако оно используется гораздо реже и подразумевает предписание официальной власти, а не частного порядка. Чаще всего слово *prohibited* используется в объявлениях, предупреждающих о реальной опасности. Например: *Lift. Motor Room. Danger. Entry of unauthorized persons prohibited.* (Машинное отделение лифта. Опасно для жизни. Посторонним вход воспрещен.); или *Ads making misleading or deceptive claims are prohibited.* (Реклама, имеющая своей целью ввести в заблуждение или обмануть покупателя, запрещена.) [1, с. 171]

Чаще всего в англоязычных странах мы видим объявления типа *no parking* (нет парковки), *no smoking* (не курить), *no leaving ads* (бросать рекламу запрещено), *no junk mail* (бросать в ящик посторонние бумаги запрещено). Следует подчеркнуть, что эта конструкция содержит скорее правило, чем запрещение. Таким образом, людям сообщается о существующих правилах в данном месте, а не указание что им делать или не делать, что еще раз подчеркивает ценность «личной автономии» в этих странах [1, с. 172–175].

Как правило, любая «национальная логика» не совпадает с «логикой» другого языка или естественнонаучной «логикой», и что любопытно, зачастую противоречит самой себе [6, с. 207].

Для понимания мотивации той или иной нагруженности лексических единиц достаточно обращения к реалиям историко-культурного характера, области религии и древней философии. Любое коннотативное значение единицы национального языка можно считать неотъемлемой принадлежностью национальной культуры, исторически сложившейся и передающейся от поколения к поколению [6, с. 241]. В этой связи, Вайсгербер особенно выделяет роль и значение языка как собрания многовекового народного опыта, «опыта, стоящего за каждым словом», накопленного многими поколениями и отраженного в языковой картине мира. Он предлагает считать человека «определяемого языком, сформированного языком и владеющего языком». С его точки зрения, человек, владеющий языком, — творец, формирующий картину мира [18, с. 63–65].

Подводя итоги, мы приходим к следующим выводам:

1. Столкновение культур — результат несовпадения картин мира, присущих многочисленным языковым сообществам;
2. Картина мира той или иной языковой общности — субъективна и несет в себе ее многовековой опыт, традиции и культуру;

3. Язык и картина мира, носителем которой он является, воздействуют на человека, формируют его личность, оказывают влияние на характер его мышления и поведения;

4. Каждый индивидум на протяжении долгого исторического развития языкового сообщества вносит свой вклад и является творцом своего языка и, следовательно, языковой картины мира;

5. Наиболее успешным является сопоставительный подход к изучению иностранного языка, когда наиболее

четко и ясно проступают различия картин мира родного и изучаемого языка;

6. Все исследования ученых, жизненный опыт, практика общения людей, говорящих на разных языках, подталкивают необходимость включения в учебные программы предметов, раскрывающих многие особенности мировоззрения и мироощущения разных языковых сообществ;

7. Изучение многих иностранных языков ведет к более широкому, глубокому и объективному восприятию и пониманию мирового языкового сообщества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики, М., Языки славянской культуры, 2001, 272с.
2. Вежицкая А. Язык, Культура, Познание., М. «Русские словари», 1996, 416с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В. Г. Язык и культура, М., Русский язык, 1990, 246с.
4. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры, М., Прогресс, 1985, 452с.
5. Залевская А. А. Некоторые проявления специфики языка и культуры испытуемых в материалах ассоциативных экспериментов. // Этнопсихоллингвистика, М., Академия Наук СССР, Наука, 1988, 34–48с.
6. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов, М., МАЛП, 1999, 341с.
7. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации, М., Рукописные памятники древней Руси, 2009, 315с.
8. Лейбниц Г. В. Соч. в четырех томах. Т. 1 — Москва: Мысль, 1982,
9. Лейбниц Г. В. Соч. в четырех томах. Т. 2 — Москва: Мысль, 1983,
10. Лейбниц Г. В. Соч. в четырех томах. Т. 3 — Москва: Мысль, 1984,
11. Неверов С. В. Позиция слушающего и говорящего в речевой деятельности японцев. // Этнопсихоллингвистика, М., Академия Наук СССР, Наука, 1988, 91–97с.
12. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация, М., МГУ, 2004, 350с.
13. Humboldt W. von. Grundzüge des allgemeinen Sprachtypus, 1826 // По кн. Л. П. Лобановой «Концепция языковой картины мира и ее истоки в трудах Вильгельма фон Гумбольдта», М., ВШЭ, 2013, 409с.
14. Humboldt W. von. Ueber das vergleichende Sprachstudium in beziehung auf die verschiedenen Epochen der Sprachentwicklung, 1820 // По кн. Л. П. Лобановой «Концепция языковой картины мира и ее истоки в трудах Вильгельма фон Гумбольдта», М., ВШЭ, 2013, 409с.
15. Humboldt W. von. Ueber die Verschiedenheiten des menschlichen Sprachbaues, 1829 // По кн. Л. П. Лобановой «Концепция языковой картины мира и ее истоки в трудах Вильгельма фон Гумбольдта», М., ВШЭ, 2013, 409с.
16. Luther W. Weltansicht und Geistesleben. 1954 // По кн. Л. П. Лобановой «Концепция языковой картины мира и ее истоки в трудах Вильгельма фон Гумбольдта», М., ВШЭ, 2013, 409с.
17. Nuss Bernard 1993. Das Faust Syndrom: Ein Versuch über die Mentalität der Deutschen, Bonn: Bouvier. // По кн. Вежицкой А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики, М., Языки славянской культуры, 2001, 272с.
18. Weisgerber L. Das Menschheitsgesetz der Sprache als Grundlage der Sprachwissenschaft, 1964 // По кн. Л. П. Лобановой «Концепция языковой картины мира Л. Вайсгербера в статическом и энергетическом описании», М., ВШЭ, 2013, 326с.

© Рытова Инна Григорьевна (inna.rytova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОТРАЖЕНИЕ ЭСТЕТИКИ Ф. НИЦШЕ В ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ ЭПОХИ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ

Степанов Владислав Сергеевич

Соискатель, преподаватель, ГБУДО г. Москвы «ДШИ им. Ф. Шуберта»
fortesolo@yandex.ru

REFLECTION OF THE AESTHETICS OF F. NIETZSCHE IN PHILOSOPHY AND RUSSIAN CULTURE OF THE ERA OF THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES

V. Stepanov

Summary. The culture of the turn of the XIX–XX centuries is strongly influenced by the philosophy and aesthetics of late romanticism. F. Nietzsche is the central figure of this time. The German philosopher not only exerted a colossal influence on the thinkers of the era of Russian symbolism, but also became definitely a harbinger of the coming cultural decadence. Artists and thinkers of modern times, being influenced by Nietzschean ideas, develop his philosophy to the most powerful cosmogonic act, in the center of which the Nietzschean superman grows to the universal symbolist Creator of the epoch. A new type of Artist and Man creates his own creative unique universe, which miraculously fits into the boundaries of a compact and elegant «modern box». This unique contradiction between the content and form of works of art leads to a great cultural crisis, to decadence, to an epochal break in the history of culture..

Keywords: symbolism, late romanticism, philosophy, modernity, creativity, Nietzsche, Soloviev, superman, cosmism, decadence.

Аннотация. На культуру рубежа XIX–XX веков оказывает сильное влияние философия и эстетика позднего романтизма. Ф. Ницше — центральная фигура этого времени. Немецкий философ не только оказал колоссальное влияние на мыслителей эпохи русского символизма, но и стал определенно предвестником грядущего культурного декаданса. Художники и мыслители нового времени, находясь под влиянием ницшеанских идей, развивают его философию до мощнейшего космогонического акта, в центре которого ницшеанский сверхчеловек возрастает до вселенского символистского Творца эпохи. Новый тип Художника и Человека создает свою творческую уникальную вселенную, которая, при всем тотальном философском масштабе, удивительным образом укладывается в границы компактной и изящной «модерновой шкатулки». Это уникальное противоречие между содержанием и формой произведений искусства приводит к величайшему культурному кризису, к декадансу, к эпохальному разлому в истории культуры.

Ключевые слова: символизм, поздний романтизм, философия, модерн, творчество, Ницше, Соловьев, сверхчеловек, космизм, декаданс.

Выдающийся немецкий мыслитель Фридрих Ницше (1844–1900) — уникальная фигура в истории мирового сознания. Погружаясь в концепцию разума, он с большим успехом его побеждает, выходя за рамки логически выстроенного «классического» эталона мысли, и воплощая его в иррациональной философии жизни.

Влияние взглядов Ф. Ницше на философский и творческий мир русских символистов оказывается тотальным. А. Белый писал о Ф. Ницше: «Он символист, проповедник новой жизни, а не ученый, не философ, не поэт. <...> Более других подобны ему творцы новых религий. Задача религии: так создать ряды жизненных ценностей, чтобы образы их вросли в образы бытия, преобразуя мир» [2, 76]. Действительно, глобальные ницшеанские идеи волновали философов, поэтов, литераторов, критиков нового времени. Его философские взгляды нашли прямое отражение и в визуальных искусствах модерновой эпохи в творчестве М. Врубеля, В. Владимирова, И. Крамского, К. Малевича, М. Чюрлениса. У каждого по-своему и в разной мере воплощались ведущие темы философии Ницше:

тема Антихриста, Истины, Сверхчеловека... И особенно наглядно ницшеанские концепции нашли воплощение в сердцевине стиля — его философии, которая служила основным инструментом для претворения идей космизма в творческом аспекте культуры рубежа веков.

Смелость концепции Ницше повлияла на весьма неоднозначную оценку его современников и последователей. Доктор философских наук Ю. В. Синеокая пишет по этому поводу: «Если представители академической науки и религиозные писатели на исходе XIX столетия в ужасе отпрянули от ницшеанского сверхчеловека, усмотрев в нем порок сатанинского происхождения, воплощенную идею зла, а, порой, и самого антихриста, то молодое поколение философов — идеалистов, деятелей русского религиозного ренессанса, напротив, приветствовало ницшеанский образ не как антропологический тип, а как нравственный идеал, как смысл грядущего религиозного обновления культуры, как мистическую индивидуальность, символизирующую собой жизненную и творческую мощь — цель и суть человеческого сознания» [7, 11].

Тема сверхчеловека Ницше заняла важное место в мире русской философии эпохи символизма. В ряду русских философов, проявивших нескрываемый интерес к ницшеанскому «сверхчеловеческому образу» находятся Л. Толстой, Н. Бердяев, Д. Мережковский, а также и выдающийся философ — духовный отец символизма — В. Соловьев. В 1899 году выходит в свет работа Владимира Соловьева «Идея сверхчеловека», в которой автор рассуждает о ницшеанском представлении данной идеи, а также описывает портрет своего «истинного» сверхчеловека, к достижению образа которого апеллирует в своей философии [8]. Важно, что Соловьев не просто развивает идеи немецкого философа, но во многом их переосмысливает.

Вообще, суть и концепция истины, которую Ницше всячески отвергал, у Соловьева обретает, пожалуй, лейтмотивное значение во всей его философии. И идею сверхчеловека усматривает Соловьев, в отличие от Ницше, именно в *стремлении* человека к истине, к вознесению своей смертной человеческой сущности к божественному началу, к победе над своей смертностью. Это дает основание дифференцировать образы сверхчеловека Соловьева и Ницше. «Дурная сторона ницшеанства бросается в глаза. Презрение к слабому и больному человечеству, языческий взгляд на силу и красоту, присвоение себе заранее какого-то исключительного значения — во-первых, себе единолично, а затем, себе коллективно, как избранному меньшинству «лучших», т.е. более сильных, более одаренных, властительных, или «господских», натур, которым все позволено, так как их воля есть верховный закон для прочих, — вот очевидное заблуждение ницшеанства. В чем же та истина, которую оно сильно и привлекательно для живой души?» [8, 211].

По Соловьеву, человеческая форма и его внутренние возможности не ограничивают человека в потенциях личностного и духовного роста, способствующих достижения типа совершенного человека, стремящегося к божественному познанию и способному олицетворять собой идею всеединства и божественного начала. «Форма человеческая способна вместить и связать в себе *все*, стать орудием и носителем всего, к чему только можно стремиться» [8, 219]. Задача сверхчеловека Соловьева заключается в способности победить смерть и стать бессмертным: «Человек есть прежде всего и в особенности «смертный» — в смысле *побеждаемого, преодолеваемого* смертью. А если так, то, значит, «сверхчеловек» должен быть прежде всего и в особенности победителем смерти — освобожденным освободителем человечества от тех существенных условий, которые делают смерть необходимою, и, следовательно, *исполнителем* тех условий, при которых возможно или вовсе не умирать, или, умерев, воскреснуть для вечной жизни» [8, 227–228].

Несомненно, эта трансцендентальная идея, как и ряд многих идей символистов, отличается утопичностью и проявляет себя лишь в *желании* и философской интенции к «вечной жизни». Соловьев, осознавая сложность, а, быть может, и нереальность воплощения своей идеи, все же оставляет надежду на невозможность полного опровержения сего факта, так как «нет возможности доказать это заранее, до опыта» [8, 228].

Ницшеанский сверхчеловек, напротив, всячески отрицал идею личного спасения, полагая, что сама идея является ложным отголоском христианского учения. В сочинении «Так говорил Заратустра» Ницше попытался заглянуть по ту сторону смерти, придя к проблеме смысла существования человеческого рода, осознавшим свою вечность в бесконечности кольца рождений и смерти [4]. Итак, очевидны два различных концептуальных подхода к олицетворению и воплощению «космической» идеи сверхчеловека философов позднеромантического и символистского направлений: Соловьев усматривал цель во «вселенской сизигии» [9] всего поколения человеческого для преодоления смерти, Ницше, напротив, — в преодолении вечности.

Идеальные побуждения Соловьева берут свое начало из общей картины несовершенства мирового порядка. Как и Платон, признающий реальный мир миром теней, в противовес идеальному мир [5], Соловьев обнаруживает две составляющих мировой онтологической основы в дихотомии высшего и низшего начал, в достижении компромисса между ними. Русский философ усматривает несовершенство мира в «уступке высшего начала низшему» [8, 230]. И истинное совершенство, на его взгляд, «требует только, чтобы идеальное начало все глубже проникало в противодействующую ему среду и все полнее овладевало ею» [8, 231]. По сути, то идеальное начало, о котором повествует Соловьев, есть все то истинное и божественное, которое собирается в самом человеке. Задача человека заключается в умении культивировать и преумножать в себе истинное и прекрасное во благо преобразования мира. Ведь что есть смерть, как не доминанта человеческой несовершенной жизни? Но, с другой стороны, жизнь в глобальном вселенском масштабе представляет собой разумный цикл, в котором один этап развития гармонично сменяется другим во благо дальнейшего продолжения. Конечно, «вечный» вопрос жизни и смерти остается риторическим, однако различные философские подходы к пониманию данной проблемы представляются важными для раскрытия смысла художественного космизма символистов.

Итак, очевидно принципиальное отличие идейного космизма двух эпох, близких друг к другу хронологически, но разнородных по своей структуре. Символистский герой, с одной стороны, ощущая трагизм существования

в условиях упадка секуляризованной поздне-романтической культуры, самозабвенно ищет утешения в религиозности символистской эпохи, в ее стремлении к достижению истины, в ее избавлении от индивидуального эгоизма, к слиянию с божественным началом. Но, с другой стороны, тот же самый герой, воспевая себя как религиозного демиурга, — не есть ли он олицетворение еще большего эгоизма и утопической уверенности в своих безграничных возможностях?! Его стремления обретают еще больший космический размах, и во главе этого Космоса есть исключительно он — Человек — Творец. Следовательно, Космос эпохи концентрируется в самом человеке, в его безграничном теургическом потенциале. Этот Творец полагает, что способен преобразовать все человечество, сделав его бессмертным, наделив его безграничными возможностями. Размах идей, действительно, впечатляет своим вселенским масштабом.

В этом смысле известная картина М. Чюрлениса «Rex» заключает в себе философский космоизм эпохи. «Rex» — в пер. с лат.: «царь, король». В Древнем Риме Rex обозначал царя, то есть абсолютного высшего ранга власти. Изображение Rex'a в Триптихе художника-символиста олицетворяет собой некоего непобедимого властелина Космоса. Как замечает исследователь Шапошникова Л. В., в Rex'се Чюрлениса наблюдается «изображение духовного восхождения художника от земли к высотам Преображения». [10, 181–203].

Не зря многие исследователи характеризуют эпоху «символистского модерна» как «религиозный ренессанс» или «русский духовный ренессанс» в лице В. Соловьева, Е. Трубецкого, П. Флоренского, Н. Бердяева. Вслед за философскими учениями полностью или отчасти шли многие художники, поэты, музыканты эпохи. Но основу для становления символистского ренессанса заложил в идее своего сверхчеловека, бесспорно, Фридрих Ницше. А. Белый писал: «В проповеднической ноте, проявившейся у величайших символистов нашего времени Ницше и Ибсена в том, что они признают в художнике творца жизни, мы и усматриваем привнесение цели, диктуемой искусству: из искусства выйдет новая жизнь и спасение человечества» [1, 10]. В этих строках А. Белого прослеживается волюнтаристическая позиция демиурга, наделенного важной сверхчеловеческой миссией.

Попытка «создания» образа «божественного человека» наблюдается у еще одного яркого представителя символизма — В. Иванова. Будучи заинтересованным в философии Соловьева, Иванов полагает, что всякий художник наделен важной миссией, поэтому он обязан раскрывать в людях высшее, духовное начало: «Едиственное задание, единственный предмет всякого искусства есть Человек. Но не польза человека, а его тайна. Другими словами — человек, взятый по вертикали, в его

свободном росте вглубь и ввысь. С большой буквы написанное имя Человек определяет собою содержание всего искусства; другого содержания у него нет. Вот почему религия всегда умещалась в большом и истинном искусстве; ибо Бог на вертикали Человека» [3, 198].

Ницшеанское заявление о «смерти Бога» не могло оставлять равнодушными мыслителей символизма. По мнению Иванова, «смерть Бога» вызвана достигшим своего пика к концу XIX столетия культа индивидуальности. Трагическое ощущение существования мира без Бога побудило символистов к стремлению к Нему, к выходу за пределы индивидуального посредством искусства в *сверхиндивидуальное* (термин Вяч. Иванова). В этом новом качестве предстает символистский тип Творца.

Итак, идея Творца, на место которого претендует Художник, способный преобразовать своим творчеством действительность, является одной из фундаментальных в концепции всей эпохи. Эта установка по своему вселенскому размаху затмевает даже стремления романтической «бунтарской» личности. В контексте романтизма человек стремился к высшему, абсолютному, универсальному, синтезированному, но никогда он не заявлял о себе как о том единственном идейном и божественном вдохновителе, который способен своими силами и возможностями преобразовать весь мир, наделив его, как у Соловьева, вселенской любовью и божественной энергией. Романтическому герою больше свойственно надеяться, ждать, уповать, сомневаться, чувствовать себя игрушкой неких высших сил: рока, долга, стихии — как Вotan в тетралогии «Кольцо нибелунга» Вагнера. В этом — весь трансцендентализм эпохи. Именно эту романтическую неуверенность и сомнение Ницше пытается изжить, истребить своей страстной проповедью сверхчеловека.

Но важно, что сверх-сила этого ницшеанского человека обращена лишь «на самого себя», к внутреннему эгоизму, в преподнесении себя как «сильного» над остальными — «слабыми». Никогда поздне-романтический сверхчеловек Ницше не позиционировал себя как *преобразователя* всего мира; его сверхчеловек не обращен на «помощь» слабым и беспомощным, наоборот: «что падает, то нужно еще толкнуть!» — заявлял ницшеанский Заратустра [4]. Зато символистский Человек, приближаясь к Богу и выходя в «сверхиндивидуальное», решает, что способен и должен преобразовать несовершенную картину мира. И основную силу для мирового преобразования находит символистский герой в смысле вселенской любви.

В русской культуре идея вселенской любви приобретает мистико-религиозный оттенок в концепции

Соловьева в работе «Смысл любви» [9]. Соловьев усматривает в силе любви между мужчиной и женщиной ту важнейшую необходимость, благодаря которой человечество сможет приблизиться к истинной цели своей жизни, преодолев свой индивидуальный эгоизм и возвыситься над примитивностью и конечностью своего существования. «Смысл и достоинство любви как чувства состоит в том, что она заставляет нас действительно всем нашим существом признать за другим то безусловное центральное значение, которое, в силу эгоизма, мы ощущаем только в самом себе,— пишет Соловьев.— Любовь важна не как одно из наших чувств, а как перенесение всего нашего жизненного интереса из себя в другое, как перестановка самого центра нашей личной жизни. Это свойственно всякой любви, но половой любви по преимуществу; она отличается от других родов любви и большей интенсивностью, более захватывающим характером, и возможностью более полной и всесторонней взаимности; только эта любовь может вести к действительному и неразрывному соединению двух жизней в одну, только про нее и в слове Божьем сказано: будут два в плоть едину, т.е. станут одним реальным существом» [9, 160–161].

Философ наделяет полную гармоничную любовь высшей всеединой идеей — сизигией, в которой «истинный человек в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих. Осуществить это единство, или создать истинного человека, как свободное единство мужского и женского начала, сохраняющих свою формальную обособленность, но преодолевших свою существенную рознь и распадение,— это и есть собственная ближайшая задача любви» [9, 164–165].

Важно, что соловьевская сизигия перекликается с пониманием любви Фейербаха. «Фейербаховская любовь», управляющая жизнью человечества и аккумулирующая в себе мужское и женское начала, послужила определенной основой для вагнеровского синтеза музыкальной драмы. Соловьев, развивая романтическую линию, доводит категорию любви до некоего абсолюта: посредством вселенской сизигии символистский Творец способен на глобальное мировое преобразование. Следовательно, романтический синтез претворяется в абсолютный космизм философии символизма.

Космогоничность замыслов мыслителей рубежа веков впечатляет своим тотальным размахом. Но важно, что само творчество в контексте культуры рубежа веков остается полностью подвластным декоративному и изящному модерну, для которого компактность и некая ювелирность являются составляющими характеристиками [6]. Во многом это вызвано установкой модерна

на панэстетизм, то есть на распространение идеи преобразования мира на основах красоты и гармонии. Эта тенденция находила воплощение, в большей степени, в промышленной сфере, что привело к современному дизайну, основанному на господстве изогнутых линий, «плавающих», «природных» форм, детализированного, филигранного «украшательства» — от архитектуры до моды и предметов интерьера. В «большом искусстве» обнаруживаются те же тенденции, хотя идеологически оно ближе к символистской философии.

Соответственно, возникает определенный разлом в истории культуры рубежа веков, приводящий к эпохальному декадансу: космический размах замыслов, экстатическая накаленность миропреобразующих порывов,— и камерность воплощения этих замыслов в конкретных произведениях, где Космос становится филигранно проработанным, замкнутым в себе пространством, вмещающим субъективные смыслы и демонстрирующий любование красотой деталей. При этом философия и художественное творчество в рассматриваемую эпоху оказываются понятиями практически тождественными, что только углубляет парадоксальность ситуации.

К примеру, именно в этом миниатюризированном Космосе воплощались мистериальные установки мыслителя и композитора Скрябина, для которого миниатюра (прелюдии, фортепианные поэмы) становится совершенной и логичной формой для воплощения своей философской космогонии; в «сомнамбулической лаборатории» символизма создавался «космологический Рех» Чюрлениса, укладывающийся в размеры небольшой картонной картинки; именно в этом ключе создавалась «музыкальная поэтика» К.Д. Бальмонта, насыщенная поэтической мелизматикой; и мн. др. Важно, что все великие художественные деятели времени находились под влиянием общей философской мысли эпохи, осознавая себя Творцами искусства и культуры. Таким образом, философско-литературная программа символистов оказывается полностью утопичной в реалиях земного материального мира, в то время как стиль модерн, впитавший символистские глобальные идеи времени, берущие начало из позднего ницшеанского романтизма, стал той средой, в которой идеи космизма воплотились наиболее красочно и иллюстративно.

Приведенные наблюдения заставляют думать о глубочайшем кризисе европейской культуры и — шире — европейского менталитета в целом. Не случайно после эпохи модерна во всех областях искусства возникают разнообразные авангардные направления. Дело не только в том, что авангард принципиально разрушает старые формы: проблема, скорее, в том, что обогналась абсолютная исчерпанность тех идей, которые

развивались на протяжении предыдущего века и нашли свое грандиозное и одновременно катастрофическое воплощение в творчестве символистов. Все преемники данной эпохи, в частности — русских символистов, могут быть рассмотрены только как эпигоны: они способны копировать каллиграфический стиль модерна, но утрачивают страсть и космический порыв, который был характерен для культуры предыдущей эпохи. Европейская

постмодерновая культура растворяется в иронии постмодернизма, в игре стилей, «игре в бисер». Поэтому, столь мощный внутренний разлад, который мы постарались обозначить и раскрыть в данной статье, может свидетельствовать только «о конце прекрасной эпохи», но ни в коем случае не говорит о жизнеспособности гениально проявившегося мощнейшего творческого акта в культуре рубежа XIX — XX веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый А. Символизм: Книга статей. — М.: Мусaget, 1910.
2. Белый А. Философия культуры // Критика русского символизма. Т. 2. — М.: Олимп, 2002.
3. Иванов В. И. Экскурс о секте и догмате // Иванов В. И. Родное и вселенное. — М.: Республика, 1994.
4. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Сочинения: В 2 т. Т. 2., пер. с нем. К. А. Свасьян. — М.: «Мысль», 1990. — С. 5–237.
5. Платон. Государство (пер. В. Н. Карпова). — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 352 с.
6. Сарабьянов Д. В. Стиль модерн. — М.: Искусство, 1989. — 294 с.
7. Синеокая Ю. В. Философия Ницше и духовный опыт России (конец XIX — начало XXI в.): дисс. докт. филос. наук: 09.00.03 / Синеокая Юлия Вадимовна. — М., 2009.
8. Соловьев В. С. Идея сверхчеловека // Соловьев В. С. Избранное. — М.: Советская Россия, 1990.
9. Соловьев В. С. Смысл любви // Соловьев В. С. Избранное. — М.: Советская Россия, 1990.
10. Шапошникова Л. В. Тернистый путь Красоты. — М.: МЦР; Мастер-Банк, 2001.

© Степанов Владислав Сергеевич (fortesolo@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПЕКИНСКОЙ ОПЕРЫ

THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF BEIJING OPERA

Wu L.

Summary. Beijing Opera is one of the main genres of the Chinese Opera, named after its place of origin. Born, it gained popularity in Beijing and then spread throughout China. Peking Opera is included in the List of intangible cultural heritage of humanity by UNESCO and recognized as a national treasure of China. The emergence and development of this genre relates to the XVIII–XIX centuries. In our view, these processes require detailed study. The article considers the origin, development, periods of formation of Beijing Opera, as well as the place of Beijing musical drama in the history of the Chinese Opera of the Qing era.

Keywords: Beijing Opera, Chinese Opera, Chinese culture.

У Лиан

Аспирант, Российский Государственный
Педагогический Университет им. А. И. Герцена
wuliyang501@foxmail.com

Аннотация. Пекинская опера — один из главных жанров китайской оперы, получивший название по месту своего возникновения. Зародившись, он обрел популярность в Пекине, а затем распространился по всему Китаю.

Пекинская опера включена в Список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО и признана национальным достоянием Китая. Возникновение и развитие обозначенного жанра относится к XVIII–XIX векам и, очевидно, что данные процессы еще требуют подробного исследования. В статье рассмотрены зарождение, развитие, периоды становления пекинской оперы, а также место пекинской музыкальной драмы в истории китайской оперы эпохи Цин.

Ключевые слова: пекинская опера, китайская опера, китайская культура.

Зарождение пекинской оперы

В 1790 году четыре оперные труппы из южного Китая, исполнявших оперу в стиле «эрхуан», прибыли в Пекин — северную столицу Китая — на праздника в честь дня рождения императора Цяньлуна.

В начале XIX века уроженец провинции Хубэй Ван Хунгуй привез в Пекин свою оперную труппу, исполнительский стиль которой получил название «сипи». В течение долгого времени мелодии в стиле «эрхуан» и «сипи», ставшие впоследствии основой пекинской оперы, сопровождали оперные представления в столице. В конце концов, данные мелодии постепенно смешались и продолжили свое развитие в рамках нового направления — пекинской оперы, которая после 1840 года сформировалась в самостоятельный жанр [2].

Развитие пекинской оперы

В целом развитие пекинской оперы можно разделить на три этапа.

Первый — это этап формирования пекинской оперы. В данный период ее основными частями были мелодии «эрхуан» и «сипи», параллельно происходило смешение с такими жанрами китайской музыкальной драмы, как куньцюй, циньцян и другими. Самыми известными исполнителями пекинской оперы того времени были Чэн Чэнган, Чжан Эркуй и Юй Саньшэн. У каждого из них была своя оперная труппа, отличавшаяся собственным узнаваемым стилем.

Второй — это начальный этап развития пекинской оперы. В данный период самыми известными мастерами пекинской оперы были Тан Синьпэй, Ван Гуйфэнь, Сунь Цзюйсянь и другие. Их усилиями пекинская опера получила широкую популярность по всей стране. В 1867 г. пекинская опера появилась в Шанхае. Тань Синьпэй шесть раз выступил перед шанхайскими зрителями, благодаря чему распространение пекинской оперы на юге ускорилось.

Третий этап — период окончательного сложения пекинской оперы в самостоятельный жанр, который без существенных изменений сохранился до наших дней. Самым выдающимся исполнителем пекинской оперы того периода был Мэй Ланьфан, создавший собственный неповторимый исполнительский стиль. В работе над ролью он уделял особое внимание пониманию своего персонажа, выдвигал на первый план необходимость передачи духа оперного произведения во время исполнения на сцене [3].

Одно из достижений Мэй Ланьфана заключается в том, что благодаря ему женские роли «дань» впервые заняли доминирующее положение в пекинской опере, где долгое время первенство принадлежало мужским ролям «шэн». Это позволило пекинской опере выйти на новый уровень и донести до зрителей первоначальную значимость женских ролей «дань».

«Дань» и «шэн» — это два разных амплуа в пекинской опере. Всего насчитывается четыре амплуа: «шэн», «дань», «цзин» и «чоу». «Шэн» — мужские роли, например, роли императора или ученого среднего и преклонного

Рис. 1. Амплуа зрелого мужчины «лао-шэн» [2]

Рис. 2. Амплуа воительницы «у-дань» [2]

возраста называют «лао-шэн», а роли молодых людей — «сяо-шэн». «Дань» — женские роли, например, роли воительниц называют «у-дань», пожилых женщин — «лао-дань». По аналогии амплуа «цзин» — это роли военных генералов в основном мужского пола. Амплуа «чоу» — роли мудрецов или хитрецов [4].

Мэй Ланьфан многократно выступал в Шанхае и этим способствовал смешению южной и северной оперы. Он также бывал с гастроями в США и Японии и знакомил иностранную публику с китайской оперой.

Место пекинской оперы в китайской опере эпохи Цин (XVIII–XIX веков)

В данный период пекинская опера подверглась влиянию различных традиций региональных оперных жанров. В манере пения преобладали стили «эрхуан» и «сипи», одновременно заимствовались вокальные техники куньцзюй, банцзы, сыпин, чуйцзянь и другие народные виды пения. Благодаря синтезу многочисленных вокальных техник, пекинская опера стала одним из ярчайших представителей китайской оперы и сыграла важнейшую роль в истории искусства Китая.

Рис. 3. «Опьяневшая Ян Гуйфэй» в исполнении Мэй Ланьфана [5]

Пекинская опера также заимствовала многие сюжеты из региональных опер, что позволило ей расширить и обогатить свой репертуар, а также занять первое место в истории китайской оперы по их количеству и многообразию.

В репертуаре пекинской оперы насчитывается более тысячи классических сюжетов, среди них сюжеты из анхойской оперы, куньцзюй, шэньсийской оперы и других. Например, сюжет «Опьяневшая Ян Гуйфэй», взятый из куньцзюй, описывает события тысячелетней давности, происходившие во времена эпохи Тан: опьяневшая наложница императора Ян Гуйфэй изливает свои чувства и любовь к императору.

В 1950-х годах Мэй Ланьфан исполнил роль наложницы. По сюжету Ян Гуйфэй понемногу пьет вино и постепенно хмелеет. Мэй Ланьфан с помощью искусных движений

выразил гнетущую тоску наложницы, потерявшей любовь своего императора. Сильно опьянев, Ян Гуйфэй теряет контроль над собой, а танец, отражающий ее душевное состояние, крайне сложен для исполнителя. «Опьяневшая Ян Гуйфэй» стала одной из самых известных работ Мэй Ланьфана [5]. Богатое сюжетное разнообразие пекинской оперы определило ее высокое положение в эпоху Цин.

Заключение

В данной статье проанализированы истоки, процесс развития и место пекинской оперы в традиционной опере. Охарактеризовано, как возникла пекинская музыкальная драма, и определена ее неразрывная связь с региональными операми Китая. Рассмотрены ее уникальные стороны. После XIX века пекинская опера достигла небывалого развития и расцвета, заняв важнейшее место в истории китайской оперы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чжоу Лун. Изучение разнообразных культурных форм распространения пекинской оперы. Китайская традиционная опера / Лун Чжоу. — 2012 (01). — С. 318–326.
2. Чжун Лин. Краткая история пекинской оперы / Лин Чжун // Вестник Цинхуа (Философия и общественные науки). — 2008 (03). — С. 5–17+159.
3. Лю Чжэнь. Мэй Ланьфан и его роль в культуре / Лю Чжэнь // Вестник Института искусств провинции Юньнань. — 2017 (02). — С. 39–46.
4. У Цзиньфу. Исследование по происхождению амплуа «шэн», «дань», «цзин» и «чоу» / У Цзиньфу // Вестник Шаньтоуского университета. — 1986 (01). — С. 54–57.
5. Ван Жуцзе. Художественная интерпретация пекинской оперы «Опьяневшая Ян Гуйфэй» / Ван Жуцзе // Дом оперы. — 2017 (18). — С. 48.

© У Лиян (wuliyang501@foxmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский Государственный Педагогический Университет им. А.И. Герцена

КРИЗИС КУЛЬТУРЫ И ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ «МЫ-ИДЕНТИЧНОСТИ»

THE CRISIS OF CULTURE AND THE ISSUES OF PRESERVING THE «WE-IDENTITY»

I. Frolenkova

Summary. The definition of identity and types of identity is given, the problems of the culture crisis and ways out of it are examined. The role of religion in the formation of collective identity is analyzed. The aspects of youth policy that play the most important role in the formation of national identity are considered.

Keywords: crisis of culture, identity, youth, consumer society.

Фроленкова Ирина Юрьевна

Аспирант, Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация. Дается определение идентичности и типам идентичности, рассматриваются проблемы кризиса культуры и пути выхода из него. Анализируется роль религии в формировании коллективной идентичности. Рассматриваются аспекты молодежной политики, играющие важнейшую роль в формировании национальной идентичности.

Ключевые слова: кризис культуры, идентичность, молодежь, общество потребления.

В XX веке, а тем более в XXI веке наблюдаются масштабные изменения в мире. Глобальные проблемы, связанные с экологией, демографией, терроризмом находят свое отражение в работах широкого круга исследователей, являются важнейшими для обсуждения на конференциях и симпозиумах. Вместе с тем, нам представляется, что одной из самых главных угроз для человечества является нравственный упадок человека, общества в целом.

Любой кризис имеет начало и конец. Кризис культуры приводит к необходимой смене ценностей. Смена может происходить как переход к новым формам внутри самой культуры или как переход к качественно новой культуре, утрате старой культуры. О. Шпенглер определяет длительность цикла культуры, который составляет от 1000 до 1500 лет. В условиях глобализации трудно не согласиться с этим утверждением, так как глобализация в первую очередь ведет к унификации.

Интерес к рассмотрению кризиса культуры возникает в поворотные этапы развития человечества. В условиях деформации культурной памяти ввиду того, что XX век был наполнен войнами, катаклизмами, сменой режимов и борьбой с религией, наблюдается разрушение единства взглядов и ценностей россиян. Кризис культуры всегда приводит к аксиологической неустойчивости.

Если страны Азии и Африки сталкиваются с демографическими проблемами в первую очередь, ввиду увеличения численности населения, низкого уровня образования, бедности, голода, то в странах Европы культивируется концепция общества потребления.

Ж. Бодрийяр в своей работе «Общество потребления» ставит вопрос о том, что люди в обществе изобилия окружены не столько людьми, сколько вещами и у потребления отсутствует предел, происходит трансформация человека, общества в целом. В процессе всемирного отчуждения, происходит подчинение людей на всех уровнях жизнедеятельности общества страху упустить что-либо, упустить наслаждение. Потребление становится долгом гражданина, получение наслаждения и удовольствия используется как принуждение и обязанность человека, как новый тренд. [4].

По оценкам специалистов, часть населения России разделяет эту позицию, и стратегия жизнедеятельности определяется как «иметь».

Согласно социологическим опросам, проведенным в 2016 году на тему, что является для вас самым главным, среди молодежи в возрасте от 18 до 30 лет, творчество, увлечения, самореализация значительно уступают место материальному благополучию и комфорту [20].

При смене ценностных ориентиров у их истоков всегда стоит человек, далее общество. В этой связи, считаем целесообразным проанализировать причины и последствия кризиса культуры после перестройки и пути выхода из него. Работа ориентирована на сопоставление двух важных моментов. Прежде всего, той среды, где формируется идентичность и типы идентичности, формируемые в той или иной среде.

Осмыслению проблемы кризиса культуры и формированию коллективной идентичности посвящены работы специалистов разных направлений гуманитарного

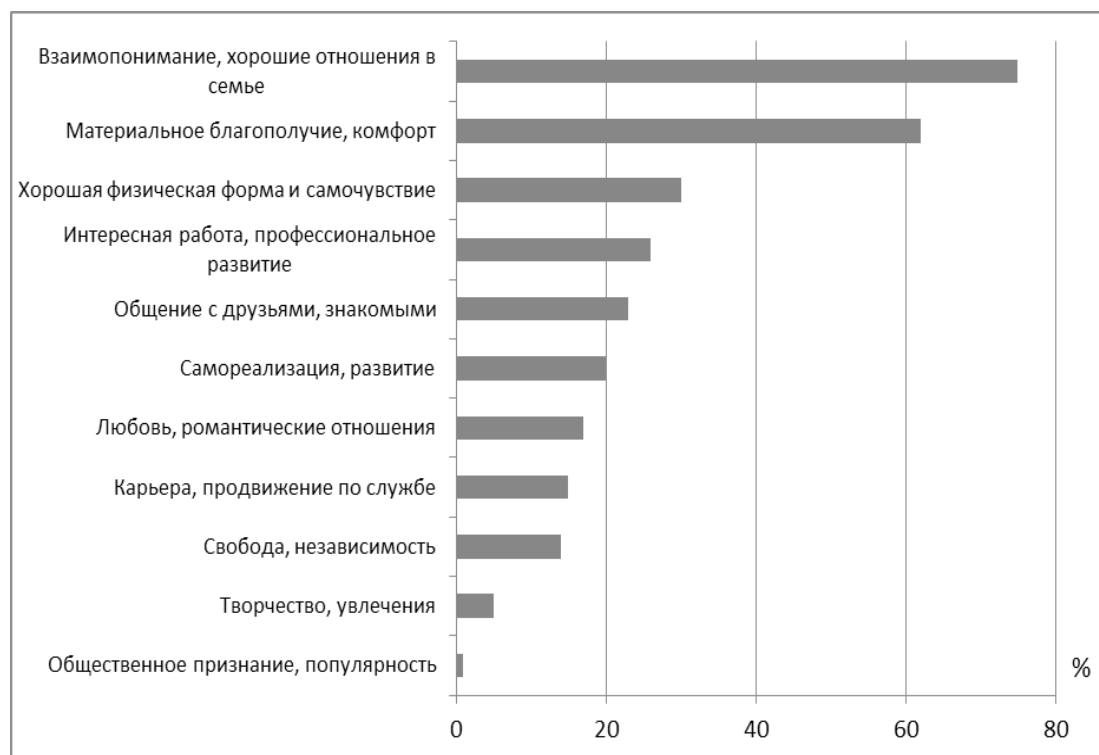

Рис. 1. Ответы молодых россиян на вопрос «Что из перечисленного на сегодняшний день для вас наиболее важно?»

знания — социологии, культурологии, философии, истории, психологии.

Труды О.Н. Астафьевой, Ю.А. Веденина, П.С. Гуревича, А.А. Гусейнова, К.Х. Делюкарова, В.К. Егорова, С.О. Елишева, И.А. Ильина, Д.С. Лихачева, Л.В. Мантатовой, В.С. Соловьева, формируют современное представление о культуре, культурной политике.

После распада СССР для общества характерен посттравматический синдром, который выражается в том, что молодежи не нужно переживать социально-политический кризис, она хочет двигаться дальше, ориентируясь на тренды глобализма, а поколение, которое родилось и воспитывалось в XX веке, ощущает болезненную утрату всего того, что было дорого и ценно.

В процессе уничтожения привычных для общества социальных институтов, произошло разрушение определенных жизненных ориентиров. Процесс самоидентификации через я-другой утратил целостность, определенность.

Важнейшими факторами, которые приводят к кризису культуры, по нашему мнению являются:

- ♦ усиление бездуховности, которое приводит к утрате подлинных ценностей;

- ♦ технологизация и информатизация как факторы утраты индивидуальности;
- ♦ ослабление коммуникативной функции культуры ввиду изменения образа жизни и жизненных ориентиров.

Существует много сценариев по выходу из этого состояния. Нам представляется, что в обществе доминирует две основные идеи.

1. «Назад в прошлое» путем притягивания ядра старой идентичности, но оно не воспроизводится.

2. Формирование «новых идентичностей», которые предлагает глобальная культура, но они отрываются от корней.

Только синтез традиций и инноваций позволит нам выйти из кризиса и обрести «мы-идентичность». Религия может выступить одной из основ, опорой — функция так называемой «подушки безопасности». Нужно понимать, что новыми поколениями воспроизводится то, что выступает в качестве образца, который является определенным идентификатором.

Человек развивается под влиянием 2 факторов: среды обитания и наследственных факторов. Социаль-

ная среда включает в себя группы индивидов, которые объединяются в коллективы по различным интересам, социально-политические, бытовые условия, уровень образования формируют определенный взгляд этого сообщества и оно оказывает влияние на мнение других групп и путем ассимиляции формируются определенные нормы и правила, характерные для данной среды.

В этой связи для стабильного развития общества важно сформировать устойчивую, организованную личность, которая будет развиваться в социальной среде, которая имеет достаточно четкие структуры. Социальная среда оказывает влияние на формирование индивида, индивид оказывает влияние на модификацию среды.

Согласно определению, которое дает философский энциклопедический словарь, «идентичность (от лат. *idem* тот же самый) тождественность, одинаковость, полное совпадение чего-нибудь с чем-нибудь» [19]. Существуют различные типы идентичности. К основным целесообразно отнести социальную, групповую, этническую, культурную.

Кризис культуры имеет как отрицательные, так и положительные моменты. С одной стороны разрушаются определенные традиционные ценности, с другой происходит переход на новый уровень развития. Но в этой связи важно сохранить те ценности, которые позволят сохранить идентичность россиян, ведь у истоков кризиса всегда стоит человек и общество.

П.А. Сорокин одним из первых современных исследователей поднял вопрос о кризисе культуры, утверждая, что человечество оказалось между двумя эпохами. При этом чувственная культура нашего вчера умирает и наступает духовная культура грядущего завтра. [15].

Ценностные ориентиры видоизменяются ввиду универсализации общеевропейской культуры. Для обретения культурной идентичности многонациональному обществу и государству, в первую очередь, необходимо решить комплекс задач по духовной, языковой, культурной консолидации людей, народов, этносов, населяющих Российскую Федерацию.

Ценности являются факторами духовного равновесия и сохраняются в условиях медленной эволюции. Изменения, которые в более ранние эпохи происходили сотни лет, сейчас занимают менее 30 лет — быстрее происходит смена поколений, жизненных ориентиров и смыслов [15]. В условиях технологизации возникает формирование неустойчивости в вопросе культурной идентификации.

Г.П. Федотов утверждает, что Россия умерла, что нации не могут существовать более тысячи лет и особая

национальная культура не будет присуща русскому народу всегда. [16]. Это заключение с нашей точки зрения является спорным.

По нашему мнению более убедительна мысль Ф. Ницше о том, что человечество нуждается в величайшей и ужаснейшей войне, чтобы не потерять своей культуры. Ницше поднимает вопрос о болезни западноевропейской культуры. «Признаками ее нездоровья являются: утрата чувства стиля, отсутствие тяги к величию и подлинной красоте, повсюду происходит усреднение людей, оскудение их духовного потенциала. Чтобы установить диагноз болезни, нужно обратиться к здоровой культуре и, сравнивая, посмотреть, чего же не хватает нашей современности» [10].

Н.А. Бердяев в своей работе «Судьба человека в современном мире» очень остро ставит вопрос о том, что «мир находится не только в ужасном и нестерпимом экономическом и политическом положении, он находится, прежде всего, в нестерпимом духовном положении. Человеку вновь придется вернуться к единобожию или разложиться окончательно.» [2].

Совесь, нравственные идеалы неразрывно связаны с разумом. Отношения между людьми регулируются, в том числе, согласно нормам морали. «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» [7]. В случае если люди откажутся от норм и правил, нас всех ждет неблагоприятное будущее.

Экономическая составляющая в наши дни является приоритетом во всех сферах жизни. Любое начинание оценивается с позиции о возможности получения прибыли, все переводится в материальный эквивалент. Высока вероятность, что духовные, культурные ценности трансформируются до такой степени, что потеряют свою актуальность в принципе. Наблюдается рост культуры потребления, упрощение системы обслуживания человека, рост аномии в обществе.

Без духовно-нравственного роста современная цивилизация не получит рационального подъема в экономическом и технологическом направлении, так как последние начнут угрожать будущему человечества. [18].

Д.С. Лихачев писал, что человеческое общество и культура развиваются не по законам дарвинизма. Как бы не уничтожалась и вытапывалась культура, гуманистическое начало человечества одерживает победу. [16].

Роль культуры в формировании устойчивого развития общества рассмотрена Е.В. Никоноровой. Автор утверждает, что «признание культуры в качестве основы

всех человеческих решений и действий, всеобъемлющей заинтересованности в устойчивом развитии способствует тесной интеграции культуры и устойчивости, когда они буквально переплетаются, а различия между экономическим, социальным и экологическими измерениями стираются. В этом случае культура становится приоритетным основанием устойчивости, а все другие основания — соподчиненными ей» [12].

О.Н. Астафьева рассматривая кризис культуры, утверждает, что «национально-культурная идентичность, питаемая внутренними токами культуры и конструируемая с использованием политических и идеологических механизмов, образует «культурную скрепу» проживающей на одной территории коллективной общности и подвержена серьезным изменениям. Однако именно культура, образующая ее сложное ядро, выступает мощным интегрирующим символическим (духовным) ресурсом, удерживающим тождество, несмотря на глубину происходящих трансформаций. Благодаря этому национально-культурная идентичность в отличие от гражданской идентичности (гражданской «принадлежности» конкретному государству) в большей степени является результатом согласования личностного выбора с ценностной составляющей культуры, в которой проживает человек» [2].

«По оценке уровня достаточности мер государства, направленных на сохранение и развитие духовных богатств и ценностей, более половины опрошенного населения считают, что российская духовная культура утратила свое место в мире, 44,3% — временно утратила; 10,5% — навсегда утратила» [6]. В.К. Егоров объясняет это внедрением западных культур в российское культурное пространство через массовые коммуникации. Порождается новый тип человека, который самоидентифицирует себя с общеевропейской, американской культурой.

В работах Ж. Бодрийяра, З. Баумана, Э. Фромма поднимается вопрос о переходе от духовных ценностей к материальным, что в свою очередь ведет к возникновению общества потребления.

А.А. Гусейнов рассуждая о патриотизме, говорит о том, что «в советское время задавались или хотя бы провозглашались ценности служения народу, Родине, готовности к самопожертвованию, героизму. Был некий идеал, но он работал и как реальный мотив, определяя жизнь и облик огромных масс людей. Сейчас это не задано как норма, как идеал» [14]. Мы считаем, что это утверждение показывает глубокую деформацию соотношения ценностей, которые формируют общество.

Нельзя не согласиться с утверждением В.В. Мантатова и Л.В. Мантатовой о невозможности устойчивого человеческого развития без поддержания динамического равнове-

сия личного и общественного, материального и духовного начал жизни. Безусловно, существует зависимость между социальной стабильностью и нравственной культурой социума. Устойчивое развитие общества в своих истоках совпадает с нравственным совершенствованием человека, укорененным в духовных глубинах человеческой жизни и восходящим к трансцендентным устоям бытия [11].

С.О. Елишев утверждает, что «ядром и стержнем, во круг которого образуется «великая» культура является религиозный «культ», т.е. определённый тип и опыт Богослужения, находящий своё выражение в соответствующем поведении и специфических действиях. Религиозный «культ» обуславливает единство входящих в «великую» культуру этносов и государств. На данном этапе развития западноевропейской культуры единство её основано не на общности культа, а на признании, приоритете благ и достижений, порождённых этой цивилизацией по сравнению с культом. В этом и состоит главная особенность и необычность развития этой «великой» культуры» [8].

Ценности, духовность, мораль являются основой для коллективной идентичности, они формируют в нас определённую целостность. Церковь меняется медленно, существуют нормы и правила, запреты, которые нельзя переступить с религиозной точки зрения — определенные табу. В светском обществе размывается роль ценностей и справедливости.

П.С. Гуревич утверждает, что потребность человека состоит в том, чтобы постоянно видеть перед собой какие-то персонифицированные образцы. Таким образом, идеи «принадлежности» или «общности» и акт идентификации с другими оказываются одной из фундаментальных скреп всех человеческих систем [5].

Молодежная политика приобретает в наше время важнейшую роль в формировании национальной идентичности. Необходима четко сформулированная национальная идея и стратегия национального развития. Требуются молодежные проекты, которые, прежде всего, направлены не на улучшение качества жизни молодёжи, а на формирование у неё системы ценностных ориентаций [9].

В соответствии с этим, обретение коллективной идентичности, базирующейся на духовных и культурных ценностях, есть единственный путь для благополучного развития России. Необходимо сформировать такую систему знаков, к которой общество будет стремиться, хотеть соответствовать.

В настоящее время, сми, телевидение навязывают индивиду определенных кумиров, стереотипы, которые являются желанными и обуславливают его положение в обществе. Задачей государственной политики в об-

ласти формирования национальной идеи и основ формирования мы-идентичности, является, на наш взгляд, поиск и формирование смысловых узлов на всех уровнях общества от человека, семьи, профессиональных сообществ к этносу, нации и государству. Культурное наследие нашей страны может стать тем духовным ориентиром, который приведет к формированию мы-идентичности, сохранению самобытности.

«Содействие укреплению гражданской идентичности и единству многонационального народа Российской

Федерации является одной из главных целей Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» [1].

Культурное ядро нашего общества необходимо сформировать на основе православной культуры. Подходы, которые сформированы вне этого пространства, правильно считать навязанными внешними культурными кодами. И только благодаря диалогу между православием, исламом, буддизмом, будет возможно сформировать общее культурное пространство России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. [Электронный ресурс] / — Режим доступа: <<http://static.government.ru/media/files/AsA9RAYVAJnoBuKgH0qEJA9lxP7f2xm.pdf>>.
2. О. Н. Астафьева. Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: Динамика устойчивого и укоренение становящегося. // Вопросы социальной теории. Автономная некоммерческая организация «Независимый институт гражданского общества» (Москва). — 2011. — Т. 5.
3. Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире. Париж. — 1934. — 480 с.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. — М., 2006. — 269 с.
5. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2011. — № 2.
6. Егоров В. К. Культура в реформируемом обществе // Социология власти. — 2005. — № 3.
7. Евангелие от Матфея (гл. 7, стр. 12) — [Электронный ресурс] / — Режим доступа: <<http://www.patriarchia.ru/bible/mf/7/>>.
8. Елишев С. О. Гибельный путь прогресса [Электронный ресурс] / — Режим доступа: <http://www.hrono.ru/statii/2011/elish_prog.php>.
9. Елишев С. О. Молодёжная политика в процессе формирования ценностных ориентаций современной российской молодёжи. // Пространство и время. — 2012. — 1(7).
10. Кутлуни А. Г., Малышев М. А. Эстетизм как способ понимания жизни в философии // Философские науки. — 1990. — № 9.
11. Мантатов В. В., Мантатова Л. В. Ценностные основания грядущей цивилизации: устойчивое развитие и экологическая этика [Электронный ресурс] / — Режим доступа: <<http://www.congress2008.dialog21.ru/Doklady/12910.htm>>.
12. Никонорова Е. В. Культура и устойчивое развитие: основания взаимовлияния и контуры интеграции // Обсерватория культуры. — 2016. — 13(6).
13. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. — М.: Культурная революция; Республика, 2006. — 269 с.
14. О нравственности, патриотизме, культуре и бескультурье (актуальный разговор на вечные темы). Материалы «круглого стола» в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов. Участвовали: Д. А. Гранин, А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий, С. П. Капица, В. К. Мамонтов, Г. М. Резник // Вопросы философии. — 2009. — № 11. — 23 с.
15. Сорокин П. А. Человек Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. — 543 с.
16. Федотов Г. П. Письма о русской культуре. Русский человек. // Русские записки. Общественно-политический и литературный журнал. — 1938. — 240 с.
17. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993. — 620 с.
18. Ценностно-цивилизационные причины экологического кризиса // Научно-информационный журнал. Лесной вестник. Вестник Московского государственного университета леса. — 2011–2(78).
19. [Электронный ресурс] / — Режим доступа: <www.вокабула.рф/словари/философский-энциклопедический-словарь-2003/>.
20. [Электронный ресурс] / — Режим доступа: <<http://rusrand.ru/analytics/cennosti-molodeji-cto-doljno-nastorjiti>>.

© Фроленкова Ирина Юрьевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ В СОЗДАНИИ ПРЕДПОСЫЛОК КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ

ACTIVITIES OF POLITICAL EXILES IN THE CREATION OF THE PREREQUISITES OF CULTURAL DEVELOPMENT OF THE BAIKAL REGION

H. Tibodeau

Summary. the article deals with the ascetic activity of political exiles from the Decembrists and Polish rebels in Transbaikalia, who, thanks to the perseverance of the moral spirit and a high degree of education, preserved their noble dignity in inhuman conditions of hard labour. Being the bearers of advanced socio-political views, they have become invaluable guides in the field of education and culture for 30 years of their stay in the new society.

Without any other means of livelihood, former prisoners were forced to teach after serving prison sentences and labor duties in the hardest mine works, generously sharing a solid baggage of humanitarian and technical knowledge with the local population. They also possessed the skills of choral and instrumental music-making and introduced it to the younger generation. Similar contacts of exiled poles with young people were extremely negatively perceived by the gendarmerie authorities, who were zealously pursuing them in an effort to block harmful free-thinking.

Keywords: political exile, penal servitude, hard labor Academy, the nobility, the Polish-Lithuanian Commonwealth, the culture, the tutor, the regular army, «barabanshiki music».

Цибудеева Надежда Циденовна

*К. искусствоведения, доцент, ФГБОУ ВО Восточно-Сибирский государственный институт культуры
cebude@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается подвижническая деятельность в Забайкалье политических ссыльных из декабристов и польских повстанцев, которые благодаря стойкости морального духа и высокой степени образованности сохранили своё благородное достоинство в нечеловеческих условиях каторжного труда. Будучи носителями передовых общественно-политических взглядов, они за 30 лет своего пребывания в новом социуме стали для него неоценимыми проводниками в сфере просвещения и культуры.

Не имея иных средств к существованию, бывшие заключённые вынуждены были заниматься преподаванием после отбывания тюремного заключения и трудовой повинности на тяжелейших рудниковых работах, щедро делясь солидным багажом гуманитарных и технических знаний с местным населением. Они также владели навыками хорового и инструментального музицирования и приобщали к нему подрастающее поколение. Подобные же контакты ссыльных поляков с молодёжью крайне отрицательно воспринимались жандармской властью, ретиво преследовавшей их в стремлении поставить заслон пагубному свободомыслию.

Ключевые слова: политическая ссылка, каторга, каторжная академия, шляхта, Речь Посполитая, культуртрегер, гувернёр, регулярная армия, «барабанщица музыка».

Лучшие представители дворянского класса России, восставшие против самодержавия и крепостничества в декабре 1825 г., стали первенцами русской свободы, но были подавлены в борьбе за лучшую долю для простого народа: пятеро активистов были повешены, 121 участник сослан на каторгу, остальные подверглись судебным преследованиям.

После кровавых событий в С.-Петербурге и на юге страны передовые сыны Отчизны прошли «сквозь каторжные норы» Сибири (после приговора летом 1826 г. до объявления амнистии 26 августа 1856 г. с последующим проживанием в местах изгнания) и стали невольными культуртрегерами для местных жителей. Ибо состояние культуры Забайкалья серьёзно отставало от его экономического потенциала. В 1-й половине XIX века на бескрайних просторах Восточной Сибири с населением в сотни тысяч людей учебные заведения почти от-

сутствовали, а в существовавших образовательный процесс находился на нижайшем уровне.

Попав в суровые климатические условия Петровского завода, отягощённого отсутствием привычного для них комфорта, каторжане создавали свой быт с нуля, сообразуясь с собственными потребностями и обзавелись для этого мастерской со столярным, токарным и переплётным станками. Судя по свидетельствам, на них чаще других работал Николай Бестужев, который слыл большим «искусником» и славился своими «золотыми» руками, и всё, к чему он их ни прикладывал, ему удавалось. Он изобрёл сидейку (повозку для передвижения, тарантас), выковал всем памятные кольца из кандалов, нарисовал 86 портретов декабристов [1, 676 с.], «был отличный писатель, астроном, поверял и чинил часы, устроил в нашем дворе солнечные, придумал поливальную машину» [2, С. 418–419]. Когда у А.Е. Розена расстроилось фортепиано, они с К.П. Торсоном разобрали инструмент,

заново натянули струны и исправили механику, значитса о разнообразных умениях арестантов [3, С. 129].

Михаил же Бестужев к 5-й годовщине декабрьских событий перефразировал бытовавшую в массах «Богатырскую песню» и с музыкой Ф. Ф. Вадковского посвятил её южному революционному восстанию Черниговского полка под командованием С. Муравьева-Апостола: Что ни ветер шумит во сыром бору / Муравьев идет на кровавый пир / с ним черниговцы идут, грудью встать / сложить голову за Россию-мать [4, С. 235].

Известно, что помимо гуманитарных и технических знаний многие из невольников имели наклонности к музыке и тяготели к инструментальному и хоровому исполнению. В частности, ещё в докаторжный период Михаил Лунин «не переставал играть на фортепиано и импровизировать. К стихам французского офицера Ипполита Оже он сочинил такую оригинальную и прелестную мелодию, что тот закричал от восторга, совсем позабыв о собственном авторстве. В другой раз Лунин сообщает своему другу, что его любимым композитором является Бетховен. Он признаётся, что когда слушает его произведения, не знает, где он пребывает — на небе или на земле», описывается его восприятие прекрасного [5, С. 236].

В записках А. П. Беляева сказано, что В. П. Ивашёв (1797–1840) был прекрасно образован и к тому же обладал редким музыкальным талантом, написав музыку и текст вокальной элегии «Рыбак». Овеянный славой ирландский пианист, композитор и педагог Джон Фильд гордился им, как своим учеником [6, С. 91]. Под стать ему был опальный Алексей Юшневский, «игравший на рояле с такой беглостью, что чем труднее были ноты, тем приятнее ему было. Так что он радовался тем нотам, от которых трещали его пальцы; он также играл на скрипке и вместе со Свистуновым, Вадковским и Крюковым составляли отличный квартет», значитса в записках А. Е. Розена [5, С. 236]. По выходе на поселение А. П. Юшневский слыл в Иркутске едва ли лучшим преподавателем по фортепиано [7, С. 127]. «Бывало, народ обступит частокол нашей тюрьмы и слушает со вниманием гимны и церковное пение наше» [2, С. 415].

Уникальное собрание узников сибиряки воспринимали как «академию или университет с 120-ю академиками, или профессорами, напичканными многосторонними познаниями, которыми охотно делятся от скуки» [8, С. 201]. В организованной ими т. наз. «каторжной академии» желающие могли прослушать курс лекций по интересующему предмету, могли изучать иностранные языки [9, С. 147].

«Бывали концерты или вечера музыкальные. Звучные и прекрасные стихи Одоевского <...> нередко пелись

хором и под звуки музыки собственного сочинения кого-либо из наших товарищей-музыкантов. Нередко работам сопутствовало гармоничное пение. Регентом и капельмейстером был П. Н. Свистунов. Лучшими голосами являлись басы братьев Николая и Александра Крюковых, тенор Д. А. Щепина-Ростовского, сопрано А. И. Тютчева. Церковное пение А. П. Барятинского пели они необыкновенно хорошо», читаем у Н. В. Басаргина [10, С. 34].

«Квартет: 1 скрипка — Вадковский, 2-я — Николай Крюков, альт — Алексей Петрович Юшневский, на виолончели — Петр Николаевич Свистунов должен был помещаться на чердаке, т.к. в комнатах нельзя было расставить стульев по причине нар и тесноты. Были у нас и гитары, и флейта, на которой играл К. Игельштром. Музыка вообще, особенно квартетная, где игрались пиесы лучших знаменитейших композиторов, доставляла истинное наслаждение. К Светлому воскресенью (пасхе) мы спевались под руководством нашего регента П. Н. Свистунова», писал в своих мемуарах А. Е. Розен [8, С. 236].

«По возвращении домой тотчас поставили пюпитр, и Пётр Иванович Фаленберг с Николаем Крюковым начали дуэт на скрипках», значитса в Воспоминаниях А. П. Беляева [6, С. 135]. «Между нами были отличные музыканты, как-то: Ивашёв, Юшневский, оба брата Крюковы. Они в совершенстве владели разными инструментами. Явились скоро рояли, скрипки, виолончели; составились оркестры, а один из товарищей, Свистунов, зная вокальную музыку, составил из нас превосходный хор и дирижировал им», говорится у Н. И. Лорера [2, С. 415].

«Некоторые желали играть на скрипке, флейте, но известно было резать слух товарищей; по этой причине я избрал для себя самый скромный, тихий, но и самый неблагоприятный инструмент — чекан (род флейты — Н.Ц.); с помощью печатного самоучителя разобрал я ноты и каждый вечер употреблял на то условные полчаса», значитса в воспоминаниях декабриста А. Е. Розена [8, С. 236].

Для музыкальных упражнений было отведено помещение с роялем и пианино, называвшееся «клубом». Здесь умеющие играть на инструментах занимались по расписанию, а на досуге устраивали концерты. Инструменты, а то и целые библиотеки выписывали из центра самоотверженные подруги декабристов: Е. И. Трубецкая, М. Н. Волконская, А. Г. Муравьева, Е. П. Нарышкина, А. В. Ентальцева, П. Гебель, Н. Д. Фонвизина, А. В. Розен, М. К. Юшневская, К. Ле-Дантю, писавшие до 20 писем на дню [9, С. 149]. «Пламенно любившая брата и прилично владевшая пианизмом, Екатерина Сергеевна Лунина отправляет в Сибирь фортепиано [9, С. 110, 122]. В 60-е годы XIX в. ссыльные читинцы обладали уже 8-ю фортепиано при их стоимости 150 р. серебром (из записки М. А. Бестужева от 15 ноября 1861 г. [11, С. 132].

С изрядной долей уверенности можно предположить, что этот инструментарий, осев на местах поселений декабристов, был положен в основу развития музыкальных очагов Забайкалья. Предметными свидетельствами тому являются, в частности, скрипка немецких мастеров XIX — начала XX вв. в Новоселенгинском музее, а также скрипичный корпус с профилем А. Страдивари на нижней деке в Национальном музее РБ, принадлежавший предположительно Вильгельму Кюхельбекеру. Известно, что, будучи преподавателем благородного пансиона при Главном Педагогическом институте в С.-Петербурге, он организовал литературный кружок, призывал своих питомцев изучать нравы отечественных летописей, песен и народных сказаний, а также играл на скрипке. Автор монографии об истории сибирской музыкальной культуры указывает на оставшиеся, на местах помимо роялей и клавесинов 4 уникальные скрипки умерших декабристов (3 — А. Страдивари и 1 — Дж. Гварнери [16, С. 278].

Помимо трудовых будней музыка участвовала в праздниках ссыльнопоселенцев. К примеру, на свадьбе декабриста П.И. Фаленберга на дочери Саянского казачьего урядника, сопровождающейся плясками и играми. Девицы, составлявшие круг, исполняли фразу: «Вы бояре ль молодые», переходившую в речитатив «Уж и я твой кум, уж и ты моя кума, где мы сойдёмся — там обоймёмся, где мы свидимся — поцелуемся». При этом в свадебном гулянии участвовали игра на скрипке Н.А. Крюкова и общее участие в хоре [8, С. 132].

«Управляющим Петровским заводом был горный инженер А.М. Арсеньев, весьма почитаемый служителями и кандалниками. Его окрестили «отцом природы», происходившем от строк из гимна «Ты возвратился, благодатный», петого некогда итальянской певицей Анжеликой Каталани царю Александру I-му: «Ты возвратился, наш отец природы / всех управляющих венец / и, облетев уральские заводы / в Петровск приехал, наконец, / внемли ж, веселья клики звучны, / сколько мы благополучны / узрев природы всей отца! / ура, ура, ура!», явствует из записок М.А. Бестужева [12, С. 164].

«В другой раз доморощенный хор пел гимн *en vers burlesques* (стих-бурлеск) честь именинника с прославлением административных и сердечных подвигов того же А.М. Арсеньева», говорится там же.

Желание приносить пользу людям продолжилось при выходе заключённых на свободу, принесшую оптимальное приложение их умениям и раскрепостившимся силам. «Декабристы организовали школу, в которой, по отзывам современников, детям давали образование от начального и ремесленного до высшего и классического», говорится в очерке пытливого исследователя сибирской старины Е.Д. Петряева [12, С. 14]. Из детей

горных чиновников был организован певчий хор, подростки готовили к поступлению в горный институт и другие учебные заведения [6, С. 149]. Успешно учительствовали члены семей декабристов: княжна Прасковья Михайловна Шаховская — жена А.Н. Муравьёва, сёстры Бестужевы Елена, Мария и Ольга, сестра Торсона Екатерина Петровна. Они обучали девочек музыке, рукоделию, поварскому искусству [13, С. 114–115]. Опальный А.П. Юшневский, выйдя на поселение, давал уроки фортепиано и считался в Иркутске едва ли лучшим преподавателем музыки [14, С. 132].

Между тем польские мятежники отбывали наказание в тех же местах, что и их предшественники по борьбе за народное счастье. «Привезли и двух поляков, один из которых Михаил Рукевич едва вошёл в острог, как стал у ограды и запел с сентиментальным видом и польским акцентом старый французский романс: «В стенах мрачной башни молодой король тоскует», описывает кн. М.Н. Волконская эпизод появления новых арестантов [11, С. 236].

Роль ссыльных поляков в развитии культуры забайкальского населения достойна отдельного внимания и составляет постдекабристский период, длящийся до рубежа XIX–XX столетий. Он возник как результат на ряд повстанческих выступлений 1794, 1830–31 и 1863–64 годов за восстановление Rzeczpospolita (объединённой польско-литовской державы) в прежних границах 1772 г., приведших к её присоединению к Российской империи.

Польское патриотическое движение возглавлялось представителями привилегированного сословия — шляхтичами, поддерживаемыми широкими крестьянскими слоями. Власть метрополии ответила на него подавлением всех центров этнической консолидации с массовыми репрессиями, беспощадными разгромами и огромными людскими потерями. На «правое дело — свободу самостоятельной и родственной национальности, притесняемой её родной сестрой Россией», отреагировал в своей автобиографии великий классик русской музыки Н.А. Римский-Корсаков [15, С. 132].

Одной из карательных мер по отношению к бунтовщикам стала политическая ссылка с каторгой на трудных производствах Сибири и дальнейшим принудительным поселением в небольших поселениях региона. В этих условиях скрепляющим фактором для народа-изгнанника становилась приверженность к родной культуре.

Согласно официальным данным, число сосланных в Сибирь поляков, в 1863–66 гг. составило 18623 человека, а за период 1879–85 гг. — около 100000 [16, С. 132]. Большинство из прибывших в Забайкалье окончило польские и российские университеты. Цикл же класси-

ческого университетского образования на Западе включал в себя преподавание музыки и живописи.

Будучи европейски образованными людьми, они играли в оркестрах, дирижировали, обучали молодежь музыке и танцам, принимали самое живое участие в балах и устройстве музыкальных вечеров, начавших интересовать сибирское общество [17, С. 269].

Что же касается профессионального искусства, то оно помимо Краковского университета было распространено при королевском дворе, в поместьях магнатов, в монастырях. Первая национальная консерватория в Варшаве была открыта в 1821 году и воспитала большое количество музыкантов мировой значимости, опередив на 40 лет первый российский музыкальный вуз.

После заточения сосланные в Забайкалье польские коммунопатриоты оказались невольно вовлечёнными в процесс обучения местного юношества. Среди них можно числить бывшего профессора Варшавского университета Пётр Людовикович Боровский, находившийся до 1853 г. на каторжных работах в Нерчинском заводе. Имевший серьёзную европейскую подготовку К.О. Савичевский был пианистом, который остался в Кяхте после окончания срока каторги в 1842 году и снискал себе авторитет на поприще музыкально-просветительской деятельности [18, С. 132].

Опальный Генрих Северинович Краевский занимался обучением детей купца Спешилова и в качестве гувернёра нашёл приют в его доме. Жена Краевская-Домашевская Анна также давала уроки музыки и иностранных языков девочкам из купеческих семей [18, С. 132].

В 1850-е годы солдат расквартированного казачьего полка Пшемыслав Сливовский был приглашён в семью верхнеудинского купца А. М. Курбатова для преподавания музыки четырём сыновьям и двум дочерям. Позднее он обучал уже дочерей забайкальского казачьего атамана и золотопромышленника А. И. Разгильдеева (Анну, Александру и Любу) [18, С. 146–147].

Однако из длительной деловой переписки (ноябрь 1847 — январь 1848) штатного смотрителя Троицко-Савских училищ Н. Н. Попова и пограничного служащего П. А. Петухова следует, что «проживающий в доме

купца Спешилова польский политический преступник Константин Осипович Савичевский даёт уроки музыки и французского языка детям своего хозяина, и будто бы простёр наглость свою до того, что ходит давать уроки к купцам Скорнякову и Трапезникову». Такая чрезмерная бдительность местного чиновничества свидетельствует об уязвимости и шаткости положения поднадзорных.

И всё же экономический статус городка нуждался в торжественных церемониях с участием музыкальных коллективов. Для таких целей кяхтинское купечество пригласило капельмейстера Гжегожа Козьяркевича (1804-?) к руководству войсковым казачьим оркестром из 9–10-ти инструментов: контрабас, кларнет, флейта, фагот, две скрипки, виолончель, труба, валторна. Он обслуживал потребности местных жителей и воинского соединения для армейских, светских и религиозных праздников, а также для семейных или свадебных гуляний [18, С. 143, 147].

Так, перед выступлением скрипача А. М. Редрова — капельмейстера оркестра Иркутского гарнизонного батальона оркестр под управлением Гж. Козьяркевича «играл польки и разные лёгкие вещи». В самом же концерте ему аккомпанировал К. О. Савичевский [19, С. 44–48].

Изначально появление музыкантов-инструменталистов в России обязано организации с 1683 г. регулярной армии в рамках петровских реформ и открытию учебных заведений, в программу которых входили «барабанщина музыка, игра на флейте и хоровое пение» [17, С. 118]. Так что по мере продвижения армейских соединений на Восток их сопровождали полковые оркестранты.

Таким образом, пребывание в Забайкалье более сотни лучших представителей передового русского и польского дворянства благотворно воздействовало на самые разные категории населения. Они внесли ценный вклад в кустарную промышленность, сапожное, портняжное ремесло, пивоварение, сыроделие, колбасное и другие мелкие промыслы [11, С. 132]. А молодежь и старики из нарождающейся местной интеллигенции, предпринимателей и рабочего люда старались у них учиться понимать и ценить прекрасное, тянулись на досуге к чтению и книге.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев. Москва: изобраз. Искусство, 1977. — 676 с.
2. Лорер Н. И. Записки моего времени / Мемуары декабристов. — Москва: Правда, 1988. — 576 стр.
3. Шешин А. Б. Декабрист К. П. Торсон / А. Б. Шешин. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1980. — 190 стр.
4. Соловьева Л. А. Исторические песни Сибири о событиях, связанных с восстанием декабристов / Л. А. Соловьёва // Декабристы и Сибирь. — Новосибирск: Наука, 1977. — сс. 231–237.

5. Розен А. Е. Записки декабриста / А. Е. Розен. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. — 480 стр.
6. Записки декабриста Александра Петровича Беляева // Своей судьбой гордимся мы. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. — сс. 76–139.
7. Белоголовый Н. А. Из воспоминаний сибиряка о декабристах / Н. А. Белоголовый // Дум высокое стремление. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. — сс. 127–170.
8. Дёмин Э. В. Золотая россыпь Селенгинска. Кн.2. Историко-краеведческие очерки / Э. В. Дёмин. — Улан-Удэ, 2010. — 384 стр.
9. Старцев А. Хроника трёх поколений / А. Старцев, А. Шерешев // Байкал. — 2007. — № 1. — сс. 143–173.
10. Басаргин Н. В. Записки декабриста / Н. В. Басаргин // Своей судьбой гордимся мы. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. — С. 12–75.
11. Розен А. Е. Чита, Петровский Завод // И дум высокое стремление. Москва, 1980. — С. 250.
12. Павлюченко Э. А. В добровольном изгнании. О жёнах и сёстрах декабристов / Э. А. Павлюченко. — Москва: Наука, 1980. — 159 стр.
13. Першин-Каракарский П. И. Воспоминания о декабристах / П. И. Першин-Каракарский // Дум высокое стремление. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. — сс. 213–237.
14. Петряев Е. Д. Впереди огни: очерк культурного прошлого Забайкалья / Е. Д. Петряев. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. — 340 с.
15. Тиваненко А. В. Декабристы в Забайкалье (Селенгинские страницы) Новосибирск: Наука, 1992. С. 114–115. Роменская Т. А. История музыкальной культуры Сибири от походов Ермака до крестьянской реформы 1961 года. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1992. — 415 стр.
16. Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. М.: Музыка, 1982. — С. 40.
17. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886) СПб.: Рус. — Балт. инф. центр БЛИЦ, 1999. Т. I. — С. 131; Т. II. — С. 197.
18. Гапоненко В. В., Семёнов Е. В. Польские политические ссыльные в хозяйственной и культурной жизни Забайкалья в 1-й половине XIX века. Улан-Удэ: изд-во ВСГАКИ, 2006. — С. 143–147.
19. Харкеевич И. Ю. Музыкальная культура Иркутска / И. Ю. Харкеевич. — Иркутск: изд-во Иркут. ун-та, 1987. — 280 с.
20. Роменская Т. А. История музыкальной культуры Сибири от походов Ермака до крестьянской реформы 1961 года / Т. А. Роменская. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1992. — 415

© Цибудеева Надежда Циденовна (cebude@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Восточно-Сибирский государственный институт культуры

К ВОПРОСУ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРУКТУРЫ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

Айтжанова Гульнара Турмахановна
Аспирант, Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова
Mega-73@mail.ru

TO THE QUESTION OF THE RESEARCH OF STRUCTURE OF ORIENTATION OF THE PERSONALITY

G. Aytzhanova

Summary. The person as the subject of vigorous activity represents extremely difficult dynamic system which is characterized by interrelation of various components reflecting the multidimensional nature of interaction of the person with surrounding reality. The orientation of the personality acts as an indicator of formation of the personality, a certain level of her development and a social maturity. In foreign psychology various components of determinants of behavior and acts of the person in this connection, big distribution was gained by numerous theories of motivation are considered. The orientation of the personality is a steady system of the components revealing tendencies of behavior of the personality in various situations and defining her social shape. Different authors include various making components and forms as which features of her behavior in this or that sphere of activity act in structure of orientation.

Keywords: psychological sciences; requirements, motives, interests, ideals, valuable orientations.

Аннотация. Человек как субъект активной деятельности представляет собой чрезвычайно сложную динамическую систему, которая характеризуется взаимосвязью различных компонентов, отражающих многоплановый характер взаимодействия человека с окружающей действительностью. Направленность личности выступает в качестве показателя сформированности личности, определенного уровня ее развития и социальной зрелости. В зарубежной психологии рассматриваются различные составляющие детерминант поведения и поступков человека, в связи с чем, большое распространение получили многочисленные теории мотивации. Направленность личности — это устойчивая *система* компонентов, выявляющих тенденции поведения личности в различных ситуациях и определяющих ее социальный облик. В структуру направленности разные авторы включают различные составляющие компоненты и формы, в качестве которых выступают особенности ее поведения в той или иной сфере жизнедеятельности.

Ключевые слова: психологические науки; потребности, мотивы, интересы, идеалы, ценностные ориентации.

В качестве основных факторов детерминации человеческого поведения в представленных концепциях выделяются: биологические (в классическом психоанализе); социальные (в неофрейдизме, интеракционизме); внутренние факторы развития (экзистенциальная, гуманистическая психология); когнитивные переменные (в когнитивной психологии) и др. В настоящее время рассмотренные переменные продолжают существовать и оказывают большое влияние на развитие зарубежной психологии личности.

Наиболее близкие нам подходы среди зарубежных это детерминации поведения личности и исследования «жизненной стратегии» зарубежных психологов Э. Локка, Т. Кэссера и Р. Рьян, К. Шелдона, а также понятие «интенциональных характеристик» Г. Олпорта. Также к современной трактовке направленности личности близки теории, развиваемые в русле гуманистической психологии, где ведущими понятиями выступают «самоактуализация», «личностный рост» и т.п. [1, с. 22].

Направленность личности рассматривается в качестве высшего уровня личности, ее базового, системообразующего свойства многими представителями

советской психологии, хотя сущность этого понятия каждым из них раскрывается по-своему: как «динамическая тенденция» (С.Л. Рубинштейн), «доминирующее отношение» (Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев), «интегративное образование» (А.Г. Ковалев), «смыслообразующий мотив» (А.Н. Леонтьев), «иерархическая структура мотивационной сферы» (Л.И. Божович), «динамическая организация сущностных сил человека (А.С. Прангишвили), «интегративная переменная, включающая множественность индивидуальных признаков и характеристик» (В.Д. Небылицын), «системообразующий континуум, определяющий индивидуально-психологические особенности личности» (А.И. Крупнов), «интегрирующая основа всей психической деятельности» (К.М. Гуревич) и др. [2, с. 18].

Несмотря на различные интерпретации и имеющиеся различия в отдельных аспектах рассматриваемой категории, общим для всех подходов является признание того, что направленность — это ведущее свойство личности, определяющее весь ее психический строй в целом, специфику проявлений в деятельности, поведении, отношениях с различными областями жизни. Направленность обуславливает избирательную актив-

Таблица 1. Развитие направленности личности в системе возрастных новообразований

Новообразования возраста	Особенности направленности личности	Соотношение интеллекта и аффекта	Факторы развития личности
1 Младший школьный возраст (учащиеся 2-х классов)			
Внутренний план действий Внутренняя позиция школьника	Система доминирующих мотивов: мотив позиции школьника; мотив внешнего поощрения (наказания). Единство познавательных и социальных мотивов при доминировании социальных. Мотивация достижения преобладает над мотивацией избегания неудач.	Преобладание аффекта над интеллектом	Внешние воздействия
2 Подростковый возраст (учащиеся 7-х классов)			
Чувство образа взрослости Тенденция к самостоятельности Самоутверждение в сфере общения со сверстниками. Усиление роли самосознания как внутреннего регулятора поведения и деятельности	Доминирование типа направленности на взаимоотношения. Система направленности личности определяется позитивными отношениями к семье, к друзьям и к себе. Система доминирующих мотивов: коммуникативный мотив; мотив аффилиации; мотив самоопределения. Основные потребности: в общении, самоопределении и самоутверждении, в развлечениях. Преобладание интересов, связанных с общением с друзьями, с самообразованием, самосовершенствованием.	Когнитивный компонент еще уступает аффективному	Внешние воздействия и внутренние условия
3 Ранний юношеский возраст (учащиеся 10-х классов)			
Психологическая готовность занять внутреннюю позицию взрослого человека. Личностное и профессиональное самоопределение Усложнение внутреннего мира на основе развития самосознания	Доминирование направленности на себя, усиление направленности дело. Направленность личности определяется отношением к будущему (жизненные цели), к себе, отношением к семье. Система доминирующих мотивов: самоопределения; самосовершенствования; коммуникативный; достижения успеха. Смыслжизненные ориентации Ведущие потребности: в самоутверждении и самореализации, познавательные потребности и потребность в семье. В системе интересов на первом месте находятся профессиональные интересы, на втором месте — интересы, связанные с самообразованием, и на третьем месте — общение с друзьями.	Усиление когнитивного компонента	Становление внутриличностного уровня восприятия, переработки и присвоения внешних воздействий и превращение их в личностные качества. Возникновение самодетерминации

ность личности и организацию ее деятельности для достижения жизненно важных целей, а также определяет социальное лицо личности и ее психологический склад: именно через это свойство проявляются цели, во имя которых действует личность, ее мотивы, ее субъективные отношения к различным сторонам деятельности — вся система ее характеристик как приобретенная активная смысложизненная ориентация.

Наиболее нам близка теория отношений личности, в русле которой разрабатывали свои концепции В. Н. Мясищев, В. С. Мерлин, А. Г. Ковалев и др. Существует «пространство отношений», присущее и характерное для каждой личности. Оно специфично и динамично и отражается в «субъективном мире» личности и в ее психологических свойствах как единое целое [3, с. 45].

В результате анализа состояния проблемы, нами была разработана сущностная характеристика понятия направленности личности. *Направленность — системообразующее свойство личности, определяющее ее единство и через которое проявляются субъективные отношения к себе, окружающим людям, к различным сторонам жизнедеятельности. Содержанием направленности личности являются доминирующие и устойчивые отношения личности, проявляющиеся в системе ее ведущих потребностей, мотивов, интересов, идеалов, ценностных ориентаций.*

По направленности можно обоснованно судить о внутреннем процессе, благодаря которому индивид становится личностью. Направленность выполняет интегративную, системообразующую, избирательную функции, а также функции целеобразования, самовоспитания и прогнозирования. Основными свойствами направленности являются ее уровень, цельность, широта, интенсивность, устойчивость, действенность.

Нами было проведено исследование развития направленности личности в системе психических новообразований на каждом из возрастных этапов школьников по методикам на исследование направленности личности:

Для исследования младших школьников комплекс экспериментальных методик включал:

1. Методика «Картинки предметные» (КП) направленная на выявление ценностно-смысловых образований, через которые реализуется направленность личности (М. Е. Каневская, 1985);
2. Методика диагностики структуры учебной мотивации школьника (Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов, 2002);

3. Методика на определение типологии мотивов учения «Лесенка побуждений» (А. И. Божович, И. К. Маркова);
4. Зрительно-графический тест изучения мотивации достижения успехов;
5. Детский вариант личностного теста Р. Кеттела;

Для исследования учащихся подросткового и раннего юношеского возраста был использован комплекс экспериментальных методик:

1. Методика Басса на исследование типов направленности личности;
2. Методика М. В. Матюхиной, в модификации Н. Ц. Бадмаевой на исследование мотивационной сферы;
3. Методика исследования мотивации достижения;
4. Методика Т. Ю. Андрущенко на исследование потребностной сферы;
5. Методика Т. Ю. Андрущенко на исследование сферы интересов.

В таблице 1 приведены обобщенные результаты развития направленности личности в системе психических новообразований на каждом из возрастных этапов. Показано, как с изменением социальной ситуации развития и возникновением возрастных новообразований происходит развитие направленности личности.

Таким образом, на основе экспериментального исследования нами были выявлены возрастные особенности развития направленности личности от младшего школьного возраста до младшего юношеского (старшие школьники) возраста. Определены новообразования в системе направленности личности в каждом из 3-х возрастных периодов. Установлены уровни развития направленности личности и факторы ее развития.

1. Ведущим фактором развития направленности личности младших школьников является социальная ситуация развития, занимаемая ими позиция школьника, что выражается в следующих выявленных показателях в доминировании школьной (правилосообразной) и познавательной направленности, а также мотивов позиции школьника, внешнего поощрения (наказания) и познавательных мотивов. Также социальная ситуация определяет доминирование социальных мотивов над учебными в структуре учебной мотивации.

2. Для младших школьников характерно единство типа направленности личности и доминирующих мотивов учебной деятельности:

- ◆ среди современных младших школьников преобладают дети с мотивацией достижения над учащимися с мотивацией избегания неудач.

3. Выявлено единство развития направленности и самосознания личности: несмотря на относительную цельность составляющих направленности личности в младшем школьном возрасте, проявляющейся в единстве типа направленности личности и доминирующих мотивов учебной деятельности, направленность личности еще не способна в полной мере выполнять роль внутреннего регулятора деятельности. В соотношении «интеллект-аффект» также еще превалирует аффект. Основным механизмом формирования направленности личности в младшем школьном возрасте является внешние социальные воздействия (социально одобряемые виды деятельности, оценки качеств личности, внешности, успеваемости со стороны значимых взрослых и сверстников). Внутренние механизмы развития направленности личности еще недостаточно сформированы (саморегуляция, саморазвитие, целеполагание и др.)

4. Развитие направленности личности в подростковом и раннем юношеском возрасте определяется, во-первых, социальной ситуацией развития, ведущим видом деятельности и во-вторых, психологическими новообразованиями возраста, связанными с развитием самосознания, определяющими особенности развития направленности личности.

5. В раннем юношеском возрасте (старшеклассники) в связи с изменениями социальной ситуации развития также происходят позиционные изменения в структуре самооценки. Наиболее адекватные оценки у них отмечаются по параметру «успеваемость», «умственные способности» и «авторитет среди сверстников». Завышение самооценки отмечается по параметру «внешность». Больше всего заниженных оценок по параметру «характер». Учащиеся раннего юношеского возраста довольно критичны к себе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мерлин В. С. Человек как предмет психологического исследования. Пермь, 1980. — 80с.
2. Каневская М. Е. Основные типы и психологические особенности направленности личности (у детей младшего школьного возраста): Дис. ... к. психол.н. — М., 1985. — 135с.
3. Щербинина О. А. Психологические особенности внутренней позиции младших школьников с различной направленностью личности. Автореф. дис. ... к. психол.н. М., 2006. — 23с.

© Айтжанова Гульнара Турмахановна (Mega-73@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

УРОВНИ ЭТИЧЕСКОЙ ЗОРКОСТИ ПСИХОЛОГА-КОНСУЛЬТАНТА И ИХ ДЕТЕРМИНАЦИЯ

LEVELS OF ETHICAL VIGILANCE OF A COUNSELING PSYCHOLOGIST AND THEIR DETERMINATION

A. Armashova

Summary. The article describes the main research findings on ethical vigilance defined as the ability to discern an ethical dilemma in a situation of professional performance. Characteristics of three levels of ethical vigilance, namely, rational-pragmatic, situational-emotional, and personally responsible, is given. Analysis of structural organization of personality characteristics influencing ethical vigilance at each level is presented.

Keywords: counseling psychologist, professional behavior, ethical dilemma, ethical vigilance, moral regulation of behavior.

Армашова Анастасия Борисовна

Аспирант, ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»
a.armashova@gmail.com

Аннотация. В статье описываются основные результаты исследования этической зоркости как способности к распознаванию этической дилеммы в ситуации профессиональной деятельности. Дана характеристика трех уровней этической зоркости (рационально-прагматичного, ситуативно-эмоционального, лично-ответственного). Представлен анализ структурной организации личностных характеристик, влияющих на данный процесс, на каждом уровне этической зоркости.

Ключевые слова: психолог-консультант, профессиональное поведение, этическая дилемма, этическая зоркость, нравственная регуляция поведения.

Постановка проблемы

Практически все методологи консультационной психологии констатируют и описывают важность и первостепенную значимость этики в личностном и профессиональном росте психолога-консультанта, предпосылками которого служат именно содержательные характеристики, объем, степени свободы и способы понимания этического поля профессиональной деятельности. Исследование детерминант восприятия этических дилемм, как ситуаций обладающих наибольшей степенью неопределенности и этической сложности принятия решения, представляется нам актуальным и позволит выйти на выявление механизмов нравственной регуляции поведения специалиста, влияющих на его способность к распознаванию этического поля ситуации и на его моральную надежность.

Основываясь на результатах экспертного опроса, в котором приняли участие 20 психологов-консультантов (члены НП «Региональная ассоциация психологов-консультантов», из них 5 человек имеющих ученую степень доктора и кандидата психологических наук, имеющих опыт преподавательской работы), и теоретического анализа представлений и исследований морального и личностного выбора (В.И. Бакштановский, В.В. Знаков, Р.Мэй, Т.В. Корнилова, Д.А. Леонтьев, А.И. Титаренко и Ю.В. Согомонова, Р. Франкл, Ю.А. Шрейдер, И. Ялом и др.), мы определили следующие основные понятия нашего исследования.

Этическая дилемма психолога-консультанта — отношение специалиста к ситуации профессиональной деятельности как к личному моральному выбору, предполагающему негативные последствия. Признаками ситуации этической дилеммы являются: безусловная альтернативность обстоятельств, уникальность данной ситуации для специалиста, необходимость немедленного принятия решения.

Принятие решения психологом-консультантом в ситуации этической дилеммы зависит от этической зоркости, которую мы определяем, как способность распознавать этически сложные ситуации и этические дилеммы в профессиональной деятельности, осознавать личностную значимость и ответственность за профессиональный выбор и последствия своих решений для всех вовлеченных сторон.

Согласно сложившемуся на основе теоретического анализа представлению о феноменологии переживания ситуации этической дилеммы, атрибутивную роль в котором играет непосредственная его связь с поступком решающим критерием для определения предполагаемого комплекса личностных характеристик, влияющих на этическую зоркость психолога-консультанта как способность, стало обеспечение зрелости личности, её самодетерминации, субъектной, авторской жизненной позиции.

Таким образом, мы выделили следующие детерминанты: характеристики самоактуализирующейся лично-

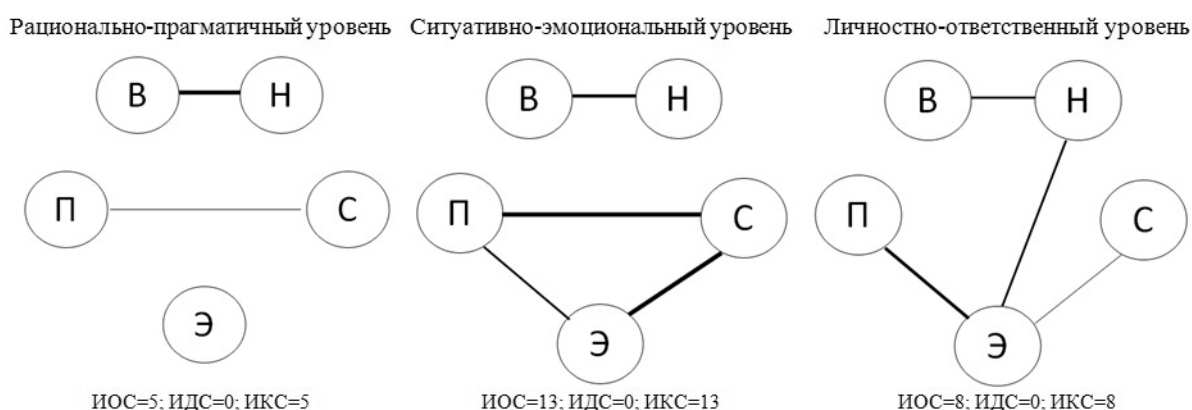

Рис. 1. Структурограммы личностных характеристик психологов-консультантов при различных уровнях этической зоркости

Обозначения: В — компетентность во времени, Н — независимость ценностей и поведения, Э — эмоциональный отклик, С — самоуважение, П — постконвенциональный уровень моральных суждений. Корреляции (критерий r_s Спирмена обозначены по мере убывания жирности линий: 1) значимые при $p \leq 0,001$; 2) значимые при $p \leq 0,01$; 3) значимые при $p \leq 0,05$; 4) значимые при $p \leq 0,1$.

сти (независимость ценностей и поведения извне компетентность во времени); характеристики морального самосознания (постконвенциональный уровень моральных суждений, самоуважение); эмпатия как общая способность к эмоциональному отклику на переживание другого.

Цели исследования

В рамках нашей исследовательской программы изучалось психологическое содержание этической зоркости специалистов в ситуации этической дилеммы, описаны общие особенности проявления этической зоркости в ситуации этической дилеммы, выделены три уровня развития этической зоркости, выявлены особенности структурной организации субъектных детерминант этической зоркости на разных уровнях её развития. В исследовании приняли участие 50 человек (из них 7 мужчин, 43 женщины) в возрасте от 23 до 66 лет, имеющих высшее психологическое образование со стажем работы по специальности от 0 до 26 лет.

Методы исследования

Для реализации поставленных задач был использован комплекс следующих методов научного исследования: для уточнения и верификации признаков этической дилеммы и характеристик проявления этической зоркости использовался экспертный опрос, для оценки этической зоркости и характеристики её уровней использовался метод постановки моральных дилемм, авторский опросник, направленный на выявление личных

этических представлений (подробное описание содержания методов и обоснование описаны в статье [1]), для диагностики субъектных детерминант использовались самоактуализационный тест (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, М.В. Загика и М.В. Кроз), методика «Шкала эмоционального отклика» (А. Меграбян, Н. Эпштейн), методика «Справедливость — забота» (С.В. Молчанов), методика определения индивидуальной меры рефлексивности (А.В. Карпов, В.В. Пономарева). Математико-статистические методы анализа и обработки эмпирических данных: статистическая обработка (U-критерий Манна — Уитни и критерий Краскела — Уоллиса, корреляционный анализ по методу Спирмена), методы структурно-психологического анализа (метод нахождения матриц интеркорреляций, методика построения структурограмм (коррелограмм), методика определения индексов структурной организации личностных качеств, метод экспресс- χ^2 для сравнения матриц и структурограмм на их гомогенность-гетерогенность и др.). Использованная процедура обработки и анализа структур разработана А.В. Карповым и была неоднократно эмпирически апробирована [2]. Обработка полученных результатов осуществлялась с помощью пакета статистических программ «Statistica 10.0».

Результаты исследования

На основе результатов оценки этической зоркости участников исследования было выделено 3 группы участников исследования, с разным уровнем сформированности этической зоркости: рационально-прагматичный эмоционально-ситуативный и личностно-от-

ветственный. Подробные результаты содержательного анализа уровней описаны в статье [1].

Для подтверждения качественного различия данных уровней на уровне субъектных детерминант использовался структурно-психологический анализ, поскольку различия в этической зоркости как способности должны быть обусловлены не столько уровнем выраженности отдельных личностных характеристик, сколько особенностями их структурной организации, их симптомокомплексом.

Структурный анализ результатов показал, что различия в структурной организации личностных характеристик уровней этической зоркости не только существенны, но и множественны. Различия между структурами личностных характеристик уровней этической зоркости прослеживаются и в плане целостности интегрированных структур, и в плане индексов структурированности, и в гетерогенности структур, качественном своеобразии их организованности.

Результаты сравнения полученных коррелограмм (Рисунок 1) по их гомогенности — гетерогенности методом экспресс-метод χ^2 показала статистически достоверную разнородность структур личностных характеристик психологов-консультантов, относящихся к выделенным подгруппам (отрицательные корреляционные коэффициенты на уровнях $r=0,14$; $r=0,64$).

Используя результаты качественного анализа первого этапа исследования, относительно профессионального поведения специалистов в ситуациях этических дилемм на разных уровнях этической зоркости, дадим общую характеристику выделенных уровней и особенностей структурной организации выделенных субъектных детерминант, качественную различность которых доказал проведенный структурно-психологический анализ.

Рационально-прагматичный уровень этической зоркости характеризуется однозначным восприятием ситуации участниками исследования, исключая существование в ней этической дилеммы. Как правило, происходила оценка обстоятельств через призму норм определенной этической системы (профессиональной или общественной) либо с позиций потребностей личности. Характерна отчужденность отношения к ситуации: восприятие её как некоторой профессиональной задачи, интересной для решения, либо как ситуации, обстоятельства которой требуют определенного нормативно-заданного поведения и не предполагают возможность произвольности выбора в принципе. Таким образом, отличительной чертой данного уровня является уход от личной ответственности за принятое решение.

В эмоциональных реакциях доминирует чувство страха перед обстоятельствами ситуации, опасности, беспомощности, тревоги, так же характерен профессиональный интерес к ситуации, неконгруэнтность мыслей по поводу своей позиции и возможных действий и переживаемых эмоций. Профессиональные этические представления данного уровня характеризуются формальностью и конвенциональностью, наличием отчужденности сферы этического от непосредственно профессиональной деятельности.

Структурограмма личностных характеристик данной подгруппы демонстрирует принцип их функционирования. Характеристики «компетентность во времени» и «независимость ценностей и поведения», которые должны способствовать восприятию актуальной ситуации как значимой и требующей рефлексии и принятия ответственности в решении, не имеют никаких связей с остальными компонентами структуры, отвечающими непосредственно за уровень развития моральных суждений субъекта выбора. Таким образом, восприятие настоящего момента как значимого и опора на собственное мнение в принятии решения не приводит к этической зоркости, при отсутствии взаимосвязи с личностным уровнем развития морального сознания, который обеспечивает содержательную основу выбора, его ценностно-смысловую пласт. Мы предполагаем, что данные связи иллюстрируют реакции, в которых ситуация воспринимается лишь через призму страха перед обстоятельствами или как профессиональный случай, без учета остальных ценностных пластов, касающихся ответственности специалиста перед другими затронутыми ситуацией сторонами. Так же, как и развитость морального самосознания в плане интериоризированных высших этических ценностей не обеспечивает полностью способности распознать этическую дилемму в актуальной ситуации, воспринять её как значимую. Иллюстрацией этого явилось социально-ориентированное поведение, когда участники видели лишь одну действующую этическую систему в ситуации и не расценивали своей ответственности за негативные последствия принятого в согласии с данной системой решения (обязанность соблюсти гражданскую ответственность, не рассматривая ценность доверия клиента, или наоборот).

Таким образом, низкая степень общей организованности компонентов структуры (ИОС=5; ИДС=0, ИКС=5) и однозначность их связей на данном уровне, не позволяет ей быть успешной в ситуациях этических дилемм, предполагающих принятие неоднозначности и неопределенности условий и принимаемых в них решений.

Ситуативно-эмоциональный уровень этической зоркости характеризуется нестабильностью способности к распознаванию этической дилеммы у участников

исследования, значимостью контекста ситуации для её проявления. Процесс принятия решения сопровождается моральным конфликтом, осознаются затронутые личностные ценности, что свидетельствует о переживании личностного выбора. Характерно осознанное переживание эмоций, вызванных этической дилеммой, согласующихся с размышлениями о своей позиции. Профессиональные этические представления наполнены личностным содержанием и значимостью. Для них характерно обозначение непосредственной связи этичности поведения и эффективности профессиональной деятельности.

Появление способности этической зоркости на данном уровне сопровождается повышением общей организованности структуры (ИОС=13, ИДС=0, ИКС=13), все элементы структуры имеют на данном уровне корреляции. Анализируя корреллограмму и сравнивая её с предыдущим уровнем, мы видим, что структура приобрела мощность за счет включения в неё компонента «эмоциональный отклик». Таким образом, можно предположить, что способность к эмоциональному отклику на переживания другого, образовав связь с компонентами морального самосознания, изменила принцип их функционирования, сделав его более гибким и ориентированным на внешнюю ситуацию, а именно переживания включенных в неё людей, что способствовало появлению этической зоркости. Для восприятия ситуации на данном уровне характерно появление гуманистических стремлений, эмоциональные переживания за исход ситуации для участников. Таким образом, можно заключить, что на структурном уровне этому способствует характеристика эмоционального отклика, не позволяя воспринимать ситуацию дилеммы лишь с точки зрения ранее принятых систем оценок, поскольку они приведут к негативным последствиям, субъект распознает в ситуации дилемму. Однако способность на данном уровне нестабильна, что говорит о том, что она подвержена влиянию фактора контекста ситуации, и данная структурная организация характеристик не оптимальна для обеспечения её функционирования.

Личностно-ответственный уровень этической зоркости характеризуется способностью к распознаванию этического поля ситуации участниками исследования вне зависимости от её контекста. Отличительным признаком данного уровня является осознание неизбежности ущерба при принятии решения в данной ситуации и личной ответственности за данное решение. Сама дилемма формулировалась у большинства участников данной группы в виде дилеммы последствий поступков, а не как столкновение ценностей. Характерно переживание процесса принятия решения как личностного выбора, отношение к ситуации как к значимой для развития личности («как мне жить с этим решением»). Принятие решения сопровождается процессом самоопределения,

переоценки ценностей относительно обстоятельств данной конкретной ситуации. Этические представления данного уровня характеризуются индивидуальностью, самостоятельностью и учетом фактора личной ответственности специалиста. Основной специфической особенностью структурной организации характеристик на данном уровне является появление связи всех компонентов структуры через компонент эмоционального отклика. Наличие взаимосвязи с компонентами «компетентность во времени» и «независимость ценностей и поведения» обогащает функционирование структуры, делая её наиболее эффективной для распознавания этических дилемм. Сравнивая данную структуру со структурой ситуативно-эмоционального уровня, мы можем сделать вывод, что появление этой взаимосвязи делает способность этической зоркости независимой от контекста ситуации. Отвечая за восприятие актуальной ситуации как значимой и за возможность её независимого ценностного анализа, данные компоненты, находясь во взаимосвязи с компонентом эмоционального отклика и компонентами морального самосознания, позволяют личности производить свободную рефлексию этических систем в данной ситуации, вне зависимости от их уровня и контекста событий. На данном уровне нравственные принципы личности не сужают её восприятие ситуации, сводя выбор до постпроизвольного поведения, а за счет функционирования в структурной организации с остальными характеристиками исполняют роль ориентира действий при осознании и принятии неизбежности негативных последствий выбора и ответственности за них.

Выводы

В результате проведенного исследования было выявлено, что уровни этической зоркости психологов-консультантов отличаются друг от друга по таким проявлениям как восприятие ситуации как личностно значимой и его осознанное эмоциональное переживание, осознание личной ответственности за своё профессиональное поведение, значимости принятого решения и его последствий для вовлеченных в ситуацию людей. Доказано, что выделенные уровни этической зоркости в ситуациях этических дилемм имеют качественно различную структурную организацию субъектных детерминант обеспечивающих проявление данной способности.

Таким образом, показано, что такие личностные характеристики как независимость ценностей и поведения из вне, компетентность во времени, постконвенциональный уровень моральных суждений, самоуважение как уровень развития морального сознания и эмпатия обуславливают способность этической зоркости по средствам специфики совместной структурной организации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Армашова, А. Б. Исследование этической зоркости психологов-консультантов в ситуациях этических дилемм // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. — 2017. — № 4 (42), (Гуманитарные науки). — С. 100–104
2. Карпов, А. В. Методологические основы психологии принятия решения. Монография. — М.: Институт психологии РАН, 1999, 230 с.

© Армашова Анастасия Борисовна (a.armashova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ КОМПАНИИ

STUDY OF PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF INDIVIDUAL STYLE OF THE ACTIVITIES OF STAFF OF TELECOMMUNICATION COMPANY

*E. Bartkevich
Ju. Badalyan
S. Zenina*

Abstract. The article actualizes the problems of the formation of an individual style of activity and its implementation in a social and professional environment. This problem is revealed by the author from the standpoint of improving the quality of functioning of organizations or enterprises on the basis of researching various aspects of the activities of employees. The article defines the concept of «style» and is justified by the author from the standpoint of formal features inherent in the manifestation of this phenomenon, which are presented in a specific classification reflecting aspects of the totality of ways and means of carrying out activities, a system of specific personal qualities and properties, as well as mechanisms for adapting to objective requirements of the performed activity. The article presents the results of experimental activities, showing the study of the features of the manifestation of the styles of professional-activity communication of employees in the conditions of the organization.

Keywords: individual style of activity, employees of the organization, professional activity, psychological determinants of individual style of activity.

Барткевич Екатерина Владимировна
Амурский государственный университет
katerinasedova@rambler.ru

Бадалян Юлия Валерьевна
К.псих.н., доцент, Амурский государственный
университет
sfinkc1978@rambler.ru

Зенина Светлана Рашидовна
К.псих.н., доцент, Амурский государственный
университет
s_zenina@mail.ru

Аннотация. В статье актуализируются проблемы формирования индивидуального стиля деятельности и его реализации в условиях социальной и профессиональной среды. Данная проблема раскрывается автором с позиций повышения качества функционирования организаций или предприятий на основе исследования различных аспектов деятельности сотрудников. В статье определено понятие «стиля» и обосновано автором с позиций присущих проявлению данного феномена формальных признаков, которые представлены в специфической классификации, отражающей аспекты совокупности способов и приемов осуществления деятельности, системы специфических личностных качеств и свойств, а также механизмов приспособления к объективным требованиям осуществляемой деятельности. В статье представлены результаты экспериментальной деятельности, показывающие исследование особенностей проявления стилей профессионально-деятельностного общения сотрудников в условиях организации.

Ключевые слова: индивидуальный стиль деятельности, сотрудники организации, профессиональная деятельность, психологические детерминанты индивидуального стиля деятельности.

Ракурс современной прикладной психологии на сегодняшний день прослеживается практически во всех сферах социальной жизни. Увеличивающаяся напряженность условий осуществления профессиональной деятельности, повышение интеллектуальной составляющей труда, а также возрастающие требования к повышению эффективности функционирования структуры организации, оптимальный профессиональный отбор и распределение профессиональных ролей предопределяют интеграцию в производственный процесс научно-психологического знания, опосредующего оптимальные управленческие решения, прогрессивно влияющие на деятельность организации в целом [1; 4].

Данная тенденция предвосхищает актуализацию психологического подхода в разработке эффективных мер повышения качества функционала предприятия или

организации, что подразумевает исследование различных аспектов деятельности сотрудников организации, анализа их индивидуального стиля профессиональной деятельности разработку и реализацию соответствующих психологических программ, регулирующих грамотность профессионального отбора на основе:

- ◆ специфики деятельности;
- ◆ индивидуального стиля деятельности;
- ◆ личностных характеристик;
- ◆ сформированности профессионально важных личностных качеств и пр.[2; 3; 4].

Помимо этого, эскалационную значимость в психологической науке приобретает выявление, изучение и учет психологических факторов, детерминирующих продуктивность и результативность профессиональной деятельности, а также особенностей самоактуализации

и самореализации личности в условиях изменяющейся внутренней и внешней среды.

Обращаясь к этимологии понятия «стиль», отмечаем, что данная категория отображает в сознании индивидуальность и своеобразие процесса, а также результатов деятельности конкретного человека, что является отличительной особенностью и выделяет данного индивида среди других людей. Данная категория имеет статус междисциплинарной, что позволяет ей быть специфической дефиницией, определяющей как индивидуальные явления, так и явления социально-типичного характера.

Изучению данного явления посвящали свои труды Е. С. Алешина, Б. Я. Вяткин, О. С. Дейнека, И. А. Зимняя и др. Подробный анализ функциональных возможностей изучаемого явления присутствует в работах В. С. Мерлина, Д. В. Сочивко, М. А. Холодной, В. Э. Чудновского и др.

Исследование индивидуальных характеристик проявления этого феномена достаточно полно представлено в работах многих психологов, уделявших свое внимание типологии психологических черт личности. Так, наиболее полная и обоснованная концепция индивидуальных личностных характеристик представлена в рамках диспозиционного направления работ таких исследователей как Г. Айзенк, Р. Кеттел и др. С совершенно новой стороны рассмотрен этот вопрос К. Леонгардом, привнесшим в психологическую науку понятие акцентуаций личности.

Известно, что процесс формирования индивидуального стиля деятельности коррелирует с темпераментом личности, что объясняет индивидуальность и универсальность пути приспособления и адаптации темперамента к специфическим требованиям конкретной деятельности. Это достаточно полно характеризует тот факт, когда именно особенности темперамента помогают различным людям эффективно выполнять одну и ту же работу [3; 5; 6].

Индивидуальный стиль деятельности (далее ИСД) может быть позиционирован как индивидуально-специфическая система психологических средств, с помощью которых личность сознательно или стихийно способна наилучшим образом уравновесить свою типологически обусловленную индивидуальность с внешними условиями осуществляемой деятельности.

ИСД является стихийно проявляемым свойством личности, а, напротив, формируется, исходя из конкретных условий среды воспитания и образования, а также аспектов социализации личности. Самые первые проявления характеристик ИСД можно отметить уже в до-

школьном возрасте, когда ребенок начинает находить и осуществлять решение достаточно простых игровых задач.

Среди всей совокупности общепризнанных формальных признаков ИСД можно выделить следующую их классификацию:

- ◆ устойчивая система способов и приемов осуществления деятельности;
- ◆ система, обусловленная специфическими личностными качествами и свойствами;
- ◆ система, выступающая в качестве средства эффективного приспособления и адаптации к объемным требованиям осуществляемой деятельности.

Таким образом, понятие «стиля» деятельности призвано отразить индивидуальную специфику процесса осуществления конкретной деятельности и своеобразие ее результатов, что будет делать данного человека отличным от других людей в данных конкретных условиях. Так, на основе этого различают индивидуальный стиль писателя или художника, способ работы профессионала и пр.

Междисциплинарность рассматриваемой категории раскрывает также и своеобразие социально-типичных явлений, к которым относят, к примеру, архитектурный стиль, национальный стиль одежды и пр.

Проблема стиля в отечественной психологии была рассмотрена в работах В. С. Мерлина, Е. А. Климова и др. [3; 4; 5].

Так, с точки зрения В. С. Мерлина, ИСД, характеризующий особенности учебной, трудовой, спортивной и других видов деятельности, был опосредован функцией так называемого системообразующего звена, формирующего интегральную личностную индивидуальность. Следуя концепции Б. Г. Ананьева, раскрывающей вопросы целостности в рамках изучения индивидуальности человека, В. С. Мерлин синтезировал многочисленные частные данные, характеризующие индивидуально-психологические различия и на данной основе выделил следующие уровни индивидуально-личностных свойств:

- ◆ уровень организма, характеризующийся биохимическими свойствами проявления индивидуальных свойств личности, уникальность которых основывается на специфике обменных процессов, структуре белковых соединений, гормональной формулой и пр.; к данному уровню относятся и свойства общесоматического характера (вес, рост, давление и др.), а также нейродинамические свойства, определяющие скорость воз-

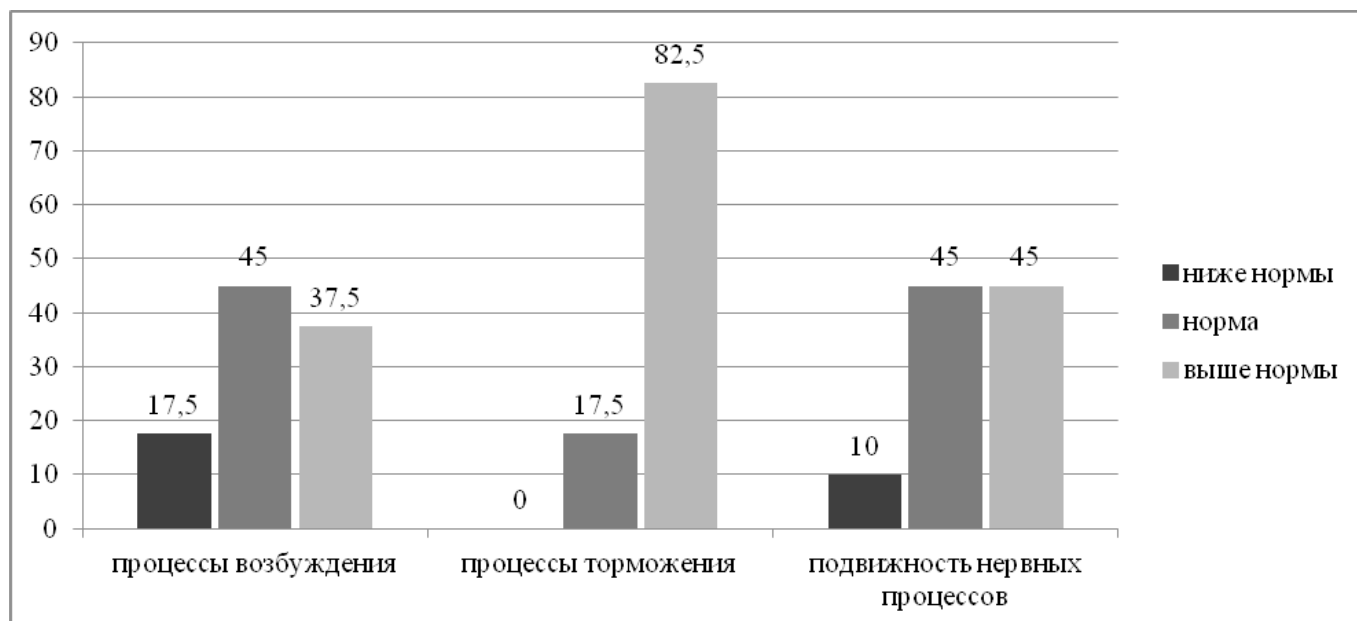

Рис. 1. Процессы возбуждения, торможения и подвижности нервных процессов испытуемых

никновения, развития и протекания нервных процессов, их силу и лабильность; помимо этого, к данному уровню относят и характеристики функциональной асимметрии мозга, опосредующую работу анализаторов;

- ◆ уровень индивидуально-личностных свойств, который характеризует психические свойства личности и свойства темперамента как вторичного индивидуального свойства, в основе которых лежит устойчивая динамика особенностей поведения человека; в системе признаков данного уровня рассматривается и характер, определяемый спецификой индивидуального сочетания устойчивых психических особенностей личности, задающих типичный для конкретного человека способ поведения и эмоционального реагирования, который, в отличие от темперамента, может быть изменен в процессе воспитания и самовоспитания;
- ◆ уровень субъекта социальных отношений, когда личность с ее специфическими особенностями интегрируется в систему социальных отношений и проявляется себя в контексте устойчивых связей и форм, характеризующих ее индивидуальность [4; 5; 7].

Обращаясь к темпераменту и его роли в проявлении ИСД, необходимо отметить, что темперамент сам по себе не определяет уровня общих или специальных способностей. Люди, характеризующиеся различным темпераментом, могут выполнять одну и ту же работу с одинаковой эффективностью, а также быть неодинаково одаренными в одной и той же области.

Какие-либо из свойств темперамента в одних и тех же условиях профессиональной деятельности могут как способствовать достижению успеха, так и мешать ему проявиться. В том случае, если требования профессиональной деятельности противоречат какому-либо из свойств темперамента, то человек руководствуется выбором тех или иных способов, приемов и средств ее выполнения, нивелирующих влияние отрицательных проявлений свойств темперамента. Совокупность таких приемов, выработанных человеком в процессе деятельности, характеризует его индивидуальный стиль.

Приобретение определенного индивидуального стиля не изменяет самого темперамента, так как индивидуальный является совокупностью вариантов деятельности, наиболее удобных для человека при имеющемся у него темпераменте.

Формальными признаками индивидуального стиля деятельности являются устойчивая система приемов и способов деятельности. Индивидуальный стиль также обусловлен определенными личными качествами и выступает средством эффективного приспособления к объективным требованиям выполняемой деятельности.

Индивидуальный стиль деятельности является проявлением особенностей нервной системы, компенсированным под воздействием внешних факторов.

Эти теоретические предпосылки позволили организовать и провести исследование с целью выявить инди-

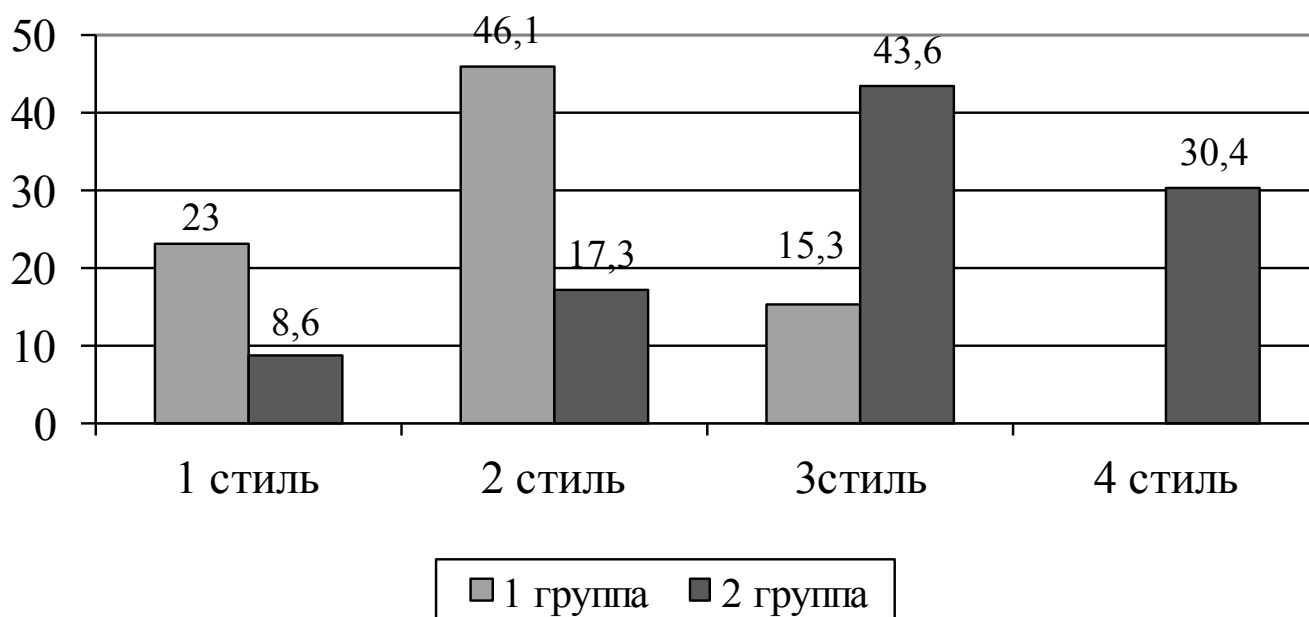

Рис. 2. Стили профессионально-деятельностного общения сотрудников

видуальные стилевые особенности сотрудников с разными особенностями нервной системы [7; 8].

В исследовании приняли участие 40 сотрудников ПАО Мегафон г. Благовещенска.

Исследование проводилось с помощью следующих методик:

- 1) методика диагностики темперамента Яна Стреляу;
- 2) методика «Ориентационные стили профессионально-деятельностного общения»;
- 3) методика «определение когнитивно-деятельностного стиля» (Л. Ребекка).

На рисунке 1 представлены данные о свойствах нервной системы испытуемых.

Из рисунка 1 видно, что 37,5% испытуемых имеют высокие значения по шкале «возбуждение». Они быстро включаются в работу, достигают высокой производительности, высокой работоспособности, выносливы, имеют низкую утомляемость.

Для 17,5% сотрудников характерна слабая и запоздалая реакция на возбуждение. Они быстро достигают запредельного торможения, вплоть до ступора, отказа в работе. Для них характерны медленная включаемость в работу, вработываемость и невысокая производительность.

По шкале «торможение» 82,5% имеют значения выше нормы. Это значит, что эти сотрудники имеют высокий самоконтроль, собранность, хладнокровие в поведенческих реакциях. Способны быстро погасить возникающее возбуждение и выполнять деятельность.

По шкале «подвижность» 45% имеют высокие значения. Это говорит о легкости переключения нервных процессов от возбуждения к торможению и наоборот; быстрый переход от одних видов деятельности к другим; быстрая переключаемость, решительность.

Для 10% сотрудников характерна иная тенденция. Они склонны работать по стереотипу, не любят быстрых и неожиданных изменений в деятельности, инертны, проявляют, как правило, низкую способность переключаться на новые виды деятельности. Таким сотрудникам сложно работать в быстро меняющихся условиях. Они любят стабильность.

Кроме выделенных шкал, методика предполагает вычисление уравновешенности нервных процессов по силе.

Из рисунка видно, что у 57,5% испытуемых преобладает неуравновешенность в сторону торможения. Это говорит о том, что процессы торможения не уравновешивают собою процессы возбуждения. При существенном сдвиге баланса нервных процессов в сторону торможе-

ния вероятны уравновешенное поведение, устойчивое настроение, слабые эмоциональные переживания, хорошее терпение, сдержанность, хладнокровие, невозмутимое отношение к опасности, реальная оценка своих способностей, хорошая помехоустойчивость.

Неуравновешенность в сторону возбуждения наблюдается у 32,5% испытуемых. Процессы возбуждения не уравновешивают собою процессы торможения. Вероятны неуравновешенное поведение, сильные кратковременные эмоциональные переживания, неустойчивое настроение, слабое терпение, агрессивное поведение, переоценка своих способностей, хорошая адаптация к новому, рискованность, стремление к цели сильное с полной отдачей, плохая помехоустойчивость.

Для 10% свойственна уравновешенность. Это означает, что у данных испытуемых существует баланс между процессами торможения и процессами возбуждения. Они обладают уравновешенным поведением, устойчивым настроением и хорошей адаптацией.

По результатам диагностики свойств нервной системы все сотрудники разделены были на две группы:

- ◆ первую группу составили сотрудники с преобладанием такого свойства нервной системы как торможение;
- ◆ вторую группу составили сотрудники с преобладанием такого свойства нервной системы как возбуждение.

Дальнейшие результаты обрабатывались для каждой группы отдельно.

На рисунке 2 представлены результаты диагностики стилей профессионально-деятельностного общения сотрудников.

Данные рисунка 2 показывают наличие различной стилиевой направленности в профессиональном общении у сотрудников разных групп. Так, сотрудники с преобладающими процессами торможения, в профессионально-деятельностном общении ориентированы на процесс (46,1%) и действие (23%). Для них более важным является обсуждение фактов, процедурных вопросов, планирования, организации, контролирования, деталей. Человек, владеющий этим стилем, ориентирован на систематичность, последовательность, тщательность во всем.

Сотрудники, ориентированные на действие прагматичны, прямолинейны, решительны, легко переключаются с одного вопроса на другой, часто взволнованы. Для них важно обсуждение достигнутого результата, конкретных вопросов, четкое разграничение ответственности.

Ведущими стилями сотрудников второй группы являются ориентация на людей (43,6%) и ориентация на перспективу (будущее) (30,4%). Люди такого стиля эмоциональны, чувствительны, они способны сопереживать и демонстрируют сформированную психологическую ориентированность. Для них характерно обсуждение человеческих нужд, мотивов, чувств. Предпочитают в профессиональном взаимодействии сотрудничать с коллегами.

Ориентацию на перспективу как стиль профессионального взаимодействия характеризует наличие больших планов, нововведений, различных вопросов, новых методов, альтернатив. Сотрудники с таким стилем обладают хорошим воображением, полны идей, но мало реалистичны и порой их сложно понимать.

Статистически достоверные различия обнаружены по шкалам «ориентация на процесс» ($U = 77$ при $p=0,01$) и «ориентация на людей» ($U = 78$ при $p=0,01$).

Таким образом, сотрудники с преобладанием процессов торможения чаще в профессионально-деятельностном общении ориентированы на процесс, а сотрудники с преобладанием процессов возбуждения ориентированы на другого человека. Эти стилиевые особенности определяют специфику их функционирования в организации.

На формирование индивидуального стиля деятельности каждого сотрудника оказывает влияние и его когнитивный стиль. Используемая методика позволила выявить:

- 1) в группе сотрудников с доминированием процессов возбуждения экстравертов больше чем интровертов и больше чем в группе сотрудников, с преобладающими процессами торможения ($U = 80$ при $p=0,02$);
- 2) сотрудники с доминированием процессов торможения оказываются более склонными к логическим рассуждениям ($U = 77$ при $p=0,01$);
- 3) различия между группами испытуемых по параметру «стремление к регламентации» обнаружены не были ($U = 106$ при $p=0,06$), что может объясняться работой компенсаторных механизмов и связано с тем, что условия деятельности регламентированы из вне;
- 4) для сотрудников с доминированием процессов торможения оказался более характерен аналитический тип обработки информации ($U = 82$ при $p=0,02$).

Таким образом, свойства нервной системы во многом определяют индивидуальный стиль деятельности сотрудников. Способы действий в познавательной, профессиональной и повседневной жизни людей с доминированием процессов возбуждения и торможения различны и требуют учета в процессе организации их труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцыферова, Л. И. Некоторые теоретические проблемы психологии личности / Л. И. Анцыферова // Вопросы психологии. — 2008. — № 1. — С. 37–50.
2. Асмолов, А. Г. О предмете психологии личности / А. Г. Асмолов // Вопросы психологии. — 2003. — № 3. — С. 12–15.
3. Борисова, Е. М. Индивидуальность и профессия / Е. М. Борисова, Г. П. Логинова. — М.: Знание, 2005. — 78 с.
4. Климов, Е. А. Путь в профессию / Е. А. Климов. — Л.: Лениздат, 2004. — 190 с.
5. Мерлин, В. С. Индивидуальный стиль деятельности и его системообразующая функция [Электронный ресурс] / В. С. Мерлин. — 2012. — Режим доступа: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-1843.html>
6. Толочек, В. А. Стили профессиональной деятельности / В. А. Толочек. — М.: Смысл, 2006. — 199 с.
7. Фетискин, Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. — М., Изд-во Института Психотерапии, 2002. — 490 с.
8. Щукин, М. Р. О структуре индивидуального стиля трудовой деятельности / М. Р. Щукин // Вопросы психологии. — 2004. — № 6. — С. 26–28.

© Барткевич Екатерина Владимировна (katerinasedova@rambler.ru),
Бадалян Юлия Валерьевна (sfink1978@rambler.ru), Зенина Светлана Рашидовна (s_zenina@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Амурский государственный университет

АУТОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЁ РАЗВИТИЯ В ПРОЦЕССЕ ВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

AUTOPSYCHOLOGICAL COMPETENCE AND THE POSSIBILITY OF ITS DEVELOPMENT IN THE PROCESS OF UNIVERSITY TRAINING OF FUTURE SPECIALISTS

**V. Belyashov
T. Egorova
N. Serebrovskaya**

Summary. the article presents the results of studying the possibility of developing students' autopsychological competence during University studies. The study concerns the determination of the content characteristics of the autopsychological competence of future specialists, the development of a system of criteria-based assessments for this purpose. The authors conducted the diagnosis of personal indicators responsible for the development of students' autopsychological competence, developed psychological and pedagogical conditions aimed at the formation of the zone of the nearest development of students' personality, their ability to understand themselves, self-actualized, to develop self-regulation processes, to assess their personal resources.

Keywords: autopsychological competence, experiment, autopsychological training, self-regulation, personality self-actualization, self-development.

Беляшов Владимир Андреевич

Аспирант, Нижегородский институт управления
(филиал) РАНХиГС
vladimir982@mail.ru

Егорова Татьяна Евгеньевна

Д.псих.н., доцент, Нижегородский институт
управления (филиал) РАНХиГС

Серебровская Наталья Евгеньевна

Д.псих.н., доцент, Нижегородский институт
управления (филиал) РАНХиГС

Аннотация. в статье представлены результаты изучения возможности развития аутопсихологической компетентности студентов в период вузовского обучения. Проведенное исследование касается определения содержательных характеристик аутопсихологической компетентности будущих специалистов, разработке для этого системы критериальных оценок. Авторами проведена диагностика личностных показателей, отвечающих за развитие аутопсихологической компетентности студентов, предложены психолого-педагогические условия, направленные на формирование зоны ближайшего развития личности студентов, их способности понимать себя, самоактуализироваться, развивать процессы саморегуляции, оценивать свои личностные ресурсы.

Ключевые слова: аутопсихологическая компетентность, эксперимент, аутопсихологический тренинг, саморегуляция, самоактуализация личности, саморазвитие.

Сегодня от специалиста требуется не только профессиональная грамотность, но и способность быть субъектом своего личностного и профессионального развития, что позволит ей обеспечить свое соответствие быстро меняющимся требованиям профессиональной среды. Эти качества начинают формироваться в процессе профессиональной подготовки будущего специалиста. В этой связи пристальное внимание стало отводиться такого рода компетентности, как аутопсихологическая компетентность личности (АК). И несмотря на то, что термин «аутопсихологическая компетентность» является относительно новым для российского образования, но смысловые составляющие его уже давно утвердились в научной теории и практике образования.

Проблема определения его содержательных характеристик и условий его развития в практике образовательной деятельности вузов остается до сих пор акту-

альной и носит дискуссионный характер. На данный момент проблема развития аутопсихологической компетентности у студентов как будущих специалистов привлекает внимание ученых. В психологической науке АК определяется по-разному: как система знаний, умений и навыков о себе, которые приводят к повышению уровня самопознания, саморегуляции и самореализации; как внутренний резерв саморазвития и самосовершенствования личности; как умение использовать свои психические ресурсы для формирования благоприятной для собственной деятельности ситуации; как способность создавать волевую установку на достижение значимых индивидуальных результатов и др.

В целом «аутопсихологическая компетентность создает «оптимальность самоорганизации жизни и профессиональной деятельности» [1, с. 59]. Так Кузьмина Н.В., Метельский Г.И., Степнова Е.А., Паевская Н.Е. и другие отмечают, что аутопсихологическая компетентность ха-

рактикуется, прежде всего, формированием личностных возможностей для достижения значимых результатов в профессиональной деятельности [2].

В процессе теоретического исследования выявилось, что в психологической науке до настоящего времени нет единства в определении данного феномена, что вызвано разными методологическими подходами и исследовательскими задачами авторов.

Актуальными задачами в этой связи становятся: анализ разных теоретических подходов к определению содержания и возможностей формирования и развития аутопсихологической компетентности личности в разные возрастные периоды жизни человека, унифицирование структурной модели АК, определение методов ее диагностики и коррекции в образовательной вузовской практике, разработка рекомендаций по развитию АК в системе высшего профессионального образования [3].

В рамках теоретического обоснования содержания аутопсихологической компетентности личности студента как будущего специалиста заслуживают особого внимания работы Т.Е. Егоровой и представленная в работах этого автора теоретическая модель аутопсихологической компетентности [4, 5].

Основываясь на позиции Т.Е. Егоровой, мы под аутопсихологической компетентностью личности понимаем сложноорганизованное системное образование, определяющееся через высокую степень развития самосознания и саморегуляции личности во всех сферах ее жизнедеятельности и на разных уровнях ее психической жизни (психофизиологическом, психическом, эмоциональном, личностно-социальном и духовном). Это значит, что аутопсихологическая компетентность формируется в процессе социализации человека, в том числе и его последующей профессионализации.

При этом уровень её может быть разным, соответствующим или нет требованиям, предъявляемым к человеку социальной, природной, профессиональной средами. Высокий уровень аутопсихологической компетентности принимает характер культуры человека [5].

Спонтанное присвоение психологических знаний и умений не всегда является гарантией достижения высокого культурного уровня. Подчас этот процесс не обеспечивает человеку формирование самосознания и саморегуляции, характеризуется лишь культурным подражанием определенным поведенческим образцам и социальным стереотипам. Аутопсихологическая же компетентность человека является внутриличностным образованием и формируется благодаря внутренней кропотливой работе, результатом которой становится

способность человека быть субъектом самопознания и саморазвития.

Системный подход в сочетании с субъектно-деятельностным подходом позволил определить структурное содержание аутопсихологической компетентности.

К структурным компонентам АК как системному образованию, мы отнесли: когнитивный компонент, определяющий уровень знаний о себе, своей психической и психологической природе; эмоционально-оценочный или рефлексивный компонент, определяющий уровень принятия человеком себя, отношения к себе; процессуально-деятельностный (технологический) компонент волевой саморегуляции, связанный с развитием системы эффективных способов воздействия на себя, регуляции своих поведенческих актов, эмоциональных состояний, познавательных процессов; ценностно-смысловой компонент, выраженный системой ценностных ориентиров человека.

Ценностно-смысловой компонент рассматривается нами как системообразующий, выполняющий роль духовной самоорганизации, направляющий процессы саморегуляции и саморазвития личности. Именно поэтому мы рассматриваем АК как структурный компонент психологической культуры человека. Данная структура наполняется теми содержательными характеристиками, которые отвечают возрастным, гендерным, учебным, профессиональным критериям.

Примененный экпсихологический подход, представленный в работах В.И. Панова, позволил нам говорить о циклическом характере развития АК, который представлен при описании процесса становления психологической культуры Т.Е. Егоровой, К.А. Куликовой [5]. Данная онтологическая логика дает основание говорить о том, что развитие АК происходит как процесс порождения новых качеств личности. Прежде чем стать новым личностным образованием или новым способом деятельности (новой привычкой, новым действием, новой поведенческой реакцией и тому подобное) психологический личностный феномен должен иметь внутренние основания для его зарождения и развития. Эти основания — порожденное желание обретения нового качества, которое требует от человека необходимости пройти ряд последовательных стадий реализации (опредмечивания) этого желания, где в конечной стадии и завершается процесс становления качества, а значит появления новообразования в личности, в сознании или самосознании человека.

В полной мере данный подход, который мы разделяем, представлен, научно обоснован и экспериментально подтвержден в исследованиях В.И. Панова

Таблица 1. Результаты диагностики по методике СЖО Д. А. Леонтьева

Блоки методики	группа 1						группа 2					
	высокий		средний		низкий		высокий		средний		низкий	
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%
Цели	11	26	3	8	28	66	11	26	9	22	22	52
Процесс	4	9	5	13	33	78	3	7	11	26	28	67
Результат	5	12	1	3	36	85	5	11	3	8	34	81
Локус — Я	7	16	3	8	32	76	6	14	10	24	26	62
Локус — Жизнь	9	22	2	4	31	74	9	20	3	8	30	72
ОЖ	-	-	-	-	42	100	-	-	-	-	42	100

(2004–2017) и сотрудников его лаборатории [3]. Данный подход позволяет построить психотехнологию организации процесса саморазвития личности и повышения уровня его АК.

Обращаясь к АК как системному образованию, мы предполагаем наличие ее связи с другими более или менее сложными системными образованиями, которыми могут выступать другие виды компетентности. Однако данная модель АК придает ей характер инвариантности, что повышает возможности её применения в разных видах образовательной практики, включая самообразование в процессе подготовки и реализации конкретного вида профессиональной деятельности.

Функциональность АК определяется включенностью её в структуру личностных образований, обеспечивающих человеку успех и эффективность в деятельности (учебной, профессиональной), как это представлено в трудах А. А. Деркача, А. П. Ситникова, Л. А. Степновой и мн. др. [4]. Мы в своем исследовании отходим от феноменологической логики при определении АК, видя её ограничения, когда речь идет о пространстве, в большей степени имеющем характер функциональной неопределенности, чем функциональной определенности.

Таковым пространством неопределенности является образовательное пространство вуза, где реализуются программы подготовки специалистов разных направлений. Как показывает сегодняшняя ситуация, у выпускников вузов нет четких профессиональных ориентиров реализации своих способностей, а преподаватель формально поставлен в условия организации своего учебного процесса в соответствии с целями, определенными образовательным стандартом высшего образования по конкретному направлению подготовки [5].

Ценностно-смысловой компонент как системообразующий в нашей теоретической модели АК ложится в основу мотивации деятельности студентов, в том числе и мотивации, направленной на повышение уровня АК [6].

Семантически это может звучать так: «...мне необходимы такие психологические знания и умения, способы внутренней работы, которые позволят мне изменить себя, мое привычное восприятие себя и других, мои реакции на внешний мир и себя, мои поведенческие привычки, которые на сегодняшний день не соответствуют ни моим социальным и профессиональным ожиданиям, ни моим духовно-нравственным эталонам, ни ожиданиям тех, кто рядом со мной и тех, кто составляет мою профессиональную среду».

Такая семантическая модель способна задавать программу включения других структурных элементов, составляющих АК. В этом случае отношение человека к себе, другим людям, к природной среде, в том числе, и к своей природе, обретает в его сознании статус ценности [7]. Тогда это ценностное отношение сможет выступать стимулирующим мотивом самоорганизации личности к той внутренней работе, которая необходима ему, чтобы ощущать свою эффективность во всех сферах отношений с окружающим миром и на всех уровнях его психической жизни [8].

Представленная теоретическая модель легла в основу нашей программы психологического экспериментального исследования, которое имело характер констатирующего эксперимента. Мы предположили, что формируемые психологические знания, умения и навыки, приобретаемые в процессе изучения студентами психологических дисциплин в вузе, оказывают влияние на становление и развитие их АК. Исследованию подлежал ценностно-смысловой компонент АК. Поскольку, как системное явление, АК связана с другими структурными единицами психологической организации человека, нам было важно в первую очередь, выявить ценностные ориентиры в разных сферах жизнедеятельности студентов и установить их возможные доминирующие ценностные ориентации. А также выявить возможные изменения в ценностных ориентациях в процессе повышения их психологической грамотности и формирующейся в процессе обучения в вузе АК.

Исследование проходило в период сентябрь 2016-декабрь 2017 гг. В исследовании приняли участие студенты Нижегородского института управления РАНХиГС в количестве 84 человек. Выборку составили студенты первого и второго курса факультета управления, разделенные на 2 экспериментальные группы. Первая группа в количестве 42 человек представлена студентами первого курса, только что пришедшими в институт. Вторая группа, также в количестве 42 человек, представлена студентами 3 курса обучения, успевшими пройти курс психологической подготовки по рекомендуемым ФГОСом образовательным программам психологического цикла. Обе выборки сформированы способом случайного выбора. В первой группе оказалось 10% студентов мужского пола, во второй группе — 11% студенты мужского пола, что не может снижать репрезентативность представленных выборов.

Основными методиками исследования ценностно-смыслового компонента АК являлись тест «Смысл-жизненных ориентаций (СЖО)» Д. А. Леонтьева и «Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ)» И. Г. Сенина.

В ходе исследования мы получили следующие результаты, отраженные в таблице 1.

Анализ полученных результатов позволяет наглядно продемонстрировать, что подавляющая часть студентов имеет, к сожалению, низкий уровень всех изучаемых показателей, хотя мы и видим наличие незначительной позитивной динамики у студентов 2-й группы. Это касается целеполагания, ответственного отношения к деятельности, нацеленности на результат, локуса-Я и локуса-жизни. По общему показателю осмысленности жизни (ОЖ) испытуемые в группе 1 и 2 находятся на низком уровне.

В изучении терминальных ценностей в сфере профессиональной жизни будущих специалистов по показателям собственного престижа, высокого материального положения, креативности, наличия активных социальных контактов, показателей развития себя и достижений были получены следующие результаты. Значительные различия наблюдались только по показателям «креативность» (высокий уровень) 14% и 40% соответственно у 1-й и 2-й групп, (средний уровень) 62% и 29% соответственно у 1-й и 2-й групп. Показатель «развитие себя» имеет (средний уровень) 64% и 21% соответственно у 1-й и 2-й групп испытуемых; (высокий уровень) 16% и 78% соответственно у 1-й и 2-й групп. Сравнительно показатели — «активные социальные контакты» — 58% и 67%, «достижения» — 52% и 64%, «духовное удовлетворение» — 68% и 78% у 1-й и 2-й групп, соответствующие среднему уровню, определяли значимые различия.

В сфере профессиональной жизни высокие результаты в обеих группах имеют две терминальные ценности — «собственный престиж» и «высокое материальное положение». «Собственный престиж» в данной профессиональной сфере выражается в стремлении человека иметь работу или профессию, которая высоко ценится в обществе. «Высокое материальное положение» выражается в стремлении иметь работу, гарантирующую высокую зарплату и другие виды материальных благ. Такие результаты отражают общую тенденцию в российском обществе, а именно стремление к материальному благополучию, ориентацию на социальный статус и конъюнктуру профессии.

В результате сравнительного анализа между 1 и 2 группами получены следующие достоверные различия по методике «ОТеЦ» И. Г. Сенина. По шкале «Развитие себя» ($p \leq 0,001$) — значение выше во 2-й группе. Данный показатель выражается в стремлении к наиболее полной реализации своих способностей в сфере профессиональной жизни и к повышению своей профессиональной квалификации.

Для испытуемых с высоким баллом по данному показателю характерна особая заинтересованность в информации о своих профессиональных способностях и возможностях саморазвития. Шкала «Достижения» ($p \leq 0,001$) — значения во 2 группе выше, чем в 1-й группе. Данный показатель выражается в стремлении достигать конкретных и ощутимых результатов в своей профессиональной деятельности, часто для повышения самооценки. Испытуемые с высоким баллом по этому показателю, как правило, испытывают большее удовлетворение от результатов своей работы, нежели от ее процесса. Для них также характерно тщательное планирование своей работы. По шкале «Духовное удовлетворение» ($p \leq 0,02$) значение также выше во 2-й группе. Данный показатель выражается в стремлении иметь интересную, содержательную работу. Студенты 2-й группы выражают большее желание, чем студенты 2-1 группы, глубже познать предмет своего труда. Также по шкале «Собственная индивидуальность» ($p \leq 0,01$) значение показателей выше во 2-й группе. Данный показатель в профессии выражается в стремлении личности проявить свою индивидуальность как в подготовке к будущей профессии, так и в своей профессиональной деятельности.

Таким образом, по итогам диагностического исследования мы наблюдаем в целом неудовлетворительное состояние сформированности АК у студентов 1 и 2 групп, несмотря на некоторую разницу в показателях. Тем не менее, уровень терминальных ценностей у студентов, прошедших обучение в вузе в течение трех лет и изучавших психологические дисциплины, выше первокурс-

ников, что может свидетельствовать о наличии определенного потенциала развития АК в виде внутренних установок, интересов, желаний, побуждающих мотивов к достижению профессионального саморазвития. Мы предполагаем, что изучение дисциплин психологического цикла оказывает положительное влияние на развитие ценностного компонента аутопсихологической компетентности, но при этом еще не говорит о сформированности потребности к развитию АК.

Это подтверждает наше предположение о том, что аутопсихологическая компетентность не формирует-

ся стихийно, а требует необходимых условий своего формирования, что возможно благодаря включению в психологические дисциплины специальных психологических модулей, отвечающих за формирование всех компонентов АК. Кроме того, возможно внедрение специальных психологических практикумов, позволяющих решать задачи повышения уровня развития АК будущих специалистов. Моделирование такой работы должно строиться на выведенных теоретических основаниях, обусловленных логикой разных подходов, позволяющих актуализировать разные психологические условия развития АК будущего специалиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деркач А.А., Степнова Л. А. Развитие аутопсихологической компетентности государственных служащих. М.: Изд-во РАГС, 2003.
2. Степнова Л. А. Развитие аутопсихологической компетентности государственных служащих: автореф. дис. докт. психол. наук. М., 2003
3. Серебровская Н. Е. Мониторинг как средство оценки качества образовательной среды университета. — Новое в психолого-педагогических исследованиях. — 2017. — № 4(48). — С. 30–38.
4. Егорова Т. Е. Аутопсихологическая компетентность личности. Н. Новгород: Издательство Волго-Вятской академии государственной службы, 1997.
5. Егорова Т. Е. Психологическая культура: теоретический анализ и практика становления: Монография. Н. Новгород: Издательство Волго-Вятской академии государственной службы. 2006.
6. Панов В. И. Экологическая психология: Опыт построения методологии. / В. И. Панов — М.: Наука, 2004. — 197 с.
7. Куликова, К.А., Егорова Т. Е. Теоретическая модель становления психологической культуры студентов вуза. / Теоретический и научно-методический журнал «Вестник университета». ФГБОУВПО «Государственный университет управления». — № 23. — Москва. — 2013. — С. 264–268.
8. Серебровская Н.Е., Дунаева Н. И. Использование адаптивных моделей в обучении студентов как условие повышения эффективности университетского образования. — Современная высшая школа. Инновационный аспект. — № 4, 2017. — С. 102–109.

© Беляшов Владимир Андреевич (vladimir982@mail.ru),

Егорова Татьяна Евгеньевна, Серебровская Наталья Евгеньевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Нижегородский институт управления

ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ САМООЦЕНКА АКАДЕМИЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ И СПОСОБНОСТЬ К ПРОГНОЗИРОВАНИЮ: К ВОПРОСУ О ЗАВИСИМОСТИ

PREDICTIVE SELF-EVALUATION OF ACADEMIC ACHIEVEMENTS AND PREDICTION ABILITY: TO THE QUESTION OF DEPENDENCE

O. Zhuchenko

Summary. The adequacy of predicting the outcome of the situation, allowing to reduce its uncertainty, acts as one of the resources of stress-resistance. The outcome of the examination situation is mark, received by a student. For the development of predicting academic achievements it is important to know whether it depends on the ability to predict. We found no statistically significant between the two correlations. The results of this study can be used to improve the program for the development of predicting the outcome of the examination situation.

Keywords: predictive self-evaluation of academic achievements, prediction ability, examination stress, students.

Жученко Ольга Александровна

ФГБОУ ВО «Ижевская государственная сельскохозяйственная академия» (г. Ижевск)
adlog@mail.ru

Аннотация. Адекватность прогнозирования исхода ситуации, позволяя снизить ее неопределенность, выступает в качестве одного из ресурсов стрессоустойчивости. Исходом экзаменационной ситуации является оценка, полученная студентом. Для развития прогнозирования академических достижений важно знать, зависит ли оно от способности к прогнозированию. Нами выявлено отсутствие между ними статистически значимой корреляции. Результаты данного исследования можно использовать для совершенствования программы развития прогнозирования исхода экзаменационной ситуации.

Ключевые слова: прогностическая самооценка академических достижений, способность к прогнозированию, экзаменационный стресс, студенты.

В последнее время все более остро встает вопрос психологической безопасности в учебных заведениях, понимаемой как объективно существующего, субъективно воспринимаемого и переживаемого состояния личности быть защищенной от внутренних и внешних угроз или опасностей. Психологическая безопасность в высшей школе определяется как внешними объективными факторами среды, так и личностными качествами студентов [13], среди которых можно выделить стрессоустойчивость.

Нами ранее доказано [5], что адекватность прогноза исхода ситуации можно отнести к одному из ресурсов стрессоустойчивости будущего профессионала. Перед началом экзамена у студента есть не только переживание данной ситуации, но и мысленная модель ожидаемых результатов [9]. Ее компонентами на экзамене являются желаемая оценка, ожидаемая оценка, которую субъект, в нашем эксперименте, определяет до начала экзамена. Прогнозируя исход ситуации, свои академические достижения, вероятностные неприятности, субъект заранее мысленно ставит себя в неблагоприятные условия, готовится к встрече с поражением, неудачей, в результате чего возникает состояние тревожности [4]. В любом самоописании скрыто или явно присутствует самооценка [2], а через прогнозируемые оценки студент описывает себя и свои академические достижения.

А. А. Реан [11], А. В. Захарова [8], определяют прогностическую самооценку как оценку субъектом своих возможных достижений и определение отношения к ним в какой-либо актуальной ситуации, в данном случае — на экзамене в вузе. Ее функция — синтез информации, почерпнутой человеком из анализа объективных и субъективных характеристик ситуации оценивания. Представляя собой сложное интеллектуальное действие, развертывающееся в дискурсивном плане, она актуализируется до начала деятельности или свершения поведенческого акта и предполагает антиципацию возможных результатов и их последствий, реализовываясь при этом в условиях дефицита информации. В связи с этим ее основу составляют рефлексивные действия, синтез информации, почерпнутой субъектом из анализа объективных и субъективных характеристик оценивания, отражающие его ту или иную меру неуверенности в себе, ориентацию на возможность непредвиденных трансформаций предмета деятельности [8].

В рамках нашего исследования прогностическая самооценка студента проявляется в оценках, которые он желает и ожидает получить на экзамене. Оценка себе, которую учащийся определяет перед началом испытания, является ретроспективной самооценкой, представляющей собой, по сути, оценку результатов деятельности, достигнутого

уровня развития компетенции по сдаваемой дисциплине. Ретроспективная самооценка детерминирует процессы каузальной атрибуции. Ее важная характеристика — мера критичности студента в отношении к себе. На экзамене работает уже актуальная (симультанная, корригирующая) самооценка, выполняя функцию оценки и коррекции исполнительских действий (поведенческих актов) по ходу их развертывания [8].

Совокупность мыслительных качеств, позволяющих решать различные виды прогностических задач, представляет собой прогностическую способность [14]. Исследователями [12; 14; 15] доказано, что способность к прогнозированию, в основе которой лежат аналитичность, глубина, осознанность, гибкость, перспективность мышления, связана с ответственностью, личностной тревожностью, легкостью генерирования идей и ассоциирования. Очевидно, что уровень способности к прогнозированию у людей глубоко индивидуален, также как и адекватность прогностической самооценки. Всегда ли высокий уровень развития способности к прогнозированию предполагает адекватную прогностическую самооценку, в частности, академических достижений в экзаменационной ситуации? Решению данного вопроса посвящена настоящая работа.

Задачи исследования: определение степени адекватности самооценки академических достижений учащихся в экзаменационной ситуации; изучение зависимости прогностической самооценки академических достижений студентов от их способности к прогнозированию.

Гипотеза: адекватность прогностической самооценки академических достижений в экзаменационной ситуации зависит от уровня развития способности к прогнозированию.

Выборку составили 246 студентов 2–5 курсов агропромышленных специальностей и направлений подготовки ФГБОУ ВО «Ижевская ГСХА». Для реализации задач использовались психодиагностические методики (модифицированная методика Т.В. Дембо — С.Я. Рубинштейн на определение самооценки академических достижений студентов в стрессогенной ситуации, тест «Способность к прогнозированию» Л.А. Регуш) и методы математической статистики для обработки экспериментальных данных, проводимой с помощью компьютерной программы «SPSS for Windows 17.0» (Т-критерий Вилкоксона, критерий корреляции Спирмена).

В обычный учебный день у студентов диагностировался уровень способности к прогнозированию с помощью одноименного теста Л.А. Регуш. Непосредственно перед началом экзамена учащийся письменно на листочке определял желаемую, ожидаемую оценку и оценку себе, исходя из уровня своих компетенций (модифицированная мето-

дика Т.В. Дембо — С.Я. Рубинштейн). Эти показатели сравнивались с реальной оценкой, полученной на экзамене, что определяло адекватность прогностической самооценки академических достижений студента. Следует отметить, что экзамены проводились в разной форме (устно, письменно, тестирование) и по разным дисциплинам.

Анализ сдвига прогнозируемых оценок по отдельности с помощью Т-критерия Вилкоксона выявил, что желаемая оценка завышена на статистически значимом уровне ($T = -8,25$; $p < 0,01$). Она представляет собой мотивационный компонент деятельности. Это значит, что студенты данной выборки достаточно мотивированы на успешную сдачу экзамена. При этом мотивация студента на экзамен: тип (достижение успеха или избегание неудачи), уровень (высокий, средний, низкий), — влияет как на степень психической напряженности, так и, через повышение уровня притязаний, на качество подготовки к нему. Студенту «нужна отметка на уровне притязаний, которая редко оказывается ниже полагаемой», — отмечает Ш.А. Амонашвили [1, 52]. Исследования Г.М. Лыдовой доказали, что «мотивы, связанные с экзаменационной ситуацией, стимулируют интеллектуальную, волевую активность студента, способствуя достижению высокой оценки на экзамене» [10, 89].

В отношении ожидаемой оценки и оценки себе статистически значимых результатов не получено. При этом наблюдается тенденция завышения ожидаемой оценки и занижение академической оценки себе. Следует отметить, что в каждом компоненте чаще всего встречаются адекватные оценки.

На ожидаемую оценку оказывают влияние уровень компетенции, притязаний, предпочитаемая форма экзамена (в сопоставлении с реальной), так как у каждого обучающегося есть вариант проверки, при котором ему легче проявить свои ключевые компетенции. Особенно это относится к студентам, не уверенным полностью в своих компетенциях.

Академическая оценка себе студента, исходя из уровня компетенции, позволяет определить объективность преподавателя, с одной стороны, и отражает личностную самооценку, с другой стороны, так как интерпретация приобретенного опыта и ожидания человека относительно самого себя и других людей зависит, в частности, от самооценки.

Самооценка выступает регулятором поведения и деятельности и личностным ресурсом стрессоустойчивости. Оценка студентом качества своей работы, что входит в состав «оценки себе» в нашем исследовании, является мощной техникой влияния на его успеваемость путем повышения собственной эффективности и увеличения внутренней мотивации. Положительная оценка своей работы стимули-

рует студента ставить более высокие цели и прикладывать больше усилий для их достижений, что приводит к повышению уверенности в себе и росту личностной самооценки [16].

Математический анализ всех компонентов прогностической самооценки академических достижений в совокупности показал, что у 44% студентов адекватное прогнозирование результатов своей деятельности в экзаменационной ситуации. У 23% учащихся наблюдается заниженная прогностическая самооценка, у 28% — завышенная.

Предвосхищение человеком и переживание последствий предстоящих событий, определяя в значительной мере его действия в той или иной ситуации, может вызвать как положительный, так и отрицательный эффект. Так, например, предвидение поощрения за высокие результаты деятельности способствует увеличению мотивации. В процессе деятельности мотивы «наполняются» эмоционально, сопрягаются с интенсивными эмоциональными переживаниями, которые играют особую роль в возникновении и протекании состояния психической напряженности [3]. Желания и ожидания студента порождают сложное взаимодействие различных психических переживаний, динамические психические состояния [10].

В связи с отсутствием нормального распределения данных для изучения зависимости показателей применялся

коэффициент корреляции Спирмена. Благодаря ему было выявлено отсутствие статистически значимой корреляции между адекватностью прогнозируемой самооценки академических достижений и способностью к прогнозированию.

Таким образом, наша гипотеза не подтвердилась. Адекватность прогностической самооценки академических достижений в экзаменационной ситуации и способность к прогнозированию значимо не связаны. В то же время выявлено [6], что адекватность прогностической самооценки академических достижений студента зависит от его общительности, уравновешенности, низкой чувствительности к неудачам в социальной и предметной сфере, уверенности в себе, интернальности. Настоящее исследование подтвердило, что адекватность прогностической самооценки как ресурса стрессоустойчивости будущего специалиста следует развивать, не опираясь на способность к прогнозированию, так как ее высокий уровень — не гарантия адекватной прогностической самооценки академических достижений. При этом программа [7], включающая в себя упражнения и игры, направленные на повышение мотивации и навыков учения в вузе, регуляцию психофизиологического состояния, повышение самооценки и уверенности в себе, развитие коммуникабельности, сензитивности, мышления, рефлексивных навыков, позволяет увеличить количество студентов, адекватно прогнозирующих свои академические достижения в экзаменационной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амонашвили Ш. А. Гуманно-личностный подход к детям. — М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1998. — 544 с.
2. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. — М.: Прогресс, 1986. — 422 с.
3. Бодров В.А., Орлов В. Я. Психология и надежность: человек в системах управления техникой. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. — 288 с.
4. Гиссен Л. Д. Время стрессов. — М.: Физкультура и спорт, 1990. — 192 с.
5. Жученко О. А. Адекватность прогноза исхода экзаменационной ситуации как ресурс стрессоустойчивости личности: теоретический аспект // *Alma mater. Вестник высшей школы.* — 2013. — № 7. — С. 117–119.
6. Жученко О. А. Прогнозирование исхода экзаменационной ситуации: психологический портрет будущего специалиста // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки».* — 2015. — № 9–10. — С. 81–84
7. Жученко О. А. Стрессогенность контроля знаний: программа оптимизации состояния студентов. // *Ананьевские чтения. Современные прикладные направления и проблемы психологии: Материалы научной конф. Ч. 2.* СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та. — 2010. — С. 226–227
8. Захарова А. В. Генезис самооценки: автореферат дис. ... доктора псих. наук. — М., 1989. — 40 с.
9. Ломов Б.Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. — М.: Наука, 1980. — 280с.
10. Лядокова Г. М. Негативные психические состояния студентов в ситуациях с неопределенным исходом. — Елабуга: Изд-во ОАО «Алмедиа», 2006. — 140 с.
11. Реан А. А. Психология человека от рождения до смерти. — М.: АСТ, Прайм-Еврознак, 2015. — 656 с.
12. Регуш Л. А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. — СПб.: Речь, 2003. — 352 с.
13. Сергеев С.Ф., Якунин В. А. Психологическая безопасность в образовательной среде // *Народное образование*, 2012. — № 6. — С. 163–169.
14. Сомова Н. Л. Диагностика способности к прогнозированию: методика и ее стандартизация. Автореферат канд. псих.н. — С-Пб., 2002. — 24 с.
15. Цискаридзе М. А. Влияние установки на проявление конформности индивида в подставной группе. // *Вопросы психологии.* — 1988. — № 4. — С. 143–149.
16. Rolheiser C., Ross J. A. Student self-evaluation: what research says and what practice shows. // *Center for development and learning.* — URL: http://www.cdl.org/resource-library/articles/self_eval.php (дата обращения 15.03.2018).

РАЗВИТИЕ ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ЗАНЯТИЙ КОМАНДНЫМИ ВИДАМИ СПОРТА

DEVELOPMENT OF LEADERSHIP QUALITIES OF STUDENTS IN THE PROCESS OF PHYSICAL TRAINING AND SPORTS

**M. Igoshev
G. Meliukhin**

Summary. In many activities, an important factor for success is the availability of leadership, perseverance, the ability to take responsibility and lead a team of like-minded people. Educating students for leadership skills begins with the very first stages of training in university. Sport is a tool that allows to instill, consolidate and develop leadership qualities among students. Therefore sports physical training of students is an important direction of training of qualified specialists during the whole process of their training. The article shows that participation in team sports helps develop students' leadership skills, ability to make quick decisions, take responsibility for their actions and actions of team-mates, contribute to the overall result of the team's activities. The need to develop high moral qualities of youth sports leaders, so that members of the group adopted the socially-oriented behavior of the leader of a team or a group of fans, is also noted in the article. This will positively affect the interaction with other people within the framework of the main professional activity in the latter.

Keywords: transformational leadership, charismatic leader, sports leader, social behavior.

Игошев Михаил Владиславович

К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО Пермская государственная
фармацевтическая академия Минздрава России, г. Пермь
sportmig58@yandex.ru

Мелюхин Георгий Михайлович

К.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО Пермская государственная
фармацевтическая академия Минздрава России, г. Пермь

Аннотация. Для достижения успеха во многих видах деятельности важным фактором является наличие лидерских качеств, настойчивости, упорства, умения взять на себя ответственность и повести за собой команду единомышленников. Воспитание у студентов лидерских качеств начинается с самых первых этапов обучения в вузе. Инструментом, позволяющим привить, закрепить и развить лидерские качества у студентов выступает спорт, особенно командный. Поэтому важным направлением подготовки квалифицированных специалистов является спортивно-физическая подготовка студентов в течение всего процесса их обучения. В статье показано, что участие в командных видах спорта помогает выявлять, развивать и закреплять лидерские качества студентов, умение быстро принимать решения, брать на себя ответственность, как за свои действия, так и действия партнеров по команде, вносить свой вклад в общий результат деятельности команды. Также в статье отмечена необходимость развития высоких моральных качеств молодежных спортивных лидеров, чтобы члены группы переняли социально ориентированное поведение лидера команды или группы болельщиков, что в последующем положительно скажется во взаимодействии с другими людьми в рамках основной профессиональной деятельности.

Ключевые слова: трансформационное лидерство, харизматический лидер, лидерство в спорте, социальное поведение.

Введение

Вопросы студенческого (и молодежного в целом) лидерства и его роли для социально-экономического развития страны поднимаются как в обществе, так и на государственном уровне все чаще. Особый акцент в этой связи делается на возможностях молодежного спортивного движения, особенно его командных видов. Психологические аспекты командной деятельности, составляющие ее значительную часть, позволяют развить многие навыки и подходы к профессиональной деятельности и коммуникациям, к командной деятельности, которые способны помочь молодым людям при начале работы в новых коллективах. В частности, это такие навыки, как лидерство, способность быстро принимать решения, умение взять на себя ответственность за деятельность команды в целом и за отдельные ее участники, умение распределять обязанности и обмениваться видами деятельности, умение подхватить и поддержать инициативу, умение убедить и воодуше-

вить участников команды на достижение определенной цели и многие другие навыки. В этой связи большой интерес представляет анализ взаимосвязи теории лидерства и формирования лидерских качеств с концепциями физической и спортивной подготовки студенческой молодежи, поскольку многолетний и разносторонний опыт спортивной подготовки свидетельствует о высоком положительном влиянии командного спорта на коммуникационные навыки людей. В контексте последних тенденций государственной политики как в области всесторонней поддержки молодежи и подрастающего поколения и формирования кадрового резерва государства, так и в направлении развития спорта, этот вопрос приобретает особую актуальность.

Цель и задачи исследования

Целью исследования является обзор теоретических подходов зарубежных исследований к вопросу формирования лидерских качеств у студентов в процессе их за-

нятий командными видами спорта и оценка возможности применения зарубежных подходов в отечественной теории и практики физического воспитания студентов в процессе организации в вузах командных видов спорта.

Задачей исследования в рамках данной цели было проведение анализа основных направлений влияния занятий командными видами спорта на формирование лидерских качеств у студентов, начиная со студенческих группах первого курса, закрепления и развития лидерских качеств в течение всего времени обучения в вузе, формирование привычки занятий спортом в течение всей жизни и работы.

Также важной задачей исследования было выделение тех элементов поведения молодых людей в рамках групп, которые ориентированы на формирование лидерских качеств и являются важными детерминантами их социального поведения, в первую очередь, чувства ответственности и коллективизма,

Материалы и методы исследования

В качестве метода исследования применен библиографический анализ отечественной и зарубежной научной литературы по теории лидерства, социальной идентичности, вопросам спортивной психологии и организации спортивной деятельности. С целью решения поставленной задачи исследования изучены работы Анри Тэджфела и Джона Тернера [1], Наоми Эллемерс [2], результаты современных исследований зарубежных специалистов в области теорий лидерства и группового поведения [3; 4], а также теории социальной идентичности, самосохранительного поведения, физической культуры и спорта. В основу исследования положены две базовые модели лидерства — теория трансформационного лидерства и теория социальной идентичности [1; 5], которые дополнены двумя моделями лидерства, ориентированными на спорт, а именно — многомерная модель лидерства, предложенная П. Челладураи [6] и посредническая модель поведения лидеров, разработанная и проанализированная Ф. Смоллом и Р. Смитом [7]. Особый акцент в ходе исследования сделан на отношения между лидерами и последователями и влияния молодежного спортивного лидерства на общественные группы в целом.

Теоретическими и эмпирическими материалами работы послужили преимущественно зарубежные научные источники, где изложены результаты различных исследований в области теории спортивного лидерства, в том числе молодежного лидерства. Вопросы лидерства в спорте, особенно в спорте высших достижений, достаточно хорошо разработаны в отечественной нау-

ке теории и методологии спортивной подготовки [8; 9]. Однако, несмотря на то, что в последние годы начали появляться исследования на тему развития лидерских качеств у молодежи и студентов [10; 11], тем не менее, эти вопросы остаются недостаточно изученными. И зарубежный опыт (как теоретический, так и практический) может оказаться в этом плане весьма полезным.

Результаты исследования

Вопросы формирования и развития лидерских качеств у различных участников спортивных групп (имеются в виду как группы болельщиков определенных команд и спортивных клубов, так и сами спортивные команды) обсуждались и обсуждаются в зарубежной литературе весьма активно [2; 8; 9]. В наибольшей степени акцент делается на значимость работы тренеров, менеджеров и влияния лидерских качеств капитанов команд для обеспечения успешного спортивного процесса и достижения высоких результатов [10]. Также много исследований посвящено подробному (в том числе психологическому) анализу результатов наиболее успешных игр и матчей, на основе которого исследователи и комментаторы пытаются сделать выводы (извлечь уроки), объясняющие успех той или иной команды и разработать рекомендации по закреплению этого успеха [11]. Причем сфера охвата таких исследований самая широкая — от топовых матчей ведущих команд в баскетболе, футболе, хоккее, регби, американском футболе и т.д. до внутренних игр между спортивными командами колледжей и университетов [12].

При этом основные споры по поводу роли лидера в команде и по поводу механизмов управления командами с помощью лидерства разворачиваются между сторонниками теории трансформационного лидерства и теоретиками социальной идентичности [13].

Теория трансформационного лидерства описывает каким образом лидер может организовать своих последователей на нечто большее, чем обычное выполнение действий, приказов для достижения личной выгоды. Теория трансформационного лидерства объясняет каким образом лидер может вдохновить своих последователей на максимальное выполнение поставленных задач и какими инструментами он пользуется, чтобы эти задачи выполнить. Теория трансформационного лидерства опирается на идеи о том, как лидер мотивирует последователей на основе своей харизмы, каким образом он стимулирует инициативу и индивидуальное внимание членов своей группы (своих последователей) для подбора новых способов достижения успеха.

Для максимального достижения всех целей, поставленных в процессе организации спортивной деятельно-

сти в вузах, особенно командных видов спорта, большое значение имеют подходы в рамках теории трансформационного лидерства. Важной особенностью данной теории является то, что действия лидеров по управлению членами команды определяются категориями «видение» и «действие», а не «задачи» и «отношения», как это принято в традиционных теориях менеджмента и управления группами. При этом видение означает создание положительного образа будущего состояния (например, победа факультетской команды в вузовских соревнованиях), а действие предполагает формирование определенного типа поведения как игроков команды, так и группы поддержки и болельщиков [14].

Важным моментом практического применения модели и инструментов воздействия в рамках теории трансформационного лидерства является то, что при таком подходе мотивация последователей со стороны лидера опирается на четко выраженную постановку совместных (командных, групповых) интересов на первое место. При этом лидер дает каждому члену группы такое задание, которое будет способствовать развитию индивидуальных качеств, спортивного мастерства игроков, укреплению их уверенности в себе и получению на основе этого необходимого результата, предполагающего как достижение личных целей, так и командных.

Однако, при таком восприятии лидерства (харизматическое лидерство, основанное на подражании) члены группы могут перенять и антисоциальное поведение, что часто демонстрируют как отдельные игроки и команды в целом во время соревнований (игр), так и болельщики и фанаты в своем до- и после матчевом поведении [15].

Со своей стороны, теоретики социальной идентичности попытались выйти за пределы индивидуализма, присущего многим спортивным видам деятельности, и на основе этого обосновать рекомендации по стимулированию лидерства в командных видах спорта на основе построения определенных теоретических моделей. Наиболее распространенными среди таких моделей являются модель посреднической модели поведения лидеров Ф. Смолла и Р. Смита [7], а также многомерная модель лидерства П. Челладураи [6]. В основе таких концепций проявления и закрепления лидерского подхода в спорте лежит понимание того, что спорт редко является чисто личным способом достижения цели и чисто личным результатом достижения цели, а имеет существенные коллективные основы. Важным выводом, который был сделан на основе анализа научной литературы по вопросам социальной идентичности и концепций лидерского подхода к спорту, является тот вывод, что социальная идентичность составляет серьезную основу не только индивидуального поведения, но также мощную основу для формирования и раз-

вития группового поведения и проявления лидерства в группах.

Основным теоретическим и практическим положением подхода социальной идентичности является то, что лидерство не является врожденной индивидуальной способностью человека, как это обычно предполагается, а в определенной степени выступает результатом способности человека воплощать то, что конкретная группа значит для своих членов в любом контексте. Именно на этой основе лидеры оказывают влияние на других членов группы. В этой связи важным является следующий психологический момент восприятия лидера как особого члена группы со стороны его последователей — только тогда, когда лидеры воспринимаются как «кто мы» и «кем мы хотим быть» их лидерство порождает следование других за ними.

В этом же понимании используется и категория общей социальной идентичности, которая объясняет харизму лидера и его способностью влиять на последователей [1; 2]. В той мере, в которой лидеры действуют в интересах группы (при неизменности всех остальных переменных), они действительно воспринимаются как более харизматичные, а также более заслуживающие доверия и более эффективные. Таким образом, вместо того, чтобы просто пытаться идентифицировать «особый материал», который делает лидеров и тренеров «великими», подход к лидерству в теории социальной идентичности фокусируется на процессах, с помощью которых лидеры и последователи взаимодействуют друг с другом как часть общей группы и добиваются на основе этого необходимого результата. В таком контексте выводы теории социальной идентичности показывают, что успех спортивной команды может быть достигнут или усилен за счет случайного (отдельный игрок команды), а не «назначенного» (капитан команды) лидера, взявшего на себя ответственность за действия команды в конкретной игре. Также успех команды (победа в матче) может быть достигнут за счет активных инициативных действий отдельных игроков в критической для команды ситуации [11].

Дальнейшее развитие идеи об эффективном влиянии спорта на формирование лидерских качеств у людей связано именно с культивированием чувства «мы», а не «я», хорошо прослеживается в современных исследованиях, посвященных анализу лидерских аспектов руководства спортивными командами. В частности, по итогам Олимпийских игр в Лондоне в 2012 году исследователи отметили, что успешные лидеры стремились мобилизовать членов команды, последовательно формулируя в качестве личной ценности у членов команд образа положительного, отличительного и устойчивого командного тождества [16]. Связанное с этим экспе-

риментальное исследование показало, что, поскольку командное тождество улучшает социальную идентификацию членов команды и повышает доверие последователей к лидерам команды, постольку это становится мощным определяющим фактором успеха в соревнованиях.

Это достигается с помощью такой стратегии достижения позитивной социальной идентичности группы как социальная конкуренция. Социальная конкуренция как стратегия поведения предполагает вступление участниками группы в непосредственную конкуренцию с релевантными социальными группами в форме внутригруппового фаворитизма. При этом, в отличие от стратегии социальной креативности, критерии сравнения не изменяются, а участники группы сосредоточиваются на внутренних факторах и элементах социальной идентичности.

Выводы

В процессе исследования выявлено, что участие в командных видах спорта помогает развивать у студентов лидерские качества, включая умение быстро принимать

решения, брать на себя ответственность как за свои действия, так и за действия партнеров по команде, вносить свой вклад в общий результат деятельности команды.

Принадлежность к команде (социальная идентичность) позволяет выявить лидерские качества у студентов и закрепить их в процессе успешной спортивной деятельности, положительно воздействуя на моральную сторону поведения команды в целом, ее лидеров, групп поддержки по отношению как к товарищам по команде, так и по отношению к противникам. Это особенно важно, поскольку именно в студенческие годы в процессе профессионального обучения и социализации формируются этические и моральные принципы поведения, которые затем часто переносятся на будущую работу [17].

В этой связи для успешной организации спортивной деятельности в вузах и одновременного формирования лидерских качеств у студентов, большое значение имеет использование всего арсенала методов педагогического воздействия на физическую и спортивную подготовку студентов, включая не только передовой отечественный опыт в этой области, но и современные зарубежные теории и рекомендации [18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Tajfel H., Turner J. C. An integrative theory of intergroup conflict. In: Austin W. G., Worchel S., eds. *The social psychology of intergroup relations*. Monterey. Brooks-Cole. 1979. P.33–47.
2. Ellemers N., De Gilder D., Haslam S. A. Motivating individuals and groups at work: a social identity perspective on leadership and group performance // *Acad. Manag. Rev.* 2004. Vol.29. № 3. P.459–478.
3. Amorose A.J., Anderson-Butcher D. Autonomy-supportive coaching and self-determined motivation in high school and college athletes: a test of self-determination theory // *Psychol. Sport. Exerc.* 2007. Vol.8. № 5. P.654–670.
4. Price M.S., Weiss M. R. Relationships among coach leadership, peer leadership, and adolescent athletes' psychosocial and team outcomes: a test of transformational leadership theory // *J. Appl. Sport Psychol.* 2013 Vol.25. № 2. P. 265–279.
5. Van Knippenberg D., Sitkin S. B. A critical assessment of charismatic — transformational leadership research: back to the drawing board? // *Acad. Manag. Ann.* 2013. Vol.7. № 1. P. 1–60.
6. Chelladurai P. Leadership. In: Singer R. N., Murphey M., Tennant L. K., editors. *Handbook of research on sport psychology*. New York: Macmillan. 1993. P.647–671.
7. Smoll F.L., Smith R. E. Leadership behaviors in sport: a theoretical model and research paradigm // *J. Appl. Soc. Psychol.* 1989. Vol.19. № 18. P.1522–1551.
8. Slater M.J., Coffee P., Barker J. B., et al. Promoting shared meanings in group memberships: a social identity approach to leadership in sport *Reflect // Pract. Int. Multidiscipl. Perspect.* 2014. Vol.15. № 5. P. 672–685.
9. Arthur C.A., Woodman T., Ong C.W., et al. The role of athlete narcissism in moderating the relationship between coaches' transformational leader behaviors and athlete motivation // *J. Sport Exerc. Psychol.* 2011 Vol.33. № 1. P. 3–19.
10. Manz C.C., Pearce C. L., Mott J. W., et al. Don't take the lead... share the lead: surprising leadership lessons from big time college sports. *Organ Dyn.* 2013. Vol.42. № 1. P. 54–60.
11. Bruner M.W., Boardley I. D., Cote J. Social identity and prosocial and antisocial behavior in youth sport // *Psychol. Sport Exerc.* 2014. Vol.15. № 1. P. 56–64.
12. Slater M.J., Barker J. B., Coffee P., et al. Leading for gold: social identity leadership processes at the London 2012 Olympic Games // *Qual. Res. Sport. Exerc. Health.* 2014. P. 1–18.
13. Ostrowsky M. K. The social psychology of alcohol use and violent behavior among sports spectators. *Aggress Violent Behav.* 2014. Vol.19. № 4. P. 303–310.
14. Борисов Д.С., Поздняк В.М., Гладких А.С. Феномен лидерства в спорте // *Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Новые образовательные системы и технологии обучения в вузе.* 2009. Т. 6. № 10 (58). С. 21–22.
15. Гуляев М.Д., Цветков С. А., Кулагин Б. П. Технологические основы лидерства в спорте высших достижений // *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта.* 2010. № 9 (67). С. 35–38.

16. Морозов О.Г., Морозова Л. В. Лидерство — профессионально-значимое качество для студентов СЗИУ, будущих управленцев // Научные труды Северо-Западного института управления. 2013. Т. 4. № 2 (9). С. 280–283.
17. Парфёнов М.И., Кислицкая Н. С., Михайленко Т. В. Партнерство НКО и университета физической культуры: отчет о педагогическом эксперименте по формированию лидерских качеств студентов экономического профиля // Научное обозрение. 2016. № 19. С. 209–219.
18. Степанова В.В., Романова Р.П., Удовкина В. Ю. Социально-психологический феномен лидерства у молодежи в спорте // Вестник научных конференций. 2015. № 4–2 (4). С. 122–123.

© Игошев Михаил Владиславович (sportmig58@yandex.ru), Мелюхин Георгий Михайлович.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Пермская государственная фармацевтическая академия Минздрава России

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТНОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

PECULIARITIES OF THE STRUCTURE OF PERSONAL AND PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION IN ADOLESCENTS OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH

*Yu. Lezina
T. Bostandzhieva*

Summary. The article is devoted to the presentation of the results of the study of the content structure of professional and personal self-determination of adolescent indigenous peoples of the North. Authors identified indicators of personal and professional self-determination, identified the factors that make up the structure of professional self-determination of adolescent indigenous peoples of the north. Based on the results of the study, conclusions are drawn on the organization of work, the purpose of which is to help in the formation of personal and professional self-determination of adolescent indigenous peoples of the North.

Keywords: professional self-determination, personal self-determination, self-determination of adolescents, structure of personal and professional self-determination of adolescents of indigenous peoples of the North.

Лезина Юлия Юрьевна

*Аспирант, Тобольский педагогический институт
им. Д. И. Менделеева (филиал) ФГБОУ ВО «Тюменский
государственный университет»
yatal_lezina@bk.ru*

Бостанджиева Татьяна Михайловна

*К.псх.н., доцент, Сургутский государственный
педагогический университет
bost.vi@mail.ru*

Аннотация. статья посвящена представлению результатов исследования содержательной структуры профессионального и личностного самоопределения подростков-коренных народов Севера. Автором выделены показатели личностного и профессионального самоопределения, выделены факторы, составляющие структуру профессионального самоопределения подростков-коренных народов Севера. По результатам исследования сформулированы выводы по организации работы, целью которой является помощь в формировании личностного и профессионального самоопределения подростков-коренных народов Севера.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, личностное самоопределение, самоопределение подростков, структура личностного и профессионального самоопределения подростков коренных народов Севера.

Анализ исследований, связанных с проблемой личностного и профессионального самоопределения современных подростков, показал ряд проблем, касающихся недостаточно сформированного самоопределения, связанного с профессиональным выбором, временной жизненной перспективой, необходимой для становления личностного самоопределения (М. И. Мухина [2], В. Ф. Сафин, Г. П. Ников [5]).

Исследователи подчеркивают, что у современных подростков не формируются те личностные новообразования, которые формировались у их ровесников 10–20 лет назад, подростковый кризис протекает смазано [4], что ставит на повестку дня пересмотр границ подросткового возраста как этапа онтогенеза (Д. И. Фельдштейн [6], К. Н. Поливанова [3]).

В исследованиях Лишина О. В., Бостанджиевой Т. М., Проворовой И. С. были выявлены ряд противоречий, касающихся личностного самоопределения подростков-ненцев [1]: во-первых, это неоднозначная и противоречивая позиция подростков КМНС из семей оленеводов. Это позиция характеризуется тем, что подросток

не принимает навязанные и нередко чуждые формы общественных отношений, закрепленные в школе-интернате. При этом его социальная ситуация развития характеризуется резким отрывом от национальных и семейных традиций, а с другой стороны, в высокой оценке возможностей, которые предоставляет образование. Во-вторых, наблюдается неприятие подростками КМНС предлагаемой школой — интернатом формы общественных отношений. В-третьих, система обучения и воспитания в школе — интернате не учитывает специфики этнических особенностей подростков КМНС (особенно это касается детей оленеводов). Все выше сказанное выделяет актуальность проблемы целенаправленной работы по формированию профессионального и личностного самоопределения подростков — коренных народов Севера, которая возможна при условии анализа структуры личностного и профессионального самоопределения.

Таким образом, целью нашего исследования было проведение анализа структуры личностного и профессионального самоопределения подростков-коренных народов Севера, которое проводилось при помощи факторного анализа. Использовались данные, которые не-

Таблица 1. Полная объясненная дисперсия

Component	Initial Eigenvalues			Rotation Sums of Squared Loadings		
	Total	% ofVariance	Cumulative%	Total	% ofVariance	Cumulative%
1	7,845	39,225	39,225	4,995	24,976	24,976
2	3,653	18,266	57,491	3,053	15,266	40,242
3	1,997	9,983	67,474	2,797	13,983	54,225
4	1,869	9,343	76,817	2,453	12,265	66,49
5	1,198	5,99	82,807	2,365	11,826	78,316
6	1,034	5,168	87,975	1,932	9,658	87,975
7	0,827	4,137	92,112			
8	0,636	3,181	95,293			
9	0,339	1,695	96,988			
10	0,237	1,185	98,173			
11	0,154	0,77	98,943			
12	0,108	0,54	99,483			
13	0,054	0,271	99,754			
14	0,033	0,164	99,918			
15	0,01	0,051	99,969			
16	0,005	0,025	99,994			
17	0,001	0,006	100			
18	1,96E-16	9,80E-16	100			
19	-3,15E-17	-1,57E-16	100			
20	-2,99E-16	-1,50E-15	100			

посредственно относятся к самоопределению, а именно: дифференцированность образов Я, социальное –Я, деятельное Я, активность в достижениях, временная перспектива, ценностные ориентации, предпочитаемые сферы жизнедеятельности.

Структура личностного и профессионального самоопределения подростков –ненцев исследовалась при помощи факторного анализа. Использовались данные, которые непосредственно относятся к самоопределению. Факторный анализ проводился с использованием метода главных компонентов и включал в себя подпрограмму поворота факторных структур по принципу varimax. При этом было установлено ограничение на вывод компонентов с малыми факторными нагрузками, условие граничного значения выводимых нагрузок равно 0,4. Количество факторов при расчете не было ограничено. Название факторов определялось по совокупному анализу смысла компонентов, или же по пересекающемуся смысловому содержанию характеристик компонентов, входящих в фактор, поскольку фактор объединяет

в себя наиболее близкие в семантическом пространстве компоненты.

В ходе анализа было выделено 6 собственных факторов, имеющих значения превосходящие единицу, объясняющих 39,2% 18,2; 934; 5,99; 5,168% общей дисперсии. Процент информации, сохраненной в процессе группировки исходного массива переменных с помощью факторной модели составляет 87,97%(таблица 1).

Среди выделенных факторов, можно выделить важнейшие- т.е. объясняющие больший процент общей дисперсии и имеющие большую нагруженность и второстепенные, так первые два фактора по сравнению с остальными объясняет больший процент общей дисперсии. Факторный анализ полученных данных позволил выделить ряд факторов и получить следующие результаты (таблица 2).

Первый фактор однополярный и включает в себя 9 компонентов (расположены по мере убывания на-

Таблица 2. Матрицы перевернутых компонент (факторный анализ)

	Rotated Component Matrix(a)					
	Component					
	1	2	3	4	5	6
Дифференцир. Я		0,962				
Социал.Я		0,953				
Временная перспектива				0,959		
Деят.Я		0,785		0,41		
Професион.направлен.				0,959		
Активность					-0,832	
Саморазвит.						0,777
Духов. Удовл.			0,797			
Креатив.	0,749	-0,409				
Соц.актив	0,406		0,835			
Престиж			0,549		0,636	
Достж.	0,542				0,551	
Матер. полож	0,551				0,663	
Сохран. идив			0,544		0,561	
Проф.жизнь	0,857					
Обучение	0,856					
Семья	0,858					
Обществ.	0,862					
Увлеч.	0,44		0,554			
Физич. развит.						0,868

грузки в формировании данного фактора): сфера общественной активности (0,862); сфера семейной жизни (0,858); сфера профессиональной жизни (0,857); сфера обучения(0,856); креативность (0,749); высокое материальное положение (0,551); достижения (0,542); активные социальные контакты (0,406); сфера увлечений(0,44).

Данный фактор содержательно включает в себя основные сферы жизнедеятельности и ценностные ориентации, включающие в себя как прагматические ценности: материальное положение, как ценности материального благополучия, достижения, связанные со значимостью постановки и решения конкретных жизненных задач, так и духовные ценности- это креативность в виде ценности творческого преобразования среды и активных социальных контактов, воплощающиеся в значимости установления благоприятных отношений в различных сферах социального взаимодействия, в расширении своих межличностных связей, реализации своей социальной роли. Включая в себя содержательно все основ-

ные сферы. А также ценности реализации, достижений, творческого преобразования среды, и установление социально позитивных контактов во внешнем мире, данный фактор можно назвать «Достижения и реализация в социальной среде». Достижения и реализация во внешнем мире является характеристикой подросткового возраста, для которого действия во внешнем плане отражают их внутреннюю сущность. Эти данные соотносятся с достаточно высоким значением стремления к успеху, полученными при анализе особенностей личностного и профессионального самоопределения подростков коренных национальностей. Исследование ведущих ценностей у подростков коренных народов Севера позволил установить важность ценностей достижения и собственного престижа. Креативность, как ценность в этой группе выражена в меньшей степени, другими словами, подростки коренных народов в большей степени ориентированы на соблюдение определенных норм и правил, для них характерен консерватизм в противовес стремлению творчески самореализовываться.

Второй фактор биполярный и включает в себя 4 компонента: дифференцированность представлений о себе (0,962); социальные роли, включающиеся в социальное Я (0,953); деятельное Я, показывающее, насколько подросток включает в себя обозначение занятий, увлечений, а также самооценку способностей к деятельности (0,785); низкая значимость креативности (-0,409).

Данный фактор содержательно показывает осознанность собственных социальных ролей и активности, при этом ценность креативности показывает стремление следовать общественным нормам и правилам. Другими словами, данный фактор можно назвать «Направленность на общественно-одобряемую социальную активность».

Выделение данного фактора показывает, что представления о себе, о том, кто «Я», все составляющие личного и профессионального «Я», уровень рефлексии является структурными компонентами личного и профессионального самоопределения. При этом, исследование уровня этих содержательных компонентов в группе подростков коренных народов Севера показало их низкий уровень развития. Характеризуя данную группу подростков, можно выделить низкую степень развития осознанных представлений о себе, низкую рефлексивность, которая позволяет понимать и осознавать свои личностные характеристики. Низкий уровень представленности социальных характеристик в самоописаниях, слабо выраженное представление о своем социальном Я, своих социальных ролях, как настоящих, так и будущих. Это свидетельствует о сложностях в выполнении правил, которые исходят от тех или иных социальных ролей. Отсутствие социальных ролей так же может быть свидетельством кризиса идентичности или инфантильном развитии личности. Таки образом, на наш взгляд именно этот структурный компонент требует наиболее пристального внимания в плане развития и формирования, поскольку, входя в структуру личностного и профессионального самоопределения, он слабо развит у подростков коренных народов Севера.

Третий фактор однополярный и включает в себя 4 компонента: ценность активных социальных контактов (0,835); духовное удовлетворение (0,797); собственный престиж (0,554); сфера увлечений (0,549); сохранение индивидуальности (0,544).

Данный фактор, так же, как и первый, включает в себя ценности (прагматические и духовные), а также сферу увлечений, в отличие от первого фактора здесь содержательно включены ценности, направленные на себя, следовательно, третий фактор можно назвать: «Направленность на самореализацию». Закономерность выде-

ления данного фактора подтверждается исследованиями смысложизненных ориентаций в группе подростков коренных народов Севера. Наиболее значимыми ценностями выступают ценность собственного престижа, достижения. Анализ иерархии ценностных ориентаций показал ее прагматическую (эгоистически-престижную) направленность, поскольку наиболее важными ценностями в этой группе выступают собственный престиж и достижения. Подростки коренных народов Севера ориентированы на завоевание своего признания в обществе путем следования определенным социальным требованиям, а также для них важно ставить и решать конкретные жизненные задачи. Кроме того, данные по жизненным сферам показали, что для подростков коренных народов Севера важнее познать свои индивидуальные особенности, развивать свои способности и другие личностные характеристики.

Четвертый фактор однополярный и включает в себя 3 компонента: временная перспектива (представление о своем будущем, направленность в будущее) (0,959); профессиональная направленность (0,959); деятельное Я, показывающее, насколько подросток включает в себя обозначение занятий, увлечений, а также самооценку способностей к деятельности (0,41).

Исходя из содержания компонентов, данный фактор отражает активное самоопределение в будущей профессии, его можно назвать: «Профессиональное будущее». Качественный анализ профессионального самоопределения и профессиональной направленности показал, что ее неформальность и размытость, низкий уровень развития, что, в целом, является отражением общей тенденции у современных подростков. Таким образом, этот структурный компонент так же требует наиболее пристального внимания в плане развития и формирования, т.к. поскольку, входя в структуру профессионального самоопределения, он слабо развит у подростков коренных народов Севера.

Пятый фактор биполярный и включает в себя 5 компонентов: боязнь неудачи (обратное значение мотивации к успеху) (-0,832); высокое материальное положение (0,663); собственный престиж (0,636); сохранение собственной индивидуальности (0,561); собственные достижения (0,551).

Данный фактор содержательно включает в себя прагматические ценности и мотивацию избегания неудачи, исходя из содержания компонентов данный фактор отражает негативные ожидания в сфере прагматических (эгоистически престижной направленности), или их избегание, соответственно, данный фактор получил название «Направленность на реализацию духовно-нравственных ценностей».

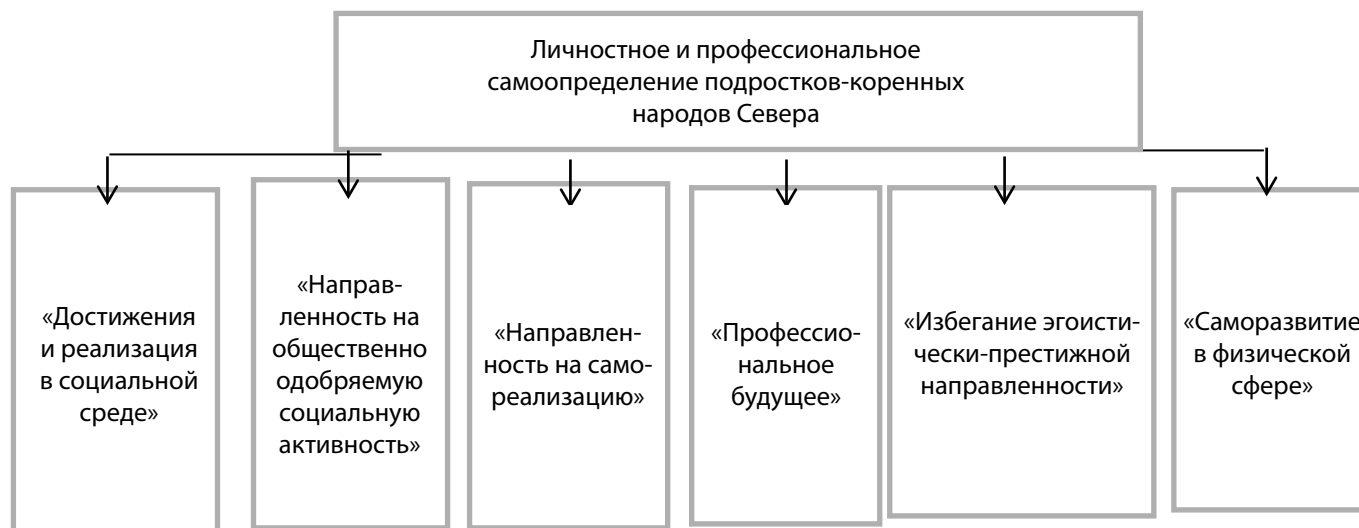

Рис. 1. Содержательная структура личностного и профессионального самоопределения подростков — коренных народов Севера

Шестой фактор однополярный, включает в себя 2 компонента: саморазвитие (0,868) и сфера физической активности (0,777). Данный фактор отражает возрастные закономерности развития подростков коренных народов Севера. Данный фактор отражает возрастные особенности, связанные с важностью саморазвития в физической сфере, совершенствования внешней красоты тела. Исходя из содержания, данный фактор получил название «Саморазвитие в физической сфере». Качественный анализ данных, входящих в фактор «Саморазвития в физической сфере» в группе подростков коренных народов Севера показал, что подростки коренных народов ориентированы на саморазвитие, развитие своих внутренних качеств (высокий уровень значимости ценности «саморазвитие»). А также большое значение, как и для всех подростков, для подростков коренных народов имеет физическая привлекательность (высокий уровень значимости физической сферы).

Таким образом, на основе полученных данных, можно сформировать структуру личностного и профессионального самоопределения подростков-коренных народов Севера (рис. 1).

Выделение структуры профессионального и личностного самоопределения, а так же качественный анализ уровня развития составляющих ее компонентов показали, что наиболее проблемными в плане развития и сформированности является структурный компонент «Направленность на общественно одобряемую социальную активность», содержащий дифференцированность представлений о себе, социальные роли, включающиеся в социальное Я, деятельное Я, показывающее,

насколько подросток включает в себя обозначение занятий, увлечений, самооценку способностей к деятельности, креативность. И структурный компонент «Профессиональное будущее», состоящий из временной перспективы (представление о своем будущем, направленность в будущее); профессиональной направленности, деятельного Я.

Таким образом, для успешного развития личностного и профессионального самоопределения, на наш взгляд, необходимо, включать подростков коренных народов Севера в социально значимую деятельность, развивать осознание собственных социальных ролей, понимание своих интересов, возможностей, способностей, своих склонность к определенной профессионально деятельности и понимание возможных перспектив этой деятельности, а так же построение своего будущего в соответствии с задуманными профессиональным развитием.

С этой целью следует организовать специальные факультативные занятия, которые будут содержать как образовательный компонент, так и элементы тренинговых занятий, на которых подростки смогут развивать рефлексивность, дифференцированность представлений о себе. Так же необходимо включение подростков в социально-активную деятельность- участие в образовательной практике «Кочевая школа», что позволит в социально-полезной деятельности проявить свои общие педагогические способности, а также понять особенности педагогической профессии, построить временную перспективу собственной педагогической профессиональной деятельности, сформировать мотивацию к педагогической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лишин О.В., Бостанджиева Т. М., Проворова И.С. Особенности личностного самоопределения ненецких детей в условиях школы-интерната // Вопросы психологии. — 1990. — № 2. С. 70–77.
2. Мухина В. С. Возрастная психология. Феноменология развития. — М.: Академия. — 608 с.
3. Поливанова К. Н. Психология возрастных кризисов. -М.: Издательский центр, 2000. —184 с.
4. Практическая психология образования / под ред. И. В. Дубровиной. — СПб.: Питер, 2004. -592 с.
5. Сафин В. Ф., Ников Г. П. Психологический аспект самоопределения личности // Психологический журнал. — 1984. — Т. 5.-№ 4. -С. 65–73.
6. Фельдштейн Д. И. Трудный подросток. — Москва: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Модэк, 2008. — 208 с.

© Лезина Юлия Юрьевна (yamal_lezina@bk.ru), Бостанджиева Татьяна Михайловна (bost.vi@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева (филиал) ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет»

ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЙ КОММУНИКАТИВНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЦ С ТЯЖЕЛОЙ ЗРИТЕЛЬНОЙ ПАТОЛОГИЕЙ В РЕЗУЛЬТАТЕ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННЫХ ЗАНЯТИЙ

PECULIARITIES OF CHANGES IN THE COMMUNICATIVE ACTIVITY OF PERSONS WITH SEVERE VISUAL PATHOLOGY IN TARGETED CLASSES

O. Medintseva

Summary. the article deals with the peculiarities of the communication process and presents the research data to identify the peculiarities of communicative activity of persons with severe visual impairment before and after targeted training.

Keywords: disability, communication, communicative activity, communicative skills, vision, communication, typhlopedagogy, socio-psychological training, psycho-correction.

Мединцева Ольга Владимировна

Соискатель, Институт Специальной педагогики
и психологии им. Р. Валленберга
olgasosalina@yandex.ru

Аннотация. в статье рассматриваются особенности процесса общения и представлены данные исследования по выявлению особенности коммуникативной активности лиц с тяжелой зрительной патологией до и после целенаправленных занятий.

Ключевые слова: инвалид, коммуникация, коммуникативная активность, коммуникативные умения, нарушение зрения, общение, тифлопсихология, социально-психологический тренинг, психокоррекция.

Коммуникативная активность человека в окружающем его многомерном пространстве изучается на разном уровне и в разных формах ее проявления.

Коммуникативная активность, непосредственная или косвенная создает человеку условия для его социального, культурного, физического функционирования. Благодаря коммуникации человек осваивает опыт прошлого, существует в реальном социально-культурном пространстве настоящего, планирует будущее.

Коммуникативная активность проявляется в «субъект-субъектных» отношениях в виде содействия-противодействия, согласия-противоречия, сопереживания. Раскрытие механизмов, связей, смыслового содержания, структуры индивидуальных значений общения, взаимодействия становится важной задачей психологического исследования коммуникативной активности личности.

В связи с имеющимися трудностями в коммуникативной активности людей с тяжелой зрительной патологией, а также в связи с тем, что данный процесс недостаточно изучен — изучение процесса общения и сегодня является актуальным. Также актуальным, делает изучение данного вопроса и тот факт, что в тифлопсихологии процесс общения рассматривается как компонент компенсации дефекта, реабилитации и интеграции незрячих людей в обществе.

Несмотря на актуальность проблемы, связанной с возросшей потребностью в активности инвалидов по зрению, в настоящее время в тифлопсихологии новые исследования по данному направлению малочисленны.

Целью нашего исследования было определение изменений уровня коммуникативной активности и качество сформированности основных коммуникативных умений у лиц с тяжелой патологией зрения после участия в занятиях, направленных на развитие коммуникативной активности, проводимых с помощью социально-психологического тренинга.

При обобщении характеристики обследуемой группы по преимущественным показателям, можно отметить, что это женщины с тяжелым нарушением зрения (приобретенным в зрелом возрасте) от 20 до 40 лет, имеющие, в основном, среднее образование (95% – 19 человек), 1 человек (5%) имеет среднее специальное образование. Общий стаж слепоты обследуемой группы от 4–6 лет, исследуемые обладают остротой зрения от 0 до визуса 0,03 на лучшем глазу (показатель соответствующий инвалидам 1 группы по зрению).

В исследовании приняли участие 20 человек.

Для представления выборки была использована методика: «Тест коммуникативных умений» Л. Михельсона (адаптированный Ю.З. Гильбухом). [6] Данная методика

Таблица результатов исследования по методике коммуникативных умений Михельсона.
Перевод и адаптация Ю.З. Гильбуха

№№	факторы	Общий балл по фактору	Тип реагирования до занятий			Общий балл по фактору	Тип реагирования после занятий		
			зависимый	компетентный	агрессивный		зависимый	компетентный	агрессивный
1	Умение оказывать и принимать знаки внимания	80	40 б. 50%	21 б. 26%	16. 24%	80	18 б. 22,5%	49б. 61,3%	13б. 16,2%
2	Реагирование на справедливую критику	40	11 б. 26,8%	9 б. 22%	21б. 51,2%	40	7 б. 17,5%	17 б. 42,5%	16 б. 40%
3	Реагирование на несправедливую критику	40	11 б. 27,5%	9 б. 22,5%	20б. 50%	40	7 б. 17,5%	15 б. 37,5%	18б. 45%
4	Реагирование на задевающее, провоцирующее поведение собеседника	100	15 б. 15%	17 б. 17%	68б. 68%	100	12 б. 12%	48 б. 48%	40 б. 40%
5	Умение обратиться с просьбой	40	32 б. 80%	6 б. 15%	2 б. 5%	40	8 б. 20%	30б. 75%	2 б. 5%
6	Умение ответить отказом на чужую просьбу	60	50б. 83,3%	4 б. 6,7%	6 б. 10%	60	23 б. 38%	32б. 54%	5б. 8%
7	Умение самому оказывать сочувствие, поддержку	40	25 б. 62,5%	15 б. 37,5%	0 б. 0%	40	5 б. 12,5%	35б. 87,5%	0 0
8	Умение самому принимать сочувствие и поддержку	40	20 б. 50%	5 б. 12,5%	37,5б. 37,5%	40	7 б. 17,5%	26 б. 65%	7 б. 17,5%
9	Умение вступать в контакт с другим человеком, контактность	39	30 б. 77%	4 б. 10%	5 б. 13%	40	15б. 38%	23 б. 59%	2б. 3%
10	Реагирование на попытку вступить с тобой в контакт	40	15 б. 37,5%	19 б. 47,5%	6 б. 15%	40	6 б. 16%	29 б. 78,5%	2 б. 5,5%

дает информацию по таким критериям, которые и характеризуют процесс общения.

Как отмечалось ранее, в статье «Особенности коммуникативной активности лиц с тяжелой зрительной патологией» [5], факторный анализ проведенного исследования показал, что большинство испытуемых (от 50–83%) проявляют зависимый (некомпетентный) способ реагирования по различным видам коммуникативных умений.

Сравнительный анализ, проведенных исследований по указанной методике до и после целенаправленных занятий с использованием социально-психологического тренинга выявил следующие показатели по факторам, входящим в методику исследования коммуникативных умений Михельсона (перевод и адаптация Ю.З. Гильбуха).

По фактору, демонстрирующему коммуникативные умения «оказывать и принимать знаки внимания», мож-

но отметить, что до занятий преобладающим способом реагирования был зависимый или неуверенный и присутствовал он у 50%, участвующих в занятиях, компетентный способ реагирования присутствовал у 26%, агрессивный способ реагирования выявлен у 24% испытуемых. По окончании занятий преобладающим стал компетентный способ реагирования у 61,3% участников занятий, зависимый и агрессивный способы реагирования и участников занятий снизились и продемонстрировали данные способы реагирования 22,5% и 16,2% участников соответственно.

Анализ показателей по фактору «реагирование на справедливую критику», выявил, что до занятий преобладающим способом реагирования был агрессивный способ реагирования и присутствовал он у 51,2% участников эксперимента, а зависимый и компетентный способы реагирования присутствовали у 26,8% и 22% участников занятий, соответственно, по окончании занятий основным способом реагирования стал компетент-

ный и проявился он у 42,5% участников эксперимента, агрессивный снизился и продемонстрировали его 40% респондентов, а зависимый способ реагирования показали 17,5% участников занятий.

Фактор «реакция на несправедливую критику» также претерпел некоторые изменения. Если до занятий, преобладающим способом реагирования был — агрессивный способ реагирования, который наблюдался у 50% испытуемых, а зависимый и компетентный способы реагирования наблюдались у 27,5% и 22,5% участников, соответственно, то, по окончании занятий основным способом реагирования, не смотря на снижение уровня, остался прежний способ реагирования, т.е. агрессивный. И наблюдался он у 45% участвующих в эксперименте. Но, здесь также необходимо отметить возросший уровень компетентного реагирования до 37,5% испытуемых и снижение уровня зависимого реагирования до 17,5% испытуемых.

Сравнительный анализ результатов исследования до и после занятий по фактору «реакции на задевающее, провоцирующее поведение собеседника», выявил следующее: до занятий преобладающим способом реагирования был агрессивный способ реагирования и проявился он у 68% испытуемых, а зависимый и компетентный показали 15% и 17% испытуемых, соответственно. По окончании занятий, можно наблюдать следующее: основной способ реагирования изменился с агрессивного на компетентный и продемонстрировали его 48% участников занятий, зависимый и агрессивный способы реагирования по окончании занятий уменьшились и проявились у 12% и 40% испытуемых соответственно.

Исследования и анализ полученных результатов по фактору «умение обратиться с просьбой» выявили следующее: до начала занятий преобладающим способом реагирования был зависимый способ реагирования и проявился он у 80% участников эксперимента, а компетентный и агрессивный способы реагирования составляли 15% и 5%, соответственно. По завершении занятий основным способом реагирования изменился, основным способом реагирования стал компетентный способ реагирования и показали его — 75% участников занятий, зависимый способ реагирования уменьшился и выявился у 20% испытуемых, а агрессивный способ реагирования остался на прежнем уровне у 5% участников занятий.

Анализ показателей по фактору «умение ответить отказом на чужую просьбу» выявил следующее: до начала занятий преобладающим способом реагирования был зависимый способ реагирования и продемонстрировали его 83,3% респондентов, а компетентный и агрессивный способы реагирования показали 6,7% и 10% участников занятий, соответственно. По окончании

занятий основной способ реагирования у испытуемой группы изменился с зависимого способа реагирования на компетентный и показали его — 54% участвующих в эксперименте, а зависимый и агрессивный способы реагирования уменьшились и присутствовали у 38% и 8% испытуемых соответственно.

Фактор «умение самому оказывать сочувствие, поддержку» так же претерпел изменения. До занятий преобладающим способом реагирования был зависимый способ реагирования — у 62,5% участников занятий, а компетентный способ реагирования наблюдался у 37,5%, агрессивный способ реагирования отсутствовал. По окончании занятий основной способ реагирования изменился — основным способом реагирования стал компетентный и выявился он у 87,5% респондентов, а зависимый способ реагирования уменьшился, и показали его 12,5% испытуемых.

Анализ результатов по фактору «умение самому принимать сочувствие и поддержку» показал следующее: до занятий преобладающим способом реагирования был зависимый и показали его 50% участвующих в занятиях, компетентный способ реагирования показали 12% участников, а агрессивный способ реагирования проявился у 37,5% испытуемых. По окончании занятий основной способ реагирования изменился и им стал компетентный и показали его 65% испытуемых, зависимый и агрессивный способ реагирования уменьшились и проявились у 17,5% участников занятий по обоим показателям.

До начала занятий результаты анализа по фактору «умение вступать в контакт с другим человеком» показали, что преобладающим способом реагирования был зависимый способ реагирования — у 77% испытуемых, компетентный реагирования показали 10% участников эксперимента, агрессивный способ реагирования присутствовал у 13% респондентов. По окончании занятий основной способ реагирования изменился. Основным способом реагирования стал компетентный и присутствовал он у 59% участников, а зависимый способ реагирования уменьшился и стал составлять у 38% участников занятий, агрессивный способ реагирования уменьшился и показали его — 3% респондентов.

Анализ исследования по фактору «умение вступать в контакт по инициативе другого человека» выявил, что до занятий преобладающим способом реагирования был компетентный способ реагирования — у 47,5% испытуемых, зависимый и агрессивный способы реагирования — у 37,5% и 15% участников занятий соответственно. По окончании занятий основной способ реагирования остался прежний, но увеличилось количество участников, которым стал присущ данный спо-

соб реагирования — 78,5% участников эксперимента, а зависимый и агрессивный способы реагирования у испытуемых уменьшились и стали составлять 16% и 5,5% соответственно.

Следует отметить, что психокоррекционные занятия в форме социально-психологического тренинга у данной группы испытуемых проводились регулярно 1 раз в неделю в течении двух лет, продолжительность занятий составляла 2,5–3 часа. Психокоррекционные занятия были направлены на развитие коммуникативной компетентности и коммуникативной активности у лиц с тяжелым нарушением зрения. Упражнения в тренинговых занятиях были адаптированы для данной категории

респондентов, с учетом степени поражения зрительных функций.

Таким образом, можно сделать вывод, что компетентный способ реагирования, как наиболее желательный и способствующий адекватному общению в большинстве коммуникативных ситуаций стал наиболее выраженным после участия испытуемых в занятиях. Также можно отметить, что полученные результаты позволяют сделать вывод о возможности коррекции и развития коммуникативной активности у лиц с тяжелой зрительной патологией с помощью целенаправленных психокоррекционных занятий в форме социально-психологических тренинговых занятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьева Н. А. Диагностические принципы распознавания коммуникативных качеств личности // Ученые записки. Рос. гос. социального ун-та. № 5. Спецвып. М., 2006. Н. А. Ананьева.
2. Трудности в общении инвалидов по зрению и пути их устранения: методические рекомендации / В. А. Бараш, Ю. Г. Демьянов, Т. П. Головина, В. М. Сорокин; под ред. А. Г. Литвака М., 1991. 376 с.
3. Головина Т.П., Никулина Г. В., Фомин В. А. Самооценка и отношения к дефекту в процессе реабилитации инвалидов по зрению. Некоторые вопросы социальной реабилитации инвалидов по зрению. М., 1995. С. 33–44.
4. Литвак А. Г. Психология слепых и слабовидящих: учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. СПб. 2006. 336 с.
5. Мединцева О.В. Особенности коммуникативной активности лиц с тяжелой зрительной патологией // Успехи современной науки. 2016. № 7. Том 1
6. <http://azps.ru/tests/5/mihelson.html> Тест коммуникативных умений Л. Михельсона (перевод и адаптация Ю. З. Гильбуха).

© Мединцева Ольга Владимировна (olgasosalina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Институт Специальной педагогики и психологии им. Р. Валленберга

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И КОЛЛЕКТИВНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОСТИ У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

INDIVIDUAL AND COLLECTIVE CREATIVITY AS FACTORS OF DEVELOPMENT OF CREATIVITY AT SENIOR PRESCHOOL CHILDREN

E. Ranneva

Summary. The article attempts to describe the system approaches to the problem of creativity, as well as the factors of its development in preschool children through individual and collective creativity.

The conclusion about gradual change of ideas about creativity due to the capacity of the concept in the development of psychology as a science is made.

In the article on the basis of the analysis of the conducted research among senior preschool children creativity and its change by means of individual and group creativity is investigated.

Keywords: creativity, individual creativity, group creativity, communication skills.

Раннева Екатерина Юрьевна

*Аспирант, Московский городской педагогический университет
ippro.info@mgpu.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка системного описания подходов к проблеме креативности, а также факторов ее развития у детей старшего дошкольного возраста посредством индивидуального и коллективного творчества.

Делается вывод о постепенной смене представлений о креативности из-за емкости самого понятия в процессе развития психологии как науки.

В статье на основе анализа проведенного исследования среди старших дошкольников исследуется креативность и ее изменение средствами индивидуального и группового творчества.

Ключевые слова: креативность, индивидуальное творчество, групповое творчество, коммуникативные навыки.

Для успешного управления процессом развития креативности старшего дошкольника необходимо, в первую очередь, анализ понятия «креативность», определение его структуры, содержания, основных подходов к диагностике. Такого рода анализ позволит лучше разобраться в практических возможностях развития креативности. Для осуществления данной цели необходимо тщательно изучить имеющиеся в настоящее время подходы изучения проблемы в психолого-педагогической литературе.

Для данного понятия в связи с большим количеством подходов в определении не существует единого взгляда на эту проблему. Как и другие сложные понятия в психологии, креативность характеризуется противоречивостью, многоплановостью и разными теоретическими подходами исследователей.

В общем виде многие исследователи обозначают креативность как общую способность к творчеству, когда человек способен порождать оригинальные идеи, принимать необычные решения, избегать традиционных схем мышления.

Впервые понятие «креативность» использовал Д. Симпсон в 1922 году, обозначая ее способностью человека отказываться от стереотипных способов мышления.

За долгие годы исследования этого феномена был накоплен большой и содержательный объем материала, но на данное время, все же, не существует четкого определения понятия «креативность» в психологии в силу его широты и многогранности, единой и стройной теории креативности до сих пор не существует, как и не существует одинакового ее определения и всеми признанных методик, диагностирующих данную способность.

Рассмотрим креативность в русле направлений и хронологически.

Представители первого направления преподносят креативность в рамках когнитивной психологии. Ими являются Дж. Гилфорд, Э.П. Торренс, Я.А. Пономарев, Р. Стернберг, С.А. Медник и др.

В 50-х гг. XX в. Дж. Гилфордом в связи с исследованием одаренности утверждается понятие креативно-

сти как способности генерировать идеи, вырабатывать стратегии, а также способы решения задач. Важным стало предпринятое Дж. Гилфордом разделение мышления на конвергентное — логическое, направленное на поиск единственно верного решения, и дивергентное — творческое, способное предлагать множество идей и решений. Так было положено начало разграничения интеллектуальной и творческой одаренности [1].

Дальнейшее развитие эта программа получила в исследованиях Э.П. Торренса. Креативностью Э.П. Торренс считает способность к обостренному восприятию недостатков, пробелов в знаниях, дисгармонии и т.д. Он считает, что творческий акт можно разделить на восприятие проблемы, дальнейший поиск решения, возникновение и формулировку гипотез, проверку гипотез, их модификацию и нахождение результата. Отражая протекание всех вышеизложенных операций и разрабатывая собственные варианты методик (их мы рассмотрим чуть более подробно в связи с использованием собственной модификации параметров креативности в нашем исследовании), Э.П. Торренс модифицирует тесты Дж. Гилфорда. В тесте Э.П. Торренса (рассматриваем адаптированный в России вариант Е.А. Авериной и Е.И. Щеблановой) оцениваются следующие четыре параметра креативности:

- ◆ продуктивность как способность к продуцированию максимально большого числа идей;
- ◆ оригинальность как способность выдвигать новые неожиданные идеи, отличающихся от широко известных и банальных;
- ◆ гибкость как способность легко переходить от явлений одного класса к явлениям другого класса;
- ◆ разработанность как способность разрабатывать выдвинутые и избранные идеи [2].

В отечественной психологии идея разделения уровня развития интеллекта и творческих способностей принадлежит Я.А. Пономареву.

Творческий продукт, по Пономареву,— результат включения интуиции.

Это объясняется тем, что непосредственно творческий процесс является развитием внутреннего плана действий путем сложного взаимодействия осознаваемых и интуитивных компонентов принятия решения.

Одной из последних по времени возникновения концепций креативности является так называемая «теория инвестирования», предложенная Р. Стернбергом и Т. Любартом. Эти авторы считают креативным такого человека, который стремится и способен «покупать идеи по низкой цене и продавать по высокой». В теориях кре-

ативности Р. Стернберга и Т. Любарта ключевым понятием является решение проблем. Чувствительность к проблемам является начальной предпосылкой креативного процесса. Исследователи не отождествляют креативность с интеллектом. Однако, по их мнению, интеллектуальные способности наряду со знаниями, мотивами и личностными характеристиками служат источником творчества [3].

Несколько другая оригинальная концепция, лежит в основе разработанного американским психологом С. Медником теста RAT (тест отдаленных ассоциаций).

С. Медник полагает, что в творческом процессе присутствует обе составляющие: и конвергентная, и дивергентная. По его мнению, чем из более отдаленных областей взяты элементы проблемы, тем более креативным признается процесс ее решения. Таким образом, дивергенция заменяется актуализацией отдаленных зон смыслового пространства. Но вместе с тем, синтез элементов может быть нетворческим и стереотипным [3].

Личностный подход к изучению креативности представлен исследователями экзистенциально — гуманистического направления. Такими как, например, А. Маслоу и К. Роджерс. Ими креативность рассматривается с позиции своеобразия личностных особенностей человека и его стремлении самовыражения их.

Д.Б. Богоявленская же предлагает трудоемкий и сложный метод, называемый методом «креативного поля». Основными принципами которого являются: отсутствие внешней и внутренней оценочной стимуляции, отсутствие потолка в исследовании объекта (в целом в деятельности), длительность эксперимента (отсутствие ограничений во времени и многократность)[4].

Таким образом, проследив направление движения в рамках изучения креативности, можно сделать вывод о том, что максимальное развитие получили исследования, отразившие связь креативности с интеллектом человека, а также его личностными чертами.

Исходя из анализа феномена креативности и идей, связанных с ее изучением, была произведена попытка организовать индивидуальное и коллективное творчество на базе старших и подготовительных групп одной из образовательных организаций города Москвы с целью отследить динамику креативности старших дошкольников.

Построение концепции психолого-педагогического использования индивидуального и коллективного творчества как средства развития креативности старшего дошкольника представляет собой сравнение двух ча-

стей: системы факторов развития креативности в старшем дошкольном возрасте и комплекса возможностей индивидуального и коллективного творчества. На основе этого сравнения может быть осуществлен поиск способов адекватного воспроизведения закономерностей развития креативности ребенка старшего дошкольного возраста в структуре с психологическим и педагогическим обоснованием, целенаправленно организованного индивидуального и коллективного творчества.

Решение проблемы отсутствия реальной возможности стимулирования у старших дошкольников творческой деятельности возможно в реализации серии творческих занятий индивидуального и группового типа.

На основе изученной литературы мы обозначили следующие особенности детского творчества: субъективность новизны продукта, важность результата творческой деятельности уступает место важности ее процесса вследствие сильной эмоциональной вовлеченности дошкольника, ориентировочная деятельность, когда замысел рождается не первым, а в процессе деятельности ребенка, отсутствие критичности к продукту собственного творчества.

В отечественной психологии позиционируется единство общения и деятельности. Различные формы общения включены в специфические формы совместной деятельности.

Совместной деятельностью будем считать деятельность со следующими характеристиками:

- ◆ её задачи воспринимаются как групповые, требующие кооперации при решении;
- ◆ существует взаимная зависимость при выполнении работы, которая требует распределения обязанностей, взаимного контроля и ответственности.

Исследователь Л. И. Уманский выделяет разновидности совместной деятельности:

- ◆ совместно-индивидуальная (участник делает свою часть общей работы независимо от других);
- ◆ совместно-последовательная (общая задача последовательно выполняется каждым участником);
- ◆ совместно-взаимодействующая (одновременное взаимодействие каждого участника со всеми остальными).

Представляется важным выделить особенности совместной деятельности старших дошкольников как условия развития творчества:

- 1) Старшие дошкольники, взаимодействия, являются равнозначными субъектами совместной дея-

тельности, тогда как взаимодействуя со взрослыми, дети чаще являются ведомыми, отказываются от своей самостоятельности и инициативности

- 2) Разнообразие субъектного опыта участников коллективной деятельности и применения их способностей ведёт в свою очередь к обогащению деятельности, а также самих участников этой деятельности, что впоследствии позволяет прийти к существенно новому результату.

- 3) Игровой характер коллективной деятельности при обязательном наличии продуктивного результата в дошкольном детстве позволяет процессу деятельности быть насыщенным и относительно свободным, без многочисленных стеснений и рамок.

Таким образом, очевидно, что коллективная деятельность детей может эффективно повлиять на развитие творчества старших дошкольников. Анализ исследований по проблеме коллективной деятельности в дошкольном детстве показывает, что дети старшего дошкольного возраста достаточно легко вступают в объединение, при этом достаточно легко их разбивают; если содержание коллективной деятельности не интересно ребёнку, то сама совместная деятельность переходит в собственно деятельность общения или прекращается вовсе. Таким образом, важным становится необходимость организующего, мотивирующего начала со стороны взрослого на начальных этапах освоения совместной деятельности.

Направление диагностического этапа эксперимента имело цель — диагностировать уровень сформированности творческого мышления старших дошкольников.

Методика диагностики включала два этапа, содержание которых обусловлено содержанием и взаимосвязью креативного и интеллектуального компонентов творческой активности. Результат выполнения диагностических заданий служил материалом, на основе которого оценивались уровни сформированности каждого компонента. Для достижения поставленной цели был разработан комплекс диагностических заданий, соответствующих содержанию выделенных компонентов.

Первым из которых оказалась необходимость выявления креативного компонента. Задача явилось выявление у детей старшего дошкольного возраста уровня сформированности следующих показателей творческого мышления: беглости, гибкости, оригинальности и работоспособности. При прочих равных, наибольший вес для нас представлял показатель гибкости, а работа проводилась индивидуально и в группах.

Следующим этапом диагностики послужил интеллектуальный компонент. Задачей явилось изучение степени

сформированности у детей логических операций: анализ, синтез.

Далее у одной части групп проводились серии коллективных творческих занятий разных форм (совместно-индивидуальная, совместно-последовательная и совместно-взаимодействующая), а также индивидуальных.

Таким образом, по завершении формирующей части эксперимента был проведен анализ, по результатам которого мы можем говорить о значительном увеличении продуктивности для экспериментальной группы в индивидуальной форме — на 40%, в групповой форме — на 37%. В контрольной же группе произошли не такие значительные изменения продуктивности в индивидуальной форме — на 15% и совсем незначительные для групповой формы — на 6%.

Соотношение продуктивности в индивидуальной и групповой форме на констатирующем и формирующем этапе исследования практически не поменялось. Слегка выше рост показателей при индивидуальной работе. Это говорит о многофакторности влияния на креативность старших дошкольников. Также повысился уровень оригинальности мышления и возросли показатели по параметру «разработанность», что повлияло на рост показателей беглости и гибкости мышления.

Резюмируя, можно обобщить следующее: индивидуальное и коллективное творчество является действенным воспитывающим средством для дошкольников, возможности которого достаточно широки, но довольно мало используются в практике работы дошкольных учреждений. Индивидуальное и коллективное творчество активно воздействует на процесс формирования психики ребенка, в том числе и на формирование креативности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Guilford J. P. The nature of human intelligence // N.Y.: Me Gaw Hill. 1967
2. Савенков А. И. Психология детской одаренности // Генезис. 2009. С. 203–219
3. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер, 2009. С. 157–203
4. Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей // М. 2001

© Раннева Екатерина Юрьевна (irpo.info@mgpu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский городской педагогический университет

АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ВУЗА

AKMEOLOGICHESKY ANALYSIS OF FEATURES OF INTERACTION OF SUBJECTS OF EDUCATIONAL PROCESS OF HIGH SCHOOL

F. Rekesheva

Summary. The psychological analysis of the interaction category is presented in the article. The process of interaction between subjects of the educational process of review in relation to the system of higher education. Some interactions and impacts of training and trainees on each other are shown. The direction of the educational process in modern conditions is considered. Subject-subject and subject-object relationships are defined that form a complex structure of interaction between students and teachers.

Keywords: development of interaction, subject-subject relations, subject-object relations, effectiveness of interaction, competitiveness of the individual.

Рекешева Фарида Марсильевна

*К.псх.н., Астраханский государственный университет
rekesheva@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлен психологический анализ категории взаимодействия. Процесс взаимодействия между субъектами образовательного процесса рассматривается применительно к системе высшего образования. Показаны некоторые взаимодействия и воздействия обучающихся и обучаемых друг на друга. Рассмотрена направленность образовательного процесса в современных условиях. Определены субъект-субъектные и субъект-объектные связи, образующие сложную структуру взаимодействия студентов и преподавателей.

Ключевые слова: развитие взаимодействия, субъект-субъектные отношения, субъект-объектные отношения, эффективность взаимодействия, конкурентоспособность личности.

Введение

Изменения, происходящие в современном российском обществе, создают новые условия жизнедеятельности, что в свою очередь диктует новые задачи перед общественными институтами, в том числе перед высшим образованием. Современные образовательные технологии, совместно с традиционными, призваны повысить качество образования и помочь будущим профессионалам эффективно интегрироваться в профессиональную жизнь. Новые условия, новые требования общества и новые технологии сделали процесс подготовки студентов многоаспектным. Данный факт продиктован только требованиями времени, но и требованиями законодательства. В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» образование трактуется как единство процессов обучения и воспитания, где большое внимание уделено личностному, духовно-нравственному и физическому развития обучающегося. Особое внимание уделяется формированию личностных, предметных и метапредметных компетенций. Таким образом, образовательный процесс необходимо нацеливать на формирование у будущего специалиста, необходимого арсенала компетенций. Выработанная система компетенций должна помочь человеку оптимально развиваться в профессиональном, личностном и социальном плане.

При этом, такие задачи, как развитие у студентов в процессе обучения качеств, способствующих профессиональному и личностному росту, ставились и ранее, но на сегодняшний день данный аспект находится в приоритете. Такая постановка вопроса влечет за собой переосмысление сложившихся взаимоотношений и взаимодействий между преподавателями и студентами. Актуальность приобретают продуктивные и конструктивные взаимоотношения в учебной и воспитательной деятельности, где те и другие выступают субъектами отношений [5].

Основная часть

Говоря о взаимодействии субъектов образовательного процесса необходимо понять сущность данного понятия. К категории взаимодействия, в общем понимании, проявляли интерес различные научные отрасли, среди которых особый интерес представляют философские взгляды, так как именно они лежат в основе методологии других наук, являясь их базовой основой.

Опираясь на теоретический общенаучный анализ понимания взаимодействия можно выделить различные признаки: в процессе взаимодействия происходит постоянный взаимное перетекание субъекта в объект и объекта в субъект, а этот факт обеспечивает их взаимообусловленность; взаимодействие может возникнуть

только тогда, если есть не менее двух объектов; участники взаимодействия подчинены некой общей цели; при взаимодействии имеется двусторонняя взаимосвязь объектов, оказывающая на них влияние и производящая различные изменения (частичные или целостные) [1, 2].

Все рассматриваемые признаки в разной степени значимости находят выражение в психологическом понимании взаимодействия. Например, в работах С.Л. Рубинштейна исследуемое понятие рассматривается в контексте понятия отражения, где отражение одних явлений другими понимается как взаимодействие. А.А. Бодалев раскрывает данное понятие через роль познания человека человеком, выделяя условия взаимодействия людей друг с другом. А.Н. Леонтьев рассматривает понятие взаимодействия через призму теории деятельности. Разнообразные аспекты взаимодействия субъекта с его окружением, где человек выступает субъектом, описывает Д.А. Леонтьев. Е.И. Головаха определяет взаимодействие как совместное отношение людей к объекту деятельности. А.В. Петровский рассматривает механизмы взаимодействия людей с позиции межличностных отношений. С позиции активности личности взаимодействие рассматривается К.А. Абульхановой-Славской. В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев выделяют два основных вида взаимодействия, такие как кооперацию и конкуренцию [1].

Таким образом, на основании теоретического анализа психологической литературы, можно выделить особенности понятия взаимодействия. Первая особенность — это системность, где различные изменения одного явления отражаются на других, при этом образованная система активно реагирует на изменение других явлений, воздействующих на него (по С.Л. Рубинштейну). Второй особенностью является включенность в совместную деятельность (как результат активности): взаимодействие видится как отношение субъекта к субъекту, так и их совместное отношение к объекту деятельности (по Е.И. Головаха), при этом, обратимость субъекта в объект и наоборот, которая регулируется возникающими отношениями, является отправной позицией активности и межличностных отношений (по Д.А. Леонтьеву). Третьей особенностью будет наличие информации о результатах действий в текущем процессе, где источником выступает реакция участников взаимодействия, при этом между ними образуются разные связи (по А.А. Бодалеву) [1].

Принимая во внимание особенности рассматриваемого явления, с позиции системы высшего образования, отношения субъектов образовательного процесса можно представить как процесс взаимовлияния преподавателей и студентов. Вследствие этого, порождается их связь и взаимная детерминированность, в ходе чего

формируются и развиваются индивидуальные способы общения и действий, появляется общая цель взаимодействия. Как один из результатов взаимодействия выступает личностное и профессиональное развитие и саморазвитие всех его участников.

Чтобы достичь цели взаимодействия в образовательном процессе, обучающие и обучаемые выступают синхронно и как причина, и как следствие взаимного воздействия противоположной стороны. При этом, активизируются механизмы обратной связи обуславливающие развития объектов.

Во взаимодействии участников образовательного процесса можно выделить ряд дополнительных характеристик. В частности, О.Е. Павозкова исследуя различные аспекты взаимодействия студентов и преподавателей в процессе изучения различных педагогических дисциплин, выделила важные аспекты рассматриваемого нами явления. Во-первых, это отношения и связи, в которых выражаются разносторонние процессы взаимного воздействия и влияния обучающихся и обучаемых. Во-вторых, это личностный и деятельностный взаимообмен, характеризующейся взаимообогащением и как следствие взаимопреобразованием, что является содержательной составляющей такого обмена. В-третьих, это организационная форма деятельности, выражающееся в способах обмена и объединении совместных усилий при воздействии на общий предмет деятельности [3].

Многогранность процессов, заложенных в категории взаимодействия обучающихся и обучаемых, позволяет увидеть ее как цельную и развивающую структуру, где субъект-субъектное и субъект-объектное отношения выступают как единое целое. В данную структуру входит и процесс «обмена» с деятельностным и духовным содержанием, что полностью соответствует в трехфакторной модели «значимого другого» А.В. Петровского [3, 4].

В ряде исследований субъект-субъектные и субъект-объектные взаимосвязи, показываются как цельная и взаимообусловленная структура взаимодействия преподавателей и обучающихся. При этом, субъект-субъектные связи зачастую понимаются как показатели взаимных соотношений и позиций между субъектами. Субъект-объектные взаимосвязи показывают характер взаимных отношений функционального и ролевого плана. В рассматриваемых взаимосвязях (субъект-субъектных и субъект-объектных) значима взаимообусловленность таких составляющих, как условия обучения, взаимоотношения в диадах «студент — преподаватель», «студент — студент», отношения преподавателей к тем, кто обучается и между собой, отношение всех субъектов к целям и содержанию обучения [3, 7].

Взаимное преобразование субъектов образовательного процесса происходит через совершаемые действия. Самосознание взаимодействующих обогащается через ценностно-информационный обмен между субъектами и составляет обмен идеями, точками зрения, мыслями, желаниями и чувствами.

Появление разных вариантов взаимодействия между участниками процесса обучения происходит в зависимости от сочетания вида взаимосвязи, способов и содержательной составляющей взаимовлияния и взаимообогащения. Все варианты оказывают некоторое воздействие на развитие образовательной системы и ее субъектов, но в отдельности ни какой из них не может до конца обеспечить этого.

Действие тех или иных вариантов обусловлено влиянием нескольких факторов, таких как предыдущий опыт взаимодействия, потребности субъектов, личностные особенности, особенности развития образовательной системы, ее цели и степень достижений [3].

Не вызывает сомнения, что в содержательной составляющей взаимодействие преподавателей и студентов является педагогическим процессом. В таком процессе преподаватель выполняет функции педагога, студент является воспитанником, а взаимодействие происходит вокруг образовательного процесса и его содержания. При его реализации, и для достижения целей образования, используются специальные средства обучения и воспитания — педагогические средства. Цели, в свою очередь направлены на решение различных задач, поставленных обществом, общественными институтами, так и личностью обучаемого в стремлении к развитию и саморазвитию.

Одна из задач стоящая перед системой высшего образования заключается в создании условий для развития личности специалиста, формировании у него профессиональных и личностных компетенций и готового к профессиональной деятельности. Для того чтобы в полном объеме реализовать решение поставленной задачи через педагогическое взаимодействие, то необходимо соблюдать некоторые условия. Прежде всего, это наличие взаимоотношений по типу ведомый-ведущий», где любую из позиций может занять как преподаватель, так и студент. Еще одно условие, это наличие во взаимоотно-

шениях позиции сотрудничества между тем, кто обучает, и кого обучают, где обучаемым может являться как преподаватель, так и студент [3, 6, 7].

Результативность педагогического взаимодействия напрямую связана с его содержанием, способами реализации и индивидуально-психологическими особенностями субъектов образования. При этом, оптимальным является взаимодействие где преподаватель своей деятельностью вызовет адекватные реакции у обучающихся на его действия. Здесь имеет место эмоционально-познавательная активность, совместная деятельность, атмосфера сотрудничества и взаимопонимания, где каждый участник соблюдает нравственно-этические нормы во всех видах общения.

Не маловажным продуктом педагогического взаимодействия, отражающим личностную сторону профессионального развития обучающихся, является личностная конкурентоспособность. Как показывают исследования, конкурентоспособной личностью является профессионал (специалист), умеющий на рынке труда предложить свои профессиональные качества и социально важный продукт своей деятельности. Конкурентоспособный специалист — это специалист, в котором сегодня существует потребность в обществе. По сути, конкурентоспособная личность, вступая во взаимодействие, знает, как порождать продуктивные идеи и способствует достижению положительного результата в деятельности, так как к этому у него есть все качества, воплощать свои замыслы и добиваться результата [6].

Заключение

Таким образом, можно заключить, что эффективность взаимодействия в образовательном процессе между обучающими и обучающимися зависит от психологических особенностей субъектов этого взаимодействия. Во многом это связано с психологическими особенностями личности преподавателя и его доли вовлеченности в образовательный процесс. Активность и инициативность преподавателя позволит выбрать оптимальный тип взаимодействия с обучающимися и направить их работу на освоение определенных личностных и профессиональных компетенций необходимых в профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецова Ю. В. О категории «взаимодействие» в современном образовательном процессе вуза / Ю. В. Кузнецова // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. — 2016 — Т. 22 — № 2.
2. Никеев В. Н. Особенности организации педагогического взаимодействия преподавателя и студентов на занятиях физической культурой в вузе / В. Н. Никеев // автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Барнаул, 2006.

3. Павозкова О. Е. Взаимодействие преподавателей и студентов младших курсов вузов в процессе изучения педагогических дисциплин / О. Е. Павозкова // автореф. дис. . . . канд. пед. наук. — Архангельск, 2001.
4. Петровский А. В. Основы теоретической психологии / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский — М. 1998.
5. Подосинников С. А. Психологические основы конкурентоспособности личности / С. А. Подосинников — Астрахань, 2011.
6. Подосинников С. А. Психология конкурентоспособности профессионала / С. А. Подосинников — Астрахань, 2008.
7. Радионова Н. Ф., Ривкина С. В. Взаимодействие субъектов педагогического процесса как источник его обновления // Человек и Образование: Академический вестник Института педагогического образования и образования взрослых РАО. — 2012. — № 2 (31).

© Рекешева Фарида Марсильевна (rekeshewa@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Астраханский государственный университет

МОТИВАЦИОННАЯ ОСНОВА ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

MOTIVATIONAL BASIS OF STUDENT'S COGNITIVE ACTIVITY

A. Tlemisova

Summary. At the present stage in the system of higher education the effectiveness of pedagogical work is largely determined by the function of training in the process of obtaining knowledge by students: passive or active perception and assimilation of information (independent search, detection and use). The task of the teacher should be to maximize the cognitive activity of students, to develop their active, independent creative thinking, to indicate the necessary techniques and methods..

This article deals with the motivational basis of students' cognitive activity. The author reveals the groups of motives that provide the most persistent interest in teaching.

Keywords: cognitive activity, motive, motivational basis, genes, innate personality traits.

Тлемисова Алия Данибековна

*Аспирант, Ярославский Государственный
Университет им. П. Г. Демидова; Ст. преподаватель,
Казахстанский инженерно-педагогический университет
Дружбы народов
aliya_tlemisova@mail.ru*

Аннотация. На современном этапе в системе образования высшей школы эффективность педагогического труда во многом определяется тем, какую функцию выполняет обучение в процессе получения студентами знаний: пассивного или активного восприятия и усвоения информации (самостоятельный поиск, обнаружение и использование). Задача преподавателя должна заключаться в том, чтобы добиться максимальной активизации познавательной деятельности студентов, развивать у них активное, самостоятельное творческое мышление, указывать необходимые для этого приемы и методы.

В данной статье говорится о мотивационной основе познавательной деятельности студентов. Раскрываются группы мотивов, которые обеспечивают наиболее стойкий интерес к учению.

Ключевые слова: познавательная деятельность, мотив, мотивационная основа, гены, врожденные свойства личности.

Потребность в творческой активности, как считают психологи, врожденная, биологическая, заложена в генах. Но, как и проявление любых врожденных свойств личности, она подвержена большим колебаниям в зависимости от социальных норм и конкретных условий. Поэтому реализация потребности в поиске знаний зависит не только от соответствующих условий и воспитания, но и от подготовленности преподавателя к созданию дидактических и психологических условий формирования мотивации.

Всякая деятельность, включая учебную, исходит из определенных мотивов и направлена на достижение определенных целей. Мотив — это то, что побуждает человека к деятельности, а цель — то, чего он стремится достичь в результате деятельности. Отношение мотив — цель образует своеобразный вектор, задающий направление и интенсивность деятельности.

Действительной основой мотива служат потребности. Совокупность потребностей и мотивов, побуждающих человека к деятельности в определенном направлении, называют мотивацией. Всякая целенаправленная деятельность человека должна иметь мотивацию. Только при этом условии проявляется, собственно, деятельность учения. Мотивационная сторона процесса учения включает три группы мотивов: **внешние** (поощ-

рение — наказание), **соревновательные** (успех в сравнении с кем-то или с самим собой), **внутренние** (раскрываемые как поле плодотворной деятельности личности); внутренние мотивы обеспечивают наиболее стойкий интерес к учению [1].

Развитие познавательного интереса проходит три наиболее общих этапа:

1. ситуативный познавательный интерес, возникающий в условиях новизны, неопределенности и т.п.;
2. устойчивый интерес к определенному предметному содержанию деятельности;
3. включение познавательных интересов в общую направленность личности, в систему ее жизненных целей и планов.

Как весьма эффективное средство активизации познавательной деятельности студентов следует особо отметить новизну методов обучения, вовлеченность студентов в его экспериментальную форму.

В процессе исследования проблемы мотивации учебной деятельности студентов, мы использовали две психодиагностические методики исследования среди студентов педагогической специальности 1–4 курсов: 1. Методика «Изучения мотивов учебной деятельности

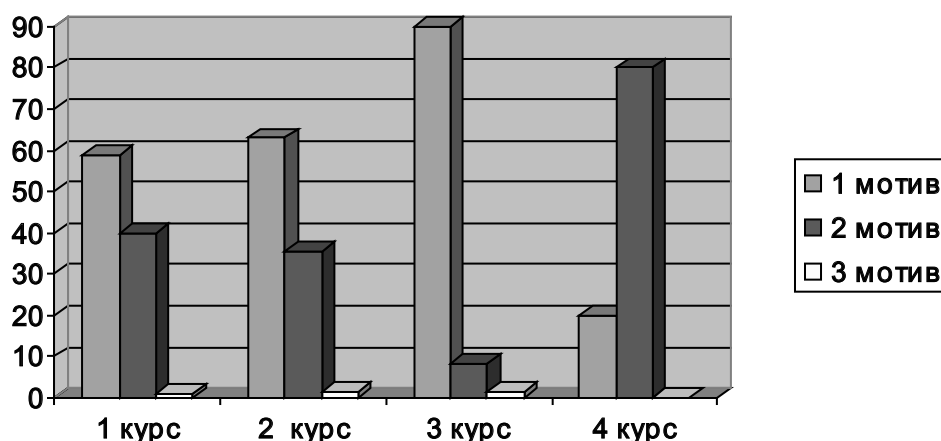

Рис. 1

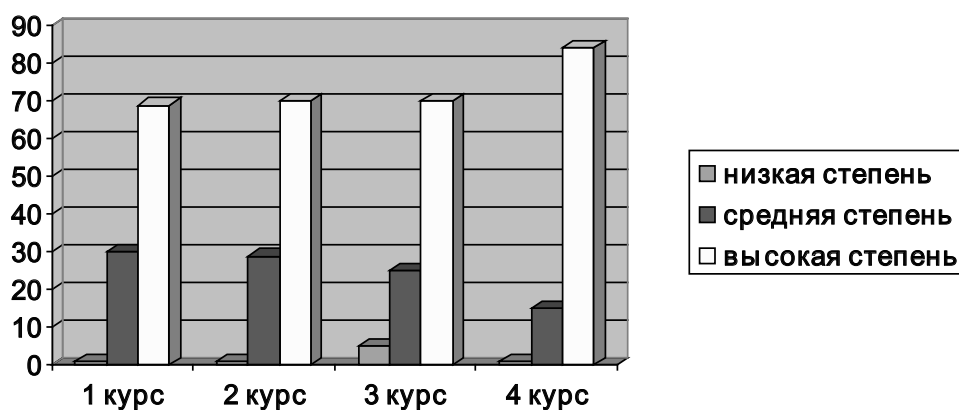

Рис. 2

студентов»; 2. Методика «Направленность на приобретение знаний».

В ходе эксперимента по методике «Изучения мотивов учебной деятельности студентов» предложенной А.А. Реаным и Я.В. Якуниным, где для каждого студента проводится качественный анализ ведущих 16 мотивов учебной деятельности, и по всей выборке определяется частота выбора того или иного мотива. В результате констатирующего эксперимента из 16 мотивов были выявлены наиболее три ярко выраженных и мы пришли к следующим выводам (рис. 1):

1 мотив. Стать высококвалифицированным специалистом.

2 мотив. Приобрести глубокие и прочные знания

3 мотив. Избежать осуждения и наказания за плохую учебу.

Вышеуказанный показатель 3 курса, где 2 мотив «Приобрести глубокие и прочные знания» понижается

по сравнению с 1 и 2 курсами мы объясняем тем, что на данном этапе был проведен констатирующий эксперимент, а после проведения формирующего этапа работы результаты эксперимента у 3 курса изменятся.

Результаты 4 курса говорят, о том, что у выпускников происходит осознание того, что высококвалифицированным специалистом стать невозможно без глубоких и прочных знаний.

Также, нужно отметить тот момент, что 3 мотив «Избежать осуждения и наказания за плохую учебу» у студентов всех 1–4 -х курсов отсутствует, то есть мотив получить «хорошую оценку» не главный, а приоритетным является мотивы стать высококвалифицированными специалистами и приобрести глубокие, и прочные знания

По методике «Направленность на приобретение знаний» предложенной Е.П. Ильиным и Н.А. Курдюковой

дается ряд утверждений с парными ответами, по результатам которых, выясняется информация о мотивации на приобретение знаний и степени выраженности мотивации на приобретение знаний. По результатам данной методики были получены следующие данные (рис. 2):

У студентов 1–4 курсов отсутствует низкая степень выраженности мотивации на приобретение знаний, напротив присутствует высокая степень выраженности мотивации на приобретение знаний, которая усиливается и ярко выражается у студентов 4 курса [2].

В ходе изучения проблемы познавательной мотивации мы опирались на следующие принципы:

- ◆ познавательная мотивация выступает не столько проявлением устойчивой личностной черты, сколько отражением заданных условий деятельности; это открывает возможность для ее формирования посредством специально организованных дидактических воздействий;
- ◆ познавательная мотивация возникает в проблемной ситуации, что показывает ее не только внутреннюю, но и внешнюю обусловленность;
- ◆ применение в подготовке специалистов форм и методов активного обучения, в которых реализован принцип проблемного образования;
- ◆ возникновение и развитие познавательной мотивации во многом обусловлено типом взаимодействия и общения преподавателя и студентов, а также студентов между собой;
- ◆ развитие познавательной мотивации студентов во многом зависит от педагогического мастерства преподавателя, его умения правильно организовывать деятельность студентов, побуждать их к развитию познавательной мотивации.

Правильное понимание мотивации служит необходимой предпосылкой продуктивной работы преподавателя. Опытный преподаватель целенаправленно развивает и углубляет познавательный интерес студентов к изучаемому предмету. При формировании у студентов специфической мотивации, которая проявляется в решении мыслительных задач, рекомендуется исходить из той простой истины, что знания, подлежащие усвоению, не могут быть переданы в готовом виде, путем простого сообщения или показа. Они могут быть усвоены только в результате выполнения определенных действий [3].

Для успешной реализации задач, обусловленных требованиями реформирования и модернизации системы образования в нашей стране, актуальным на социально-педагогическом уровне становится пересмотр профессиональной подготовки специалистов в области профессионального образования. Разработка и утверж-

дение стандартов высшего педагогического образования, нарастание инновационных процессов в образовании не обеспечивает устойчивую мотивацию личности к профессионально-педагогической деятельности. Перед преподавателями вузов, стоит ответственная психолого-педагогическая задача: переход от актуально осуществляемой учебной деятельности студента к усваиваемой им деятельности профессиональной. С позиций общей теории деятельности, которую мы разделяем, такой переход идет прежде всего по линии трансформации мотивов, поскольку именно мотив является конституирующим признаком деятельности. Переход от учебно-познавательной деятельности студента к профессиональной деятельности специалиста во многом выступает проблемой трансформации познавательных мотивов в профессиональные.

В психолого-педагогической литературе выявлено множество факторов, обуславливающих развитие тех или иных аспектов познавательной и профессиональной мотивации студентов. Разработаны некоторые принципы, пути изучения и критерии оценки уровня развития познавательных и профессиональных мотивов как составной части общей системы мотивов учения, описаны различные подходы (способы, приемы) к их формированию. Факторы и условия развития этих мотивов отражают различные аспекты обучения и личностные характеристики субъектов образовательного процесса: от специфики целей, содержания, условий обучения, используемых педагогических технологий, индивидуальных психологических характеристик обучающихся до специальных приемов. В контекстном типе вузовского обучения, развитие познавательных и профессиональных мотивов выступает центральным звеном всего процесса развития личности будущего специалиста. В контекстном обучении содержание учебной деятельности студента отбирается не только в логике науки, но и через модель специалиста — в логике будущей деятельности педагога профессионального обучения, что придает целостность, системную организованность и личностный смысл усваиваемым знаниям. Содержание обучения проектируется не как учебный предмет, а как предмет учебной деятельности, последовательно трансформируемый в предмет профессиональной деятельности. Формы организации учебной деятельности выбираются преподавателями адекватно формам усваиваемой студентами профессиональной деятельности.

Базовыми формами деятельности выступают собственно учебная (лекция, семинар), квазипрофессиональная (деловая игра и другие игровые формы), учебно-профессиональная (научно-исследовательская работа студентов, производственная практика, подготовка дипломного проекта и т.п.) деятельности. С переходом от одной базовой формы деятельности к другой

студенты получают все более развитую практику применения учебной и научной информации в функции средства осуществления указанных деятельностей, овладевая реальным профессиональным опытом, получая возможности естественного вхождения в профессию.

Базовым формам организации деятельности студентов поставлены в соответствие семиотические, имитационные и социальные обучающие модели. Семиотические включают задания, задачи и проблемные ситуации, обеспечивающие усвоение студентом представленных в них объективных значений. В имитационных моделях студент выходит за рамки значений, соотнося почерпнутую из учебных текстов информацию с профессиональными ситуациями и используя ее в функции средства осуществления собственных практических действий и поступков.

Информация приобретает для студента личностный смысл, превращается из информации в знание, адекватно отражающее профессиональную действительность. Наконец, в социальных обучающих моделях учебные задания представлены в виде проблемных ситуаций и задач, имитирующих профессиональные и разрешаемых в коллективно-распределенных формах общения и диалогического взаимодействия студентов. Личностные смыслы превращаются в социальные ценности — систему ответственных отношений к природе, труду, обществу, другому человеку и к самому себе. С помощью системы адекватных форм и педагогических технологий в контекстном обучении задается движение деятельности студента от собственно учебной к профессиональной вместе с трансформацией потребностей, мотивов, целей, предметных действий и поступков, средств, предмета и результатов учения.

Возникает возможность реализации динамической модели движения деятельности студентов от учения к профессиональной деятельности. Таким образом, при обучении студентов педагоги моделируют целостное предметное и социальное содержание профессиональной деятельности, при этом включается весь потенциал активности студента — от индивидуального восприятия до социальной активности. Усвоение теоретических знаний и опыта осуществляется в ходе разрешения моделируемых профессиональных ситуаций, что обеспечивает условия формирования познавательных и профессиональных мотивов студента, а с ними и трансформацию академической процедуры усвоения знаний в профессионально-практическую деятельность будущего специалиста. Познавательные и профессиональные мотивы, имея общую познавательную природу выступают как относительно независимые сущности. В контекстном обучении создаются психолого-педагогические условия формирования и развития не только познавательных, но и профессиональных мотивов. Данные виды мотивов выступают главными мотивационными линиями в мотивационной сфере студента. Развитие познавательных и профессиональных мотивов, должно быть обусловлено динамикой развертывания содержания деятельности студентов — собственно учебной, квазипрофессиональной, учебно-профессиональной; тем самым должно разрешаться основное противоречие между мотивационной основой актуально осуществляемой учебной деятельности студента и его будущей профессиональной деятельности. Однако, очевидно, что проблема формирования и развития мотивов деятельности — познавательных, профессиональных или любых других — чрезвычайно сложна в силу ее полимотивированности. Мотивационная сфера субъекта является, согласно А. Н. Леонтьеву, много вершинным образованием, побуждаемым не одним, а несколькими ведущими мотивами (познавательным, профессиональным, достижения, аффилиации и др.). В этой связи на наш взгляд необходимо найти адекватный подход к осмыслению иерархических взаимосвязей в этой сфере. В этом направлении планируется исследование, предметом которого является — формирование мотивации к профессиональной деятельности у будущих педагогов профессионального обучения. Актуальность исследования связана с пониманием специфики мотивации к профессиональной деятельности и возможностей психолого-педагогических технологий в формировании мотивации. При этом под главной задачей формирования мотивации понимается такая организация деятельности, которая максимально способствует раскрытию внутреннего мотивационного потенциала личности будущего педагога профессионального образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А. Г. Основные принципы психологического анализа в теории деятельности // *Вопр. психол.* 2004. № 2. С. 14–27.
2. Лекерова Г. Ж. Психология мотивации. Учебное пособие. — Шымкент: Издательство ЮКГУ им. М. Ауезова, 2002—138с.
3. Бакшаева Н. А. Развитие познавательной и профессиональной мотивации студентов педагогического вуза в контекстном обучении: Автореф. канд. дис. М., 1997

© Тлемисова Алия Данибековна (aliya_tlemisova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОКОНКУРЕНЦИЯ И КОНКУРЕНЦИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ

Цветкова Галина Евгеньевна

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет
nwrgea@mail.ru

CO-OPETITION AND COMPETITION IN THE ACTIVITIES OF THE MANAGER

G. Tsvetkova

Summary. The article presents the main results of the dissertation research of co-opetition as a career factor of heads of medical institutions. The study took part 150 medical staff. It is defined that activity of heads is directed to the co-opetition which is characterized by positivity and efficiency of actions. It is shown that competitive behavior is a co-opetitive advantage of managers and promotes career achievements..

Keywords: competition, co-opetition, career, managers.

Аннотация. В статье представлены основные результаты диссертационного исследования феномена соконкуренции как фактора карьеры руководителей медицинских учреждений. В исследовании приняли участие 150 медицинских сотрудников. Определено, что деятельность руководителей во многом определяется направленностью на соконкуренцию, которая характеризуется личностной и социальной составляющей. Показано, что соконкурентное поведение является конкурентным преимуществом руководителей и способствует карьерным достижениям.

Ключевые слова: конкуренция, соконкуренция, карьера, руководители.

Введение

Соконкуренция — это новое понятие в психологии, изучением которого изначально занимались в экономических науках. Термин «соконкуренция» (анг. co-opetition) включает в себя понятия конкуренции и сотрудничества. Этот феномен подразумевает тип взаимодействия, основанный на стремлении достичь своей цели, но в позитивном взаимодействии со своими конкурентами [1, С55]. При таком способе отношений между людьми или организациями не происходит ситуаций причинения ущерба конкуренту, что отражается в сотрудничестве, направленном на взаимовыгодные условия, но с целью достижения своих целей. То есть, соконкурентное поведение, которое сейчас все шире стало рассматриваться в психологических науках, является интересным объектом анализа, позволяющим обсуждать конкуренцию в позитивном ключе, а не в традиционном понимании ее как некоего противоборства и конфликта.

Успешная карьера в современном обществе не только дает возможность достичь материальных целей, но и позволяет человеку чувствовать свою значимость, важность и причастность к общему делу. Более того, успех в карьере позволяет удовлетворить актуальные потребности и мотивы и получить удовольствие от своей деятельности. Таким образом, карьеру можно рассматривать как способ реализации «личностного и профессионального потенциала» [4, С. 196]. Объективным показателем успеха в карьере является общественное признание и должностной статус, а субъективным показателем — личная удовлетворенность человека своей карьерой [5, С. 330].

Построение карьеры, несомненно, затрагивает вопросы профессиональной и личностной конкурентоспособности. Конкурентоспособность это «совокупность личностных качеств, которые позволяют специалисту быть более успешным в профессиональной среде, по сравнению с конкурентами» [3, С. 115]. Это отражается как в более выдающихся профессиональных знаниях и умениях, личностных качествах, так и в способах взаимодействия с окружающими людьми и в трудовой группе. Долгое время считалось, что жесткая конкуренция в профессиональной среде является неотъемлемым составным элементом любой организации и умение устранить соперника, причинить ему вред, опередить и нанести урон или обмануть позволят достичь своей цели, а также целей организации. При этом не учитывались цели и интересы конкурента, что провоцировало ответные действия с его стороны. Таким образом, конкурентные отношения приводили к тому, что достижение целей одного участника процесса, автоматически становились проигрышем и вынужденным отказом от своих целей другого участника. Это способствовало не только накалу отношений, неврозу и расстройству чьих-то ожиданий, но и отрицательно сказывалось на взаимоотношениях с коллегами.

С другой стороны, отношения в профессиональной среде, основанные только на сотрудничестве, не могут долго служить способом достижения целей и высоких результатов. Любой прогресс в обществе, как и в природе в целом, происходит путем разрушения старых парадигм взаимодействия и построения новых, что невозможно без ситуаций, которые в той или иной мере приведут к нарушению чьих-то планов и ожиданий, провоцируя конкуренцию. То есть,

стратегия, сочетающая в себе и конкуренцию, и сотрудничество, является наиболее оптимальной и позволяет достичь лучших результатов [2, С. 11–12]. Наше эмпирическое исследование было направлено на изучение соконкуренции, как феномена, который включает в себя стратегии конкуренции и сотрудничества.

Дизайн исследования

Целью эмпирического исследования было изучение соконкуренции как фактора карьеры руководителей. Предмет исследования — соконкурентное поведение. В исследовании приняли участие 150 сотрудников здравоохранения. Из них — 76 руководителей и 74 рядовых сотрудника. Основная гипотеза заключалась в том, что объективный успех в карьере связан с ориентацией личности на соконкурентное поведение. Одна из главных эмпирических задач заключалась в изучении феномена соконкуренции и конкуренции на примере руководителей медицинских учреждений. Основными методами исследования были: 16 — факторный личностный опросник Р. Кеттелла (адаптация А. Н. Капустиной, Л. В. Мургулец и Н. Г. Чумаковой); тест описания поведения в конфликтах К. Томаса — Р. Килманна (адаптация Гришиной Н.В); методика изучения социально-психологического уровня развития группы «Пульсар» (Л. Г. Почебут); авторская анкета по изучению психологической атмосферы в рабочей группе и конкурентных отношений в ней.

Результаты исследования

Анализ результатов показал, что и женщины, и мужчины-руководители, в большой степени ориентированы на соконкурентный тип отношений. Так, согласно результатам корреляционного анализа, где в качестве системообразующего признака анализировался показатель «Конкуренция» по методике К. Томаса — Р. Килманна, показано, что для мужчин-руководителей готовность к конкуренции характеризуется связью с определенными личностными чертами. Отмечена положительная корреляция со шкалой опросника Р. Кеттелла L+ ($p \leq 0,01$) — «Настороженность» и отрицательная — со шкалами Q1⁻ ($p \leq 0,01$) — «Консерватизм», I⁻ ($p \leq 0,01$) — «Жесткость» и MD⁻ ($p \leq 0,01$) — «Невысокая самооценка». Выявлена положительная корреляция с показателем «Активность» ($p \leq 0,05$) по тесту «Пульсар» и отрицательная со стратегией «Избегание» ($p \leq 0,01$) по тесту К. Томаса — Р. Килманна. То есть, мужчины-руководители реалистично смотрят на жизненные ситуации, критичны к себе и своим качествам, имеют логический склад ума, насторожены по отношению к людям, склонны к конкуренции и активности в достижении поставленных целей. В групповом взаимодействии их характеризует сотруд-

ничество, которое проявляется в социальной активности и желании реализовать свой потенциал в референтной группе.

Для женщин-руководителей уровень готовности к конкуренции характеризуется следующим комплексом личностных черт по шкалам опросника Р. Кеттелла: стремление к лидерству (шкала E+ ($p \leq 0,01$)), настороженность (шкала L+, ($p \leq 0,01$)) и невысокая самооценка (шкала MD⁻, ($p \leq 0,05$)). Руководители, готовые конкурировать проявляют нежелание жертвовать своими интересами ради других («Компромисс», $p \leq 0,01$), приспособляемость («Приспособление», $p \leq 0,05$) и сотрудничать («Сотрудничество», $p \leq 0,01$) (показатели теста К. Томаса — Р. Килманна). О их направленности на сотрудничество говорит положительные корреляции со шкалой опросника Р. Кеттелла A+, ($p \leq 0,01$) — «Общительность» и положительной оценкой психологической атмосферы трудовой группы по авторской анкете «Изучения психологической атмосферы и конкурентных отношений» («Климат», $p \leq 0,01$). Установлено, что увеличение стажа работы по профессии (Стаж по профессии, $p \leq 0,05$) и возраста (Возраст, $p \leq 0,05$) отрицательно коррелирует с готовностью вступать к конкурентные отношения.

Выводы

Таким образом, полученные нами результаты, подтвердили основную гипотезу о том, что успех в карьере связан с ориентацией личности на соконкурентное поведение. Направленность на соконкурентное поведение мужчин и женщин-руководителей определяется как готовностью к конкуренции, так и позитивностью действий, выражающихся в сотрудничестве с членами трудового коллектива. Готовность к сотрудничеству у мужчин-руководителей проявляется в социальной активности и открытости в профессиональной группе, а у женщин — руководителей она связана с увеличением профессионального стажа и возраста, а также общительностью с коллегами.

Заключение

Соконкуренция — это стратегия поведения, которая характеризуется сочетанием двух самых распространенных стратегий при взаимодействии людей — конкуренции и сотрудничества. Соконкурентное поведение не только обладает большей позитивностью и конструктивностью по сравнению со стратегией конкуренции, но также более результативно и продуктивно по сравнению со стратегией сотрудничества, что позволяет специалистам реализовать свои цели и задачи в рамках профессионального взаимодействия при построении успешной карьеры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бранденбургер А., Нейлбафф Б. Co-opetition. Конкурентное сотрудничество в бизнесе: пер. с англ. — М.: 000 Кейс., 000 Омега — Л., 2012. — 352 с.
2. Диксит А., Нейлбафф Б. Теория игр. Искусство стратегического мышления в бизнесе и жизни. пер. с англ. Н. Яцюк. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015—464 с.
3. Митина Л. М. Психология развития конкурентоспособной личности. — М.: Московский психолого-педагогический институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2002. — 400с.
4. Почебут Л. Г., Чикер В. А. Организационная социальная психология: учебное пособие. — СПб. Из-во «Речь», 2002. — 298 с.
5. Чикер В. А. Профессиональная карьера. Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности: Под ред. Г. С. Никифорова, М. А. Дмитриевой, В. М. Снеткова. — СПб.: Речь, 2001. — 448 с. — Занятие 40. — С. 330—342

© Цветкова Галина Евгеньевна (nwrgea@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет

ВЛИЯНИЕ МОЛОДЁЖНЫХ СУБКУЛЬТУР НА СОЦИАЛЬНУЮ СФЕРУ ПОСРЕДСТВОМ ТЕЛЕСНЫХ ПРАКТИК

THE INFLUENCE OF YOUTH SUBCULTURES ON THE SOCIAL SPHERE THROUGH BODY PRACTICES

T. Appalnova

Summary. The article outlines the concept of the influence of the body and the corporeality of a person on the broad context of his social and historical existence. In the first part of the article there is a tendency to reveal that a negative attitude or total rejection of the human body has a negative impact on the entire cultural paradigm of a particular period. The second part of the article describes the possibility of resolving the crisis of corporeality at the present stage through the appearance of youth subcultures, which constructs its body according to different principles. The purpose of the work is to substantiate the need for youth communities, compensating through various bodily practices the consequences of losing the integrity and completeness of modern man's presence.

Keywords: body, corporeality, youth subcultures, body practices.

Аппалонова Таусия Станиславовна

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
appalnova-taya2013@mail.ru

Аннотация. В статье излагается концепция влияния тела и телесности человека на широкий контекст его социального и исторического существования. В первой части статьи прослеживается тенденция выявляющая, что негативное отношение или полное отторжение человеческого тела имеет отрицательное влияние на всю культурную парадигму того или иного периода. Вторая часть статьи описывает возможность разрешения кризиса телесности на современном этапе посредством появления молодёжных субкультур, конструирующим своё тело по иным принципам. Цель работы обосновать необходимость в молодёжных сообществах, компенсирующих посредством различных телесных практик последствия утери современным человеком целостности и полноты присутствия.

Ключевые слова: тело, телесность, молодёжные субкультуры, практики тела.

В каждом цикле исторического движения мира, субъект неизменно проявляет склонность среди всего множества объектов выделять и постоянно удерживать в пределе внимания особый объект — человеческое тело. На пути человека к познанию тело является либо привилегированным объектом заботы и созерцания, либо отвергнутой забракованной формой, скрывающей в себе опасное сгущение скверного. Самопродвижение мира предполагает регулярно возобновляемые сюжеты исторического сценария, в которых навязчивое избавление от тела сменяется его последующим возрождением. Избыточно символичное тело изъято из времени, оно всегда мера обмена с божественным и человечество, глядя в вечность снова и снова приносит его в жертву. Но не расчленённое и уничтоженное, а живое и сильное, согретое заботой тело становится источником жизни, где за пределами телесного возвращаются побеги благосостояния культуры в целом. Вступившая в фазу обновления культура становится поводом для поэтического настроения, живой импровизации, созерцания миропорядка. Так греческая культура, утверждавшая принцип нерасчленённости душевно-телесного единства, включала в микрокосм человеческого тело, как отблеск космического совершенства.

Иная ситуация разворачивалась в период Средневековья, где божественное и человеческое не совпа-

ли в универсальном согласии вечного и мгновенного. В пространстве властвующего господства божественного несовершенное человеческое тело порождало беспокойство, для устранения которого требовалось принудительное очищение душевной субстанции от сомнительной телесной оболочки. Вглядываясь в реалии того времени, мы видим, что массовое наказание и умерщвление тела в немалой степени приобщило общество к состоянию небытия, где смерть многократно умножила своё присутствие наглядно являя себя через предельно жестокие практики инквизиции. Тело, принесённое в жертву Богу, пребывающее длительное время в тени смерти, лишённое всех способов самотрансляции, стало мёртвым телом, способным проецировать вовне лишь пустую форму. Позже эпоха Возрождения стремилась утвердить право тела на осуществление в общекультурном генезисе, нарушив тем самым его многовековое трагическое безмолвие. Процесс творческого считывания феноменов мира включил тело в изначальный строй сущего как привилегированный объект созерцания.

Новая фаза исторической забывчивости произошла в XVII веке, когда практика научного обогащения мира обналичила тело в качестве объекта познания. В этот период творческое напряжение художника, увлечённого телесной пластикой, сменилось скрупулёз-

ным препарированием тела, математически точным хирургическим расчленением его на фрагменты. Новые познавательные процедуры превратили тело в пугливое существо, принесённое в жертву новому «богу науки». Расширяя диапазон истины, научное познание, захваченное потоком уточнений, долго и принудительно удерживало тело на хирургическом столе. Нарботанный с течением времени объём данных, выявил особый объект — мозг — предположительно вмещающий глубины человеческого. Вброшенный в мир отдельно от тела мозг обрёл власть в период Просвещения и ещё долго удерживал её. Но без тела мозг пространственно не локализован, лишён космологического измерения. «Не сон разума порождает чудовищ, а, скорее, бдительная рациональность, страдающая бессонницей» [4].

В результате застывший в долгой фазе бестелесного существования мир, породил безумные состояния, в которых массовые жертвоприношения стали регулярной практикой вплоть до конца XX века. Произошёл выход за пределы вмещаемости целых народов, где вожди, освещённые вспышкой идеи, растратили миллионы человеческих жизней, увлекая их в бушующий океан революций, воин, геноцида. В послевоенные 50-е годы XX века бушующая стихия войны разрушила не только города, но и низвергла основополагающие рациональные построения, выявив в них отсутствие истинной просвещённости и гуманизма. Человечество, тревожно вглядываясь в реальность, надеялось на шанс бытия заново, критерии оценки настоящего радикально изменились, человекомерность стала основным предельным смыслом в подходе к оценке событий. Реакцией на фантомные боли от утраченной телесности становятся многочисленные исследования в данной области. Но каким бы активным не было дискуссионное поле исследований телесности, оно неизменно существовало лишь в рациональном пространстве теоретических построений. Теория не могла сблизить вещи столь далёкие друг от друга как понятие тела и живое тело человека, поэтому, существующее фактически тело оставалось не активированным, не задействованным в физическом мире. В этот период в возрождающемся мире утвердилось новое социальное пространство молодёжных сообществ, состоящее из отвергнутых обществом обладателей индивидуальных девиаций. Представители молодёжных субкультур переконструируют своё тело, создавая новый телесный облик, который противостоит принятым в обществе формам искусственного единства. Игнорируя мир конкурирующих соблазнов, они уклоняются от доминирующей тенденции одомашнивания человечества, создавая себя и свою среду в дерзновенном акте авторизации обладая смелостью оставаться исполненными дикого, телесного, дионисийского буйства. Молодёжные субкультуры призваны стягивать разрывы социального в точках образовавшихся пустот, они возвращают миру

человеческие черты, убывающие по мере утраты субъектом целостности.

Прежде всего, мечты и желания, изъятые из повседневной среды, обрели единое коллективное воплощение в медиа пространстве. Обескровленный и обесцвеченный мир, продолжает своё мерное движение на автопилоте по пути прогресса, при этом человеческий вид, оглушённый плотным информационным шумом, неосознанно движется в сторону самоизоляции и цинизма. Реакцией на стандартизацию и критическое оскучение социальной среды стало появление ярких, карнаваловых субкультур, среди них; ролевики, толкиенисты, косплеи. Молодёжные субкультуры в противостоянии к общему инерционному движению, принялись активно редактировать мир, заполняя его привычную форму мистическими сюжетами и образами героев медиа сферы. Причастность к магии внутреннего перевоплощения в косплее достигается посредством изменения внешних атрибутов, таких как; костюм, причёска, манера поведения. Перевоплощённый герой, погружаясь в пространство пересечения двух миров привычного и виртуального, проживающий в едином творческом моменте лёгкую иномирность, создаёт инвариант событий, реализуя мечту в рамках повседневности.

Стоит отметить, что на современном этапе единство присутствия не предполагает речевого взаимодействия, алфавит распадается на мемы, кристаллизуется в пиджин и в плотном шуме городов лишь точно регистрируются отдельные человеческие голоса. Медиа пиксели стремительно тиражируя образы — симулякры [1] добровольно изъятого у человечества сущего, вытесняют человеческую речь. Тематическая словесная комплектация дисциплинарных пространств [8, с.198] сохраняется в качестве антропологических речевых реликтов современного рациополиса. В хип хоп культуре вновь актуализируется слово, посредством которого репер выходит на связь с проблемной современностью, где он временно облачён правом производить мгновенную растрату заархивированных, невыраженных текстов, невысказанных мнений. Словесный поединок двух реперов — батл, предполагает отсылки к кратким эпизодам из жизненного опыта каждого участника, множественность историй высказывается в экспрессивной, грубой манере, но искренне без искажения смысла. В словесной борьбе схватываются и предъявляются актуальные смыслы, они же становятся для репера способом борьбы за признание в кругу молодёжи, почитателей хип хоп субкультуры.

Другими словами, общество дефицита и накопления антропологически зыбкая территория, на которой человеком утеряно внутреннее ощущение свободы, его жизнь собрана из обрывков возможностей, где непрожитое причиняет ущерб личности, порождая состояния

невключённости в происходящее. Для субкультуры байкеров дух свободы основа мироощущения, они усмотрели иные способы раскадровки повседневности, где скорость, риск и стальная мощь байка являются маркерами предельной достоверности присутствия. Своеволие и я экспансия познавшего свободу за пределами социальных ролей байкера, включает присвоение им права на самовыражение, нарушение общественных норм и законов.

Так же сопричастные духу свободы графферы покрывают рисунками протяжённые гомогенные плоскости городских строений, варьируют порядок слов до внятного антипотребительского, феминистского, антивоенного послания. Они не только фиксируют ряд наблюдений в мгновенном творческом акте, но и побуждают зрителя к осмыслению происходящих событий. Художник творит нечто, выводящее зрителя из состояния нулевой степени вовлечённости, посредством оттенков краски он регулирует оттенки настроения. Алармизм, характерный современному человеку, приводит к тому, что любое проскальзывание травмирующих микросмыслов способствует повышению уровня тревоги при этом формируется тактика избегания и игнорирования широкого поля событийности. Внезапность и предельная достоверность послания не позволит, и далее уклонятся от правдивой информации, граффер становится резонатором сокрытой электронными медиа ресурсами правды.

В частности, европейский индивидуализм, практически включённый в человеческую органику, как оказалось не способен заполнить внутренние пустоты, образовавшиеся при разрыве основополагающих человеческих связей. Контринъекцией индивидуализму становится волной захлестнувшая в 60-е годы, в основном капиталистические страны, субкультура хиппи. Притягательность образа жизни хиппи, беззаботность их существования способствовала объединению людей в духовные общины, позволяла вписывать в персональную историю каждого из них искренние моменты человеческого единения и любви.

Современный индивид распоряжается миром, не учитывая период полураспада всего живущего, он старается жить стремительно, игнорируя разрушитель-

ную силу времени, вытесняя смерть из сферы своего социального пространства. Но смерть не ничтожная прибавка к жизни, которую можно вычеркнуть из поля восприятия и все попытки её вытеснения оборачиваются внедрением смерти в само ядро жизни, ведут к постепенному омертвлению всего живущего, признаки распада проявляются в бездуховности, равнодушии, бесцельности существования. [2]. Обустраивая свою собственную часть мира, готы, улавливающие созвучия поэзии к иному, не просто ощущают близкодействие смерти, но и воспроизводят наглядно её ритуалы. Так театрализованная смерть выходит из тени забвения, а значит, выставляет черту для предельных размышлений о смысле жизни каждого отдельного человека.

В конечном счёте, наработанный историческим временем опыт взаимодействия человека с собственным телом выявляет широкий диапазон возможностей от принятия тела в качестве значимого параметра присутствия в мире, до актов принудительного отторжения своей телесной экземплярности. Длительное дистанцирование от собственного тела порождает коллективные девиации, где в процессе затянувшегося макростресса попытка выстроить альтернативную бестелесную версию мира неизменно заканчивается формой наваждения, включающей практику массового уничтожения человеческого вида. Нарушая общий принцип стремления к бестелесному существованию, представители молодёжных субкультур наделили себя правом распоряжаться своим телом, конструировать его, избегая, таким образом, состояния расфокусированности, они выстраивают свою эмпирию, где внутренняя сущность рождается вместе с телесной формой. Современные молодёжные субкультуры лишь небольшие плато в океане социального регистрирующие критические параметры настоящего, где свобода скорее декларируется, чем проживается, визуальные образы подменяют речь, утопия вытеснения смерти оборачивается её проекцией на всё живое, индивидуализм регистрируется как фактор способствующий распаду человеческих связей. Исходящий от молодёжных сообществ импульс обновления социального реализуется посредством приобщения нас к состоянию до потери, дистанцируясь от рутинного они высказывают несказанное, их сила в целостности и полноте присутствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция [Электронный ресурс]. URL: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml (Дата обращения: 03.12.17)
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/185045-simvolicheskij-obmen-i-smert.html> (Дата обращения: 15.07.17)
3. Большакова Е. А. Ваш ребёнок — неформал. Родителям о молодёжных субкультурах. М.: Издательство «Генезис», 2010. 152 с.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Книга 1 Анти-Эдип [Электронный ресурс]. URL: <https://fil.wikireading.ru/20218> (Дата обращения: 07.10.17)
5. Козлов В. В. Реальная культура. От Альтернативы до Эмо. СПб.: Амфора, 2009. 352 с.

6. Омельченко Е. Л. Молодёжные культуры и субкультуры. М.: Институт социологии РАН, 2000. 264 с.
7. Ремизова М. С. Весёлое время. Мифологические корни контркультуры. М.: Форум, 2015. 160 с.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: Ад Маргинем, 1999. 479 с.
9. Щепанская Т. Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М.: ОГИ, 2004. 286 с.
10. Эпштейн М. Н., Тульчинский Г. Л., Философия тела. Тело свободы. СПб.: Алетейя, 2006. 432 с.

© Аппалонова Таисия Станиславовна (appalonova-taya2013@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

VIRTUAL REALITY AND VALUES OF MODERN SOCIETY

O. Bochkareva

Summary. The article is devoted to the actual problem of integration of phenomenal reality into various spheres of human life. Identified positive and negative aspects of the virtualization of society. The goals of the full immersion of society in the Internet space are considered. Researchers as a whole influence the worlds on the transformation of the values of our society. And the prospects for the preservation of values among the younger generation are outlined.

Keywords: virtuality, virtual reality, Homo Virtualis, virtual communication; reality, transformation of the personality, values of modern society.

Бочкарева Ольга Николаевна

Аспирант, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
o.boch@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме интеграции феномена виртуальной реальности в различные сферы человеческой жизни. Выявлены положительные и отрицательные стороны виртуализации социума. Рассмотрены причины полного погружения социума в интернет-пространство. Исследованы в целом влияние виртуальных миров на трансформацию ценностей нашего общества. А также намечены перспективы сохранения ценностей среди молодого поколения.

Ключевые слова: виртуальность, виртуальная реальность, пост (сверх) человек, виртуальная коммуникация, реальность, трансформация личности, ценности современного общества.

В последнее десятилетие мы наблюдаем тенденцию стремительного массового освоения виртуального пространства. Развитие коммуникационных и информационных технологий их интеграция в жизнь общества достигли по-настоящему космических масштабов, что, несомненно, влияет на трансформацию реальности и изменяет бытие.

Сегодня человек уже не мыслит себя без компьютеров, мобильных телефонов. Он может оперативно получать необходимую информацию, общаться на удаленном расстоянии, а также осуществлять процесс коммуникации в режиме on-line. Современное общество диктует свои приоритеты, под влиянием которых образуется новая культура мышления, формирующая отношение к реальности.

Цель нашей работы заключается в социально-философском анализе особенностей феномена виртуальной реальности и его влияния на различные сферы человеческой жизни.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач:

- 1) Исследовать виртуальную реальность как сферу человеческой жизни.
- 2) Выявить положительные и отрицательные стороны виртуализации социума.
- 3) Рассмотреть причины полного погружения социума в интернет-пространство.
- 4) Уточнив причины и условия пребывания социума в виртуальном пространстве, показать в целом влия-

ние виртуальных миров на трансформацию ценностей нашего общества.

- 5) Намечить перспективы сохранения ценностей среди молодого поколения.

Тотальная интеграция человека в виртуальную реальность привела к радикальной трансформации человека. Сегодня мы можем говорить о таком феномене как пост (сверх) человек, а именно его отдельного вида Homo Virtualis — особый человеческий вид, активно интегрированный в пространство виртуальной реальности. Онтологически Homo Virtualis является неопределенным и противоречивым объектом, чье состояние Жиль Делез определяет как «Парадокс чистого становления» [7].

Многие исследователи, уверены, что, например, «в условиях все нарастающей виртуализации общества формируется личность с принципиально новыми социальными чертами и поведенческими проявлениями» [14, 198]. Культура и искусство приобретают черты дегуманизации и демонизации. Нарушается исторический процесс культурной преемственности. Конфликт поколений трансформируется в их разобщенность и утрату национальных традиций. Молодое поколение сталкивается с огромным потоком массовой пропаганды, впитывая далеко не гуманную информацию. Эта негативная информация зомбирует личность, вырабатывает конкретные отрицательные установки, не развивает у нее позитивного мышления, что впоследствии влияет на ее действия и поступки.

Виртуальная реальность заменяет реальность объективную. Ж. Бодрийяр пишет в своих работах об «утрате» реальности в нашу эпоху, констатируя ситуацию завершения овеществления общества [4, 43]. Дефицит реальности у него, это вовсе не дефицит вещей и поступков, утрата реальности в концепции Бодрийяра — это утрата различения знака-образа и референта-реальности. И почти все пользователи интернета, зачастую блуждая по его просторам, не могут оторваться и заставить себя заняться тем, чем действительно необходимо.

А. Россохин отмечает, что «создавая или находя удовлетворяющую его виртуальную гиперреальность, человек начинает связывать с ней все большие надежды, стремясь получить то удовлетворение, которого он не может достичь в реальной жизни. Вся основная жизненная активность перемещается в виртуальную среду, в которой человек начинает проводить все больше времени [12, 55], т.е. наша жизнь не только связана с виртуальной реальностью, но она формируется, определяется ей.

Погружение в виртуальную реальность, рассматривается зачастую как игра или отдых. Постепенно процесс затягивает, переносит человека в новый, созданный им мир, и этот виртуальный мир начинает диктовать свои условия дальнейшей жизни человека. Большинство людей, и не только взрослых, уже не просто играет, а живет, игра оказывается образом их жизни [9].

Виртуальное общение, виртуальная жизнь в настоящее время воспринимается многими как несомненное достоинство современного мира, как исключительное благо для общества. Но есть и обратная сторона этого явления. Всё чаще мы наблюдаем процесс переоценки ценностей нашего общества. Общество выстраивает новую ценностную иерархию. У молодого поколения возникают принципиально новые ценности, а традиционные ценности, к большому сожалению, переосмысливаются.

Чем же объяснить такую притягательность современного человека к виртуальной реальности. Зачастую мотивом предпочтения виртуальной реальности актуальному миру может быть бегство от реальности, негативное отношение к традиционному, не удовлетворение своей реальной жизнью.

Одной из основных причин, по которым человек стремится уйти в виртуальный мир, по мнению Афанасьевой В.В. является малая «энергоёмкость» всех происходящих в виртуальной жизни процессов. В человеческой природе заложено стремление минимизировать собственные энергетические затраты и время любой деятельности (лень), и именно в виртуальном киберпространстве это достигается проще всего. До создания глобальной компьютерной сети роль «суррогата» реального мира вы-

полняло телевидение, однако компьютерная реальность, обладающая интерактивностью, оказывается более вязким заменителем реальности. Не требующих духовных и физических затрат пребывание в подобном энергетическом болоте, по сути, — наркомания, сродни реальной наркотической зависимости или алкоголизму [1, 60–61].

Для некоторых людей виртуальная реальность это способ создания образа человека, каким бы ему хотелось быть в настоящей жизни. «Виртуальное тело, виртуальный пол, виртуальное имя, виртуальный статус, виртуальная психика, виртуальные привычки, виртуальные достоинства и пороки, которые так легко приобретаются в компьютерном мире, входят в сферу обыденного» [1, 60–61].

В социальных сетях он получает внимание, общение, которых не хватает в реальной жизни, видит, что кто-то в нём нуждается. Войкунский А.Е. об этом пишет, что это «Порождает у человека желание преодолеть нормативность, что ведет к конструированию ненормативных виртуальных личностей» [5, 241].

Отметим ещё один факт: мы не должны забывать, что существование on-line, является одним из факторов, детерминирующих *ускорение социального времени*. У человека остается все меньше времени для познания и ощущения самой жизни. Человек, постоянно живущий в процессе виртуальной коммуникации, стремится к максимальной активности, торопясь жить, в то же самое время перестает ценить одиночество как возможность для самосозерцания и самопознания.

Таким образом, коммуникационные возможности (сверх) человека приобрели на сегодняшний день глобальный характер, многократно возрастая и убирая пространственно-временные ограничители. Тем не менее, сам коммуникационный акт упрощается и психологически оскудевает, что приводит к отсутствию чувственной компоненты в общении, содержащей личностно-психологическую идентификацию и восприятие субъекта общения.

Говоря о ценностях современного общества, а именно об их трансформации, отметим негативный момент, касающийся отказа современной молодёжи от чтения книг. Всё больше молодёжи отдаёт предпочтение электронным носителям. Залы библиотек с богатейшими книжными фондами опустели. В сравнении, полтора десятилетия назад — были полны. Всё это объясняется развитием информационных технологий, оперативным поиском необходимой литературы с минимальной затратой времени. Но отказ от чтения книг, активного использования сети интернет, влечет за собой проблему неумения грамотно строить устную и письменную речь. Общество становится безграмотным! В век бурного научно-технического развития мы наблюдаем зачатки деградации общества!

Таким образом, непосредственное влияние виртуальной реальности на современное общество, ее роль в жизни личности дает возможность нового онтологического измерения человека — информационного, в рамках которого располагается еще одна грань человеческого бытия, где происходит трансценденция его Я вовне, а также интеллектуально-информационное самоопределение и развитие [11, 188]. Жизнь человека протекает в двух мирах — в объективной реальности и в сети, вследствие чего, трансформируется понимание основных антропологических категорий, таких как свобода, творчество, смысл жизни, душа, смерть, любовь и пр. Следует раздвоение личного Я, его физическая составляющая лишается возможности реализации онтологического потенциала личности, она подменяется виртуальным образом, более успешно осуществляющим эту функцию. Успех этот предполагает, в первую очередь, скорость результатов, а с другой стороны — скудность усилий, физических затрат на достижение результатов и получение дивидендов. Несмотря на то, что достижения в виртуальной реальности — всего лишь иллюзия, они сопровождаются неподдельной эмоциональной эйфорией, что и привлекает индивида. Меняется человек, ограниченный рамками виртуального мира, не желающий принимать действительность, обусловленную нормами, правилами, возвращение в реальный мир с его кризисами, трудностями, ответственностью, становится для него все более тяжелым и непривлекательным. Это порождает новые экзистенциальные трудности современного общества, особенно отражаясь на молодежи и подростках, что требует особого внимания и исследований.

В последние годы мы всё чаще слышим термин интернет-зависимость. Всё больше подрастающего поколения полностью погружены в виртуальный мир. Последствия катастрофические: суициды среди детей, убийства и т.д.

Зарубежные учёные признали тот факт, что пребывание в виртуальной реальности более 40 часов в неделю связано с эмоциональным неблагополучием личности [8, 104].

Проблема детской интернет-зависимости поднимается во всём мире. Во многих странах: в США, Китае, Южной Корее открывают реабилитационные центры для детей. Правительство Южной Кореи назвало пристрастие к играм и интернету одной из главных социальных проблем страны и обнародовало план по борьбе с зависимостью. Медики фиксируют резкий скачок болезни под названием «Цифровое слабоумие» [6].

В Китае в реабилитационных центрах лечение проводят на основе учений Китайского философа Конфуция. Напомним, что в Конфуцианстве весь смысл жизни базируется на гуманности и любви к своим ближним. Кроме

того, смысл жизни человека в саморазвитии. Тот, кто стоит на одном и том же месте в течение долгого времени и не развивается — банально идёт назад. Образование и развитие своего духовного мира — это то, что заставляет человека осознавать своё место [10].

Отрицательное влияние виртуальной реальности на психику и здоровье людей, например интернетомания и телемания, широко обсуждается в психологической и медицинской литературе. Существенной характеристикой виртуальной личности является именно её несвобода, зависимость от виртуальных пространств, в которых она формируется и пребывает [1, 60–61].

Современный человек, запутавшись в ценностях или не найдя их, оказывается в экзистенциальном вакууме. Это состояние особенно характерно для современной молодежи. Традиционные и укоренившиеся ценности разрушаются, а новые не каждый индивид способен распознать: положительное или отрицательное они несут в общество. Экзистенциальный вакуум связан со смыслообразующими ценностями: смыслом жизни, самореализацией и нравственным становлением жизни.

Потеря ценностей ведет к поиску нового, а чаще — к бегству от действительности. По мнению Виктора Франкла [13], отсутствие смысла в жизни закрывает путь к истинному счастью, всё это делает человека нежизнеспособным в экстремальных условиях.

Для Н.А. Бердяева наибольшее благо в жизни, её смысл — сверх-бытие, духовность, поднимающая к Богу [3, 320]. Безусловно, говоря о ценностях современного общества нельзя не затронуть проблему религиозного и художественного познания, которые ориентированы на идеальные объекты и феномены и без которых жизнь духовно развитой личности является неполноценной, поскольку именно они воспитывают в человеке способность к сочувствию и уважению к ближнему, любовь к прекрасному и возвышенному. Без их немыслимо комплексное и всестороннее освоение окружающей нас действительности. Тем не менее, эти виды знания все более обесцениваются, а владеет ими все меньше число людей [2].

Что же касается религии, то отметим, что она всегда играла значительную роль в развитии общества. Отношение к религии на протяжении многих веков менялось, как менялись и религиозные концепции. И если раньше существование некой сверхъестественной силы почти никогда не подвергалось сомнению, то роль религии в современном обществе уже не так велика. Более того, она сегодня является предметом беспрестанных споров, дискуссий, а нередко — и осуждений.

Сегодня молодежи, как, впрочем, и всему обществу, присуща растерянность, непонимание происходящего. Часто молодому поколению приписывают такие черты, как жесткий прагматизм, социальную незрелость, инфантилизм, агрессию. Доминантой их жизненных ценностей и поведенческих приоритетов является материальное благополучие. Жизненный успех связывается с предприимчивостью, умением заработать деньги, а не с талантом, знанием и трудолюбием. Переход общества к рыночным отношениям требует новых моделей поведения. Такие жизненные принципы, как «лучше быть честным, но бедным», «чистая совесть — важнее благополучия» заменились на «ты — мне, я — тебе», «время — деньги», «успех — любой ценой» и др.

Говоря о сохранении ценностей современного общества, прежде всего, отметим роль родителей, учителей, педагогов и государства в целом. С детских лет необходимо прививать и воспитывать в ребенке веру, веру в Бога. С малых лет прививать любовь к чтению книг, посредством которых воспитывать в ребенке моральные и духовные качества. Объяснять ребёнку, что его будущее, будущее его страны зависит от него самого, от его решений и каждодневного выбора! Необходимо помнить, что развитие ума, нравственного потенциала и духовного начала для человека напрямую связаны с физическими, телесными усилиями: чтобы чему-то научиться, что-то построить, уз-

нать нечто важное, следует потрудиться не в виртуальном, а в реальном мире. Современный человек должен оставаться человеком, то есть обладать человеческими качествами: человеколюбием, взаимопониманием, состраданием, взаимоуважением и не должен забывать о простом межличностном общении.

Главной целью государственной политики и социума, на наш взгляд, должна стать гуманизация общества. В связи с этим возникает необходимость разработки программ по сохранению и популяризации ценностей современного общества. Участниками данного процесса должны стать школы, вузы, научно-исследовательские организации, профильные министерства Правительства федерального и региональных уровней.

И ещё один интересный момент, связанный с дальнейшими исследованиями, связанными с виртуальностью и растущей ролью социальной коммуникации в современном мире. Современное общество, прогрессивное развитие невозможно представить без огромного количества связей и отношений, которые регулируют его существование. Социальная коммуникация сегодня представляет существенную и социально-значимую компоненту общественного бытия, тем самым привлекая всё возрастающее внимание исследователей к данному феномену.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева В. В. HOMO VIRTUALIS: Психологические характеристики // Известия Саратовского университета 2010. Т. 10. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып.2. -с.60–61
2. Баюшина Ю. Л. Трансформация ценностных ориентаций личности в период становления информационного общества: философский аспект // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2014. — Т. 13. — С. 6–10. — URL: <http://e-koncept.ru/2014/64083.htm> Дата обращения 06.08.2016
3. Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики / Н. А. Бердяев. — Париж: Современные записки, 1931. — 320 с.
4. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. Москва. 2003. — с. 43.
5. Войкунский А. Е. Психологические аспекты деятельности человека в Интернет среде // Материалы II Российской конференции по экологической психологии. М. 12–14 апреля 2000. — с. 241.
6. В мире появилась новая болезнь — «цифровое слабоумие» [Электронный ресурс] // <http://health.unian.net/worldnews/804572-v-mire-poyavilas-novaya-bolezni-tsifrovoe-slaboumie.html>
7. Делез Ж. Логика смысла /Ж.Делез.-М.:»Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998.
8. Кузьмина А. С. Анализ зарубежных исследований опыта человека в среде виртуальной реальности // Вестник РУДН, серия Экология и безопасность жизнедеятельности, 2014. № 2. — с. 104
9. Наумов В. В., Павленко О. Ю. Принципы социальной структуры интернет-аудитории // Вестник ТОГУ.— 2011.— № 2 (21).
10. Новейший философский словарь /Сост А. А. Грицанов.— Мн.: Изд.В.М.Скакун. 1998.— 896 с.
11. Отраднова О. А. Виртуальная реальность как феномен современного общества // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XII междунар. науч.-практ. конф. — Новосибирск: СибАК, 2012.—с.188
12. Россохин А., Измагурова В. Виртуальное счастье или виртуальная зависимость. М., Смысл. 2004.— с. 55.
13. Франкл В. Человек в поисках смысла (1.2. Размышления на тему смысла жизни): Сборник: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева; вст. ст. Д. А. Леонтьева. — М.: Прогресс, 1990. — 368с: ил. — (Б-ка зарубежной психологии).
14. Челомбикца М. П., Лавинский Н. Г. Ценностные ориентиры современного общества // Молодой ученый.— 2011.— 12. Т. 1, — с 198–201

© Бочкарева Ольга Николаевна (o.boch@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТЕЙ И СТИЛЯ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

SOCIO-PHILOSOPHY ANALYSIS OF THE VALUES AND LIFESTYLE OF MODERN RUSSIAN YOUTH

O. Viktorova

Summary. The article focuses on the analysis of youth values in the current socio-cultural conditions of Russian society. The author gives a generalized description of the concept of lifestyle, which contributes to a more detailed analysis of value attitudes of young people, taking into account social and cultural factors. The developed model of lifestyle is supported by the results of sociological research. The results of the theoretical and empirical research will be a blueprint for future social policies of both the region and the state.

Keywords: social differentiation, social stratification, youth, values, value attitudes, value orientations, lifestyle.

Викторова Ольга Викторовна

Аспирант, Череповецкий государственный
университет
ooluk@mail.ru

Аннотация. В статье основное внимание уделено анализу ценностей молодежи в современных социокультурных условиях российского общества. Автор дает обобщенную характеристику концепции стиля жизни, которая способствует более подробному анализу ценностных установок молодежи с учетом социальных и культурных факторов. Разработанная модель стиля жизни подкреплена результатами социологического исследования. Результаты теоретического и эмпирического исследования будут полезны при формировании социальной политики как региона, так и государства в целом.

Ключевые слова: социальная дифференциация, молодежь, ценности, ценностные установки, ценностные ориентации, стиль жизни.

Российская молодежь XXI века является одним из основных и активных субъектов общественной жизни. Данная возрастная группа представляет собой основу общества, как в настоящем, так и в недалеком будущем. От ее культурных, социальных и иных выборов во многом зависит траектория развития современного государства. Тем не менее, такие ее духовные и социальные практики как ценности и стиль жизни остаются на периферии общественного и исследовательского интереса.

В современных поликультурных условиях активизировалось изучение ценностей. Стоит отметить, что ответы на вопросы, связанные с природой, сущностью и ролью ценностей в бытие общества в целом и отдельного индивида в частности, начали искать еще древнегреческие философы. В конечном итоге формируется раздел философии, раскрывающий сущность ценностей, — аксиология.

Методологически обоснованную теорию ценностей предложил немецкий философ М. Вебер в своей понимающей социологии [1]. Он постулирует плюрализм ценностей — в зависимости от их реализации в жизненных сферах, и в дальнейшем анализирует проблемы моральных, политических, религиозных ценностей. При этом М. Вебер акцентирует внимание на «ценностной эпохе»: определенному периоду социального времени присуща своя система ценностей. В связи с этим можно предположить, что ценности историчны и даже статичны.

В Новейшей философской энциклопедии под ценностью понимается один из основных, невербализуемых элементов структуры личности, который характеризуется «атомарностью» и интенциональностью. Данная универсалия философии включает взаимосвязь «устремлений (аспект будущего), особого переживания-обладания (аспект настоящего) и хранения своего «достояния» в тайниках сердца (аспект прошедшего)» личности, которые и «конструируют ее внутренний мир как уникально-субъективное бытие» [11, С. 320–321].

Для того чтобы анализировать изменения ценностей индивида в динамике, т.е. на протяжении жизненного цикла, в научный оборот введено понятие «ценностные установки» (или «ценностные ориентации»). Они означают «разделяемые личностью социальные ценности, выступающие в качестве целей жизни и основных средств их достижения, являющиеся важнейшим фактором, регулирующим, детерминирующим мотивацию личности и ее поведение» [14, с. 225]. Ценностные ориентации формируются как на сознательном, так и подсознательном уровнях, что в свою очередь обуславливает постоянную необходимость осмысления поведения человеком. Например, индивид, делая выбор между общественным долгом и эгоистичным желанием, формирует собственную поведенческую стратегию на основе личностных качеств таких, как самостоятельность, целеустремленность, предприимчивость, активность и т.д. [15].

Таким образом, ценности более статичны, характерны для определенных эпох и формируют своеобразный образ жизни социума, ценностные установки обладают относительным постоянством, отражают ситуативный характер действий и стиля жизни личности. Немаловажное значение на формирование индивидуальной системы ценностей личности играет культура общества и субкультуры. На наш взгляд, именно социокультурные факторы являются доминантными в процессе социализации и усвоения ценностных ориентаций.

Для анализа ценностных установок необходимо использовать динамичную концепцию личности, которой, на наш взгляд, является стиль жизни. На наш взгляд, она соответствует нормам сегодняшнего дня и более насыщенная, чем концепция личности, и более универсальная и всеобъемлющая, чем теория ценностей.

Концепция стиля жизни начала формироваться в западной социальной мысли еще в XIX веке. Родоначальником стилижизненного подхода является М. Вебер [2], чьи идеи способствовали в дальнейшем социокультурному анализу социальной дифференциации. Он сформулировал многомерную модель стратификации общества, дополнив экономическую теорию стратификации К. Маркса [9] двумя критериями — политическим и социальным.

Классической поликритериальной теорией социальной дифференциации общества в XX в. стала теория социальной стратификации русско-американского социолога и культуролога П. А. Сорокина [13]. Он выделяет и описывает 3 критерия стратификации — экономический (уровень дохода и богатства), политический (степень власти и влияния) и профессиональный (престиж профессии). При этом П. А. Сорокин отмечает, что дифференциация общества обусловлена и культурными условиями в обществе, которые проявляются в образе жизни людей, их быте, а также в манере поведения.

В современной зарубежной и отечественной литературе интерес к концепции стиля жизни как дифференцирующему признаку проявили философы, социологи, культурологи и специалисты других областей. В нашей работе мы будем опираться на труды таких ученых как Н. И. Лапин [Error: Reference source not found], Е. Л. Омельченко [12] и И. В. Лашук [7; 8]. Нам кажется, что социокультурный подход представляет собой активный инструмент для анализа трансформаций современного общества. Происходящие социокультурные изменения позволяют по-новому взглянуть на дифференциацию общества сквозь призму стилижизненного подхода.

Для анализа практической и духовной деятельности индивидов научным кружком кафедры социологии и со-

циальных технологий Череповецкого государственного университета под руководством А. А. Меховой и И. Н. Воробьевой [5; 10] была разработана теоретическая и эмпирическая модель стиля жизни.

В основу типологизации социальных групп мы положили модель наиболее востребованного, соответствующего современным реалиям стиля жизни, что обусловлено требованиями современного российского общества в инновационных практиках. В теоретической концепции стиля жизни мы описали четыре основных стиля: выживающий, традиционный, действующий, новаторский. Более подробно с типологизацией групп можно ознакомиться в работах 3; 5.

Стиль жизни представляет собой совокупность внешних форм бытия. В связи с этим нами была разработана индикаторная модель социальной дифференциации, включающая в себя следующие компоненты стиля жизни: потребительские практики, трудовые и досуговые установки, локус ответственности, уровень адаптации и притязаний, ценностные установки человека. Каждому индикатору соответствовал вопрос или группа вопросов и определенные валидные шкалы ответов, уже не раз применявшиеся исследователями при изучении ценностных ориентаций и установок индивида, его поведенческих аспектов. В результате рассчитывался интегральный показатель — индекс жизненного стиля, на основе которого респондентов разбивали на основные преобладающие стилижизненные группы (подробнее методика изучения стиля жизни и основные алгоритмы расчета индекса отражены в статье 4).

Теоретическая и эмпирическая модель стиля жизни была апробирована на основе социологического исследования «Стиль жизни как основа социальной стратификации», проведенного в ноябре 2012 года методом массового опроса населения старше 18 лет, по репрезентативной выборке, квотированной по половозрастным характеристикам (объем выборки равен 450 человек). По результатам опроса было выявлено, что в городе 13% людей выживающего стиля жизни, 51% — традиционалисты, 31% — «человек действующий» и лишь 5% — новаторов.

Социальные группы, выделенные на основе разработанной теоретической и эмпирической модели стиля жизни, существенно отличается друг от друга ценностными установками и поведенческими актами. Рассмотрим их более подробно на примере молодежи г. Череповца в возрасте 18–30 лет.

Результаты опроса показали, что среди молодежи преобладает традиционный стиль жизни (47%) и «человек действующий» (42%) (рис. 1).

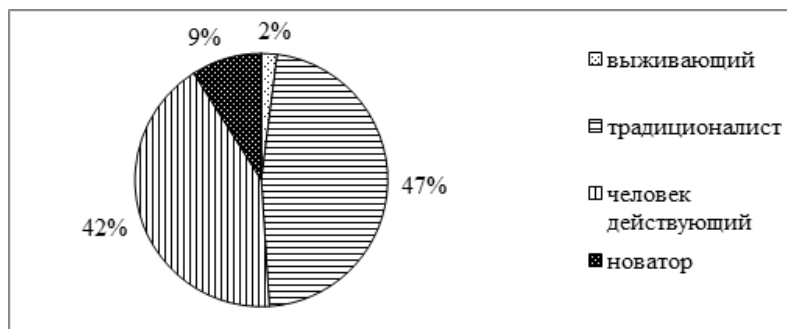

Рис. 1. Распределение молодежи по основным стилям жизни

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «С каким из суждений Вы более согласны?», в % от числа опрошенных

	Стиль жизни				Все
	выживающий	традиционный	действующий	новаторский	
Каждый череповчанин, который может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие	25	56	73	93	66
Сейчас сколько ни работай, все равно нормальную жизнь себе не обеспечишь	75	36	16	7	26
Затрудняюсь ответить	0	8	11	0	8

Базовыми ценностями для всей молодежи являются семья (77% опрошенных), здоровье (62%) и работа (47%). Наибольшие различия в ценностных установках стилей жизни молодежи продемонстрировал вопрос: «Что, по Вашему мнению, позволяет добиться высокого положения в обществе?». Каждый представитель выживающего стиля жизни считает, что в этом могут помочь связи с нужными людьми, каждый второй — богатые и влиятельные родители, удачный брак. Традиционалисты считают, что позволит добиться высокого положения в обществе упорный труд (53% опрошенных), наличие денег (32%). Молодежь действующего стиля жизни отмечает такие варианты, как «предприимчивость, смелость» (49% респондентов), «высокая квалификация, профессионализм» (42%), «хорошее образование» (24%). Более чем 2/3 новаторов (71% опрошенных) отдадут приоритет способностям, талантам, каждый второй (57%) — упорному труду, и они больше других стилей жизни ценят здоровье, которое необходимо в процессе восхождения по социальной лестнице.

Ценностные установки молодежи находят отражение и в их социальной активности. Так новаторы ради достижения своих жизненных целей в первую очередь готовы попытаться открыть свое дело, предприятие, молодежь действующего стиля жизни — учиться, осваивать новые

профессии, традиционалисты — больше работать, а молодежь выживающего типа — уменьшить расходы, экономить, откладывать на будущее.

От выживающего к новаторскому стилю жизни увеличивается уровень активности, рискованности и индивидуализма. Например, это отражается в экономических и трудовых установках (табл. 1).

Стилевые группы молодежи в первую очередь различны между собой по ценностным установкам и степени активности в различных сферах жизнедеятельности. От первой к четвертой группе возрастает степень самостоятельности, социального интереса, стремления самореализоваться.

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что стиль жизни представляет собой совокупность внутренних (ценностных) и внешних (практических) форм деятельности по преобразованию не только себя как личности, но и социума в целом в соответствии с потребностями современного общественного развития.

В современных динамичных, изменяющихся социокультурных условиях общественной жизни необходимо уделять внимание ценностям молодежи и ее стилю жизни,

поскольку от данной социальной группы зависит дальнейшее развитие страны и общества. Разработанная нами теоретическая модель социальной дифференциации на основе стиля жизни верифицирована эмпирической моделью, что в свою очередь определяет актуальность данного подхода к интерпретации процессов трансформации ценностных установок молодежи.

Модель стиля жизни может способствовать разработке адресной социальной политики с привлечением молодежи новаторского стиля жизни как будущей основы российского государства. На наш взгляд, для реализации стратегических планов города и региона могут быть привлечены молодые новаторы как пример граждан с повышенной социальной ответственностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
2. Вебер М. Основные понятия стратификации / Пер. с англ. А. И. Кравченко // Социологические исследования, 1994. № 5. С. 147–156.
3. Викторова О. В. Типологизация социальных групп на основе стиля жизни // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 10. Ч. 1. С. 36–39.
4. Воробьева И. Н. Измерение в социологии: проблема построения объективных шкал и расчета индекса на примере построения индикаторной модели стиля жизни // Череповецкие научные чтения — 2014: В 3 ч. Ч. 1 / Отв. ред. Н. П. Павлова. Череповец: ЧГУ, 2015. С. 31–34.
5. Воробьева, И. Н. Стиль жизни как единица анализа социокультурного расслоения населения: индикаторная модель // Череповецкие научные чтения — 2013: В 4 ч. Ч. 1 / Отв. ред. Н. П. Павлова. Череповец: ЧГУ, 2014. С. 31–34.
6. Лапин Н. И. Новая индустриализация России: на региональном и муниципальном уровнях социокультурного пространства // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 3. С. 14–19.
7. Лашук И. В. Жизненные стратегии социокультурного поведения социально-демографических и территориальных групп белорусского общества // Социологический альманах, 2014. С. 215–231.
8. Лашук И. В. Социокультурный портрет современников / И. В. Лашук; беседовал Е. Ерошевич // Наука и инновации, 2015. № 9. С. 12–14.
9. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 20. 858 с.
10. Мехова А. А., Воробьева И. Н. Стиль жизни как фактор идентификации в структуре общества // Череповецкие научные чтения — 2012: В 3 ч. Ч. 1 / Отв. ред. Н. П. Павлова. Череповец: ЧГУ, 2013. С. 126–128.
11. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: предс. В. С. Степин, заместители предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семингин, уч. секр. А. П. Огурцов. М.: Мысль, 2010. Т. IV. 736 с.
12. Омельченко Е. Л. Молодежь России: из XX в XXI век // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки, 2007. № 3 (8). С. 82–87.
13. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Союмонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
14. Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / Редактор-координатор академик РАН Г. В. Осипов. М.: Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 2000. 488 с.
15. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 840 с.

© Викторова Ольга Викторовна (ooluk@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ В ПРОЦЕССЕ ЕЕ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

THE ORIGINALITY OF RUSSIAN HISTORIOSOPHY DURING ITS DEVELOPMENT AND PROGRESS

L. Vlasova

Summary. During a critical after Soviet epoch the reference to interpretations of history by Russian philosophics opens new prospects as to a progress of philosophic-historical problematic as a whole, so to the understanding of modern position of Russia in the world. In many respects having tested for itself the influence of the West-European philosophic-historical think, the Russian historiosophical idea, nevertheless, during all its historical development differed a special originality and uniqueness.

Keywords: Russia and the Europe; Russian philosophy of history; historical process; Christianity; spiritual and moral values.

Власова Людмила Александровна

Соискатель, ГАОУ ВО города Москвы «Московский
городской педагогический университет»
sale@iselcom.ru

Аннотация. В переломную постсоветскую эпоху обращение к интерпретациям истории русскими мыслителями открывает новые перспективы как развитию философско-исторической проблематики в целом, так и осмыслению современного положения России в мире. Во многом испытав на себе влияние западноевропейского философско-исторического мировоззрения, русская историософская мысль, тем не менее, на протяжении всего своего исторического развития отличалась особым своеобразием и неповторимостью.

Ключевые слова: Россия и Европа; русская философия истории; исторический процесс; христианство; духовно-нравственные ценности.

Глобальные перемены в социальной, политической, экономической и культурной сферах жизни России конца XX — начала XXI вв. стали причиной переосмысления исторического пути, пройденного в нашей стране. В настоящее время российское общество стоит перед выбором ориентиров дальнейшего развития, от которых во многом зависит его будущее. В современной социальной философии и философии истории остро обсуждается вопрос о направленности исторического процесса. С одной стороны, в ходе истории наблюдается стремление к единству и целостности человеческого общества, с другой — тенденция к сохранению индивидуальности и неповторимости субъекта социально-исторического развития.

Современные процессы глобализации, гигантский прогресс науки и техники, кризисные явления во всех областях жизни человеческого общества не только в нашей стране, но во всем мире, взаимовлияние и конфликты ценностей различных культур и народов, противостояние Запада и Востока многократно усилили поляризацию мировоззренческих установок и вызвали острую дискуссию, в центре которой основополагающие, первостепенные вопросы человеческого существования: «Для чего живет человек?», «Как он живет?», «Каковы его ценностные ориентиры?», «Каково его предназначение в историческом процессе?», «Имеет ли история цель, или она представляет собой лишь поток стохастических событий?». Попытки найти ответы на вновь поставленные перед обществом «вечные» философские вопросы при-

вели к возрождению в нашей стране интереса к религии, социальной философии и историософии, в том числе, к русскому философско-историческому наследию.

Уже с того момента, как в России пробуждается философское мировоззрение, оно развивается под знаком напряженного интереса к вопросам о смысле, начале и конце истории, о всеобщих началах человеческой культуры, об исторической миссии сначала Святой Руси, позже Великой России, в мировом историческом процессе. Русская историософия, в отличие от западноевропейской, не претерпела влияния античного философского наследия через призму европейской традиции. С самого начала своего становления она была теснейшим образом связана с восточным византийским христианским богословием, следовательно, никогда не была «чистым познанием», бесстрастным теоретическим постижением истины. Вопрос об истине для нее всегда выступал в соотношении с категорией «правда», несущей в себе особый нравственный потенциал. Отсюда — постоянный поиск духовно-нравственной правоты исторического бытия, желание не только понять мир, но и преобразовать его в соответствии с высокими духовными воззрениями.

История русской культуры начинается с Крещения Руси. Русь приняла крещение от Византии, что определило ее культурно-исторический путь. По словам П.Г. Флоровского, «крещение было пробуждением русского духа» [18: с. 16]. Русь активно начинает осваивать пласты византийской христианской культуры, в том чис-

ле и философской. Первым выдающимся памятником русской философско-исторической мысли, неразрывно связанной с христианским богословием, является «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, написанное в XI в. В первой части «Слова» — противопоставление Ветхого Завета — подзаконного состояния народа, олицетворенного Измаилом, сыном Авраама от рабыни Агари, и Нового Завета — состояния народа свободного, благодатного, символизируемого в образе Исаака, рожденного от жены Сарры [6]. Вторая часть «Слова» посвящена прославлению земли Русской, в которой воссияла «Благодать и Истина» после Крещения, третья содержит похвалу князю Владимиру, воспринявшего сердцем евангельское учение и утвердившего христианство на Руси. Высоко ставя авторитет Русской земли среди стран мира, митрополит Иларион, вместе с тем, утверждает равноправие всех народов, полемизирует с иудейским учением об исключительности только одного «богоизбранного» народа (здесь и политический подтекст — стремление к независимости от греков). Таким образом, уже в древнейшем письменном источнике заложены основы теории всемирной истории как постепенного распространения христианства на все народы, в том числе и на русский.

Не менее значимым древнерусским литературным произведением, сочетавшем изложение исторических фактов с попыткой их философской интерпретации, является «Повесть временных лет» (Повесть временных лет. URL: <http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/00278191190308819347/>), написанная прп. Нестором Летописцем — монахом Киево-Печерского монастыря в начале XII в. В первой русской летописи глубоко осмысляются важнейшие вопросы и события древнерусской истории: откуда пошла земля русская, кто в Киеве первым начал княжить, как князем Владимиром был сделан выбор в пользу православной веры и как состоялось Крещение Руси, что стало причиной убийства святых благоверных князей Бориса и Глеба Святополком и многое другое. «Повесть временных лет» — важнейший памятник исторического сознания Древней Руси.

Одной из первых философско-исторических идей до сих пор остается концепция «Москва — третий Рим», впервые высказанная московским митрополитом Зосимой в предисловии к «Извещению о пасхалии на осьмую тысячу лет» [17: с. 45–61] (1492 г.)¹, а затем развитую старцем Филофеем (ок.1465–1542 г) из Псковского Спасо-Елеазарова монастыря [5: с. 471–472] в его по-

сланиях к великому князю Василию III (ок.1514–1521 гг.) и к псковскому дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю — Мунехину (ок.1527–1528 гг.) [13]. Изложенная в них концепция оказалась одной из центральных в русской публицистике и последующей историософии. Старец Филофей писал: «Храни и внимай, благочестивый царь, тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывати» [12: с. 441]. Истоки этого сознания лежали в событиях, связанных с отступничеством греков от православия на Флорентийском соборе в 1438–1439 гг. Москва тогда впервые осознала себя единственной хранительницей вселенского православия и преемницей Византии. Укреплению и развитию этой идеи в русском сознании способствовали государственное падение сначала Рима (476 г.), затем и Константинополя в 1453 г., а также объединение Северо-Восточной Руси к XV в. вокруг Москвы (создается крупное централизованное православное государство с сильной самодержавной властью). Концепция «Москва–третий Рим» тесно связана и с мыслью о непосредственном преемстве власти московских государей от константинопольских императоров, особенно после брака Иоанна III и племянницы последнего императора Византии Константина XI Софьи Палеолог в 1472 г.

Многие историки XIX в., такие, как Е.Е. Голубинский, А.В. Карташев, С.М. Соловьев, С.Ф. Платонов и другие позднейшие исследователи, подходили к этой идее исключительно с позиции государственно-идеологической и были склонны видеть в этом учении лишь способ национального самовозвеличивания. Но концепция «Москва — третий Рим» касается не только имперской идеологии, но духовного аспекта (Петрушко В.И. Курс лекций по истории Русской Церкви. Лекция 19. URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/436284/>). Третий Рим — это прежде всего символ духовного центра христианства, его сердцевина. В настоящее время, когда духовная жизнь в России, несмотря на все трудности постсоветского времени, возрождается, очевидно, что Москва по-прежнему остается реальным центром притяжения для всего православного мира.

«Послание старца Филофея Мисюрю Мунехину на звездочетцев» (Послание о неблагоприятных днях и часах. URL: <http://eleazarovo.ru/moskva-iii-rim/poslaniya-filofeya-moskva-iii-rim/poslanie-o-neblagopriyatnyh-dnyah-i-chasah/>) — самое известное и распространенное, дошедшее до нас более чем в 80 списках. Оно направлено против астрологии и античной учености, которым старец Филофей противопоставляет иное объяснение исторического процесса: причина изменений — воля Бога, а причина падения царств — неспособность удержаться в истинной вере. В этом же послании содержится полемика старца с католиками. Филофей

¹ Связь между пасхалией и идеей «Москва — третий Рим»: раз конец света в семитысячном году не наступил, значит надо искать в истории новый смысл, оправдывающий ее положение. И этот смысл был найден в идее мессианского призвания Руси, как третьего Рима.

не приемлет земного величия папского Рима. Он выдвигает свою теорию — о Риме, странствующем во времени и пространстве. Не может быть на земле такого места, где бы христианское царство пребывало во веки веков. Поэтому и странствует вослед гонимой Церкви Христовой город Рим — духовный центр мира. Идеи старца Филофея продолжали активно развиваться и в последующее время, но уже, главным образом, в русле оформления государственной идеологии. В XVI в. был создан ряд произведений в духе преемственности Рима: «Сказание о великих князьях Владимирских», «Повесть о белом клобуке» и др.

Таким образом, на Руси вплоть до падения Константинополя происходит процесс освоения византийского культурного наследия, в частности, восточного богословия (Дионисий Ареопагит, Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, Иоанн Дамаскин, Иоанн Итал, Григорий Палама и др.), которое оказало мощнейшее влияние на мировоззрение русского общества и русскую историософию. После падения Константинополя постепенно падает авторитет Византии, угасает сам интерес к Византии. Начинают развиваться и укрепляться связи с Западом, что сказывается и на русском просвещении. В 1631 г. Петром Могилой (впоследствии Киевский митрополит) и его коллегами была основана Киевская Духовная Академия на основе латинского схоластического обучения (схоласты стремились с помощью методов философии истории Аристотеля доказать истинность догматов). «Это был заведомо ложный путь, т.к. истинность догмата постигается через веру, в опыте духовной жизни, а не рассудочным путем» [1: с. 50]. Западноевропейская схоластика вплоть до начала XIX в. становится характерной особенностью русской богословской мысли, значительно повлияв и на русскую религиозную философию (учение Аристотеля и Платона, противопоставление католицизма и православия в рамках дилеммы «Европа — Россия» станут одними из центральных проблем в последующем споре западников и славянофилов).

Начиная с XVIII в., после петровских реформ, когда было «прорублено окно в Европу», начинает созревать новая проблема в русской социальной действительности — тема соотношения Востока (России) и Запада (Европы). Как известно, впервые на научном уровне попытку осознать взаимоотношение Запада и Востока предпринял Г.Ф.В. Гегель [4]. Русская мысль в начале XIX в., как справедливо замечает Г.В. Флоровский, пробудилась во многом под влиянием немецкой идеалистической философии Канта, Шеллинга, Гегеля. В академическом преподавании с самого начала явно чувствуется веяние новой германской метафизики. Настала эпоха романтизма и «идеализма» в русской культуре и русской жизни [18: с. 301].

Тема «Восток — Запад» становится основной темой русской философии истории и актуальна по сей день. В философских, исторических и литературных спорах данная проблема рассматривается как урок прошлого и как попытка определить перспективы будущего. Начиная с 30–50-х гг. XIX в., в интеллектуальных кругах русского общества развернулась философская дискуссия о путях и идеалах социального и национального развития России, в результате чего в русской философии сложилось два направления — западники (П.Я. Чаадаев, Н.В. Станкевич, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, Т.Н. Грановский и др.) и славянофилы (И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, Н.Я. Данилевский и др.). Славянофилы настаивали на том, что Россия должна искать свой путь развития, а западники призывали активно перенимать все европейское. В то время как западники, по словам исследователя И.С. Коваленко, особенно «преуспели в тотальной критике Отечества» [8: с. 70], славянофилы хотели открыть в лице России, по мнению Н.А. Бердяева, «оригинальный тип культуры и общественного строя на духовной почве православия» [2: с. 38], они сформулировали типичные черты различия России и Европы, русской и западноевропейской культур.

Развитие русской историософии второй половины XIX — начала XX вв. характеризуется новым религиозно-философским пробуждением. Крупнейшим и типичным представителем этого классического периода русской философии, испытавшим влияние как славянофилов, так и западников, стал Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900 гг.), у которого нашлось как множество талантливых последователей (С.Н. Трубецкой, Е.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, Л.П. Карсавин, С.Л. Франк, И.А. Ильин, В.В. Зеньковский, Б.П. Вышеславцев, Н.С. Арсеньев, П.И. Новгородцев и др.), так и оппозиционеров (Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев и др.). В.С. Соловьев был ярким приверженцем целостного мировосприятия, всю свою жизнь искал пути органического соединения науки, философии и религии. Популярность его философии, по мнению доктора экономических наук и политолога В.Ю. Катасонова, можно объяснить тем, что его идеи оказались созвучны духу того непростого времени, когда Россия находилась на переломе двух эпох (разрушение традиционных устоев и переход к капитализму). Тогда на волне отрицания всего ортодоксального и архаичного приветствовалось все новое [7: с. 277].

Одна из наиболее известных работ В.С. Соловьева по историософии — «Оправдание добра. Нравственная философия» (1897 г.) [14: т. 1, с. 47–548], представляющая собой первую часть задуманной трилогии, посвященной вопросам так называемого «всеединства», «всечеловечества» и «вселенской христианской тео-

кратии». Основным предметом книги является понятие добра, рассматриваемого в процессе всемирного исторического развития и в непосредственной взаимосвязи с нравственным смыслом жизни. В этой же работе философ раскрывает критерии доказательства всеединства человечества: единство происхождения, единство слова, единство всемирной истории [14: т. 1, с. 76]. В.С. Соловьев рассматривает добро как онтологическое понятие, добро само по себе ничем не обусловлено, но оно все собою обуславливает и через все осуществляется. Отсюда чистота, сила и полнота добра (его «всеединство»). В книге рассматривается три «ступени» проявления добра: добро в человеческой природе, добро от Бога (безусловное и божественное начало) и добро через историю человечества. Христианство, как безусловное нравственное начало — истинная основа и норма всякого добра в мире. Христианство, как воплощение абсолютного нравственного идеала — универсальная религия [14: т. 1, с. 354]. Царство Божие есть окончательная цель всякой жизни и деятельности, как высшее добро, благо и блаженство [14: т. 1, с. 281].

За несколько месяцев до своей смерти, весной 1900 г. В.С. Соловьев пишет апокалипсическую работу «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» [16: т. 2, с. 635]. Три «разговора»: о войне (война — зло, но может быть и справедливой), о прогрессе (стремление к международному миру) и конце всемирной истории (о борьбе добра и зла) заканчиваются указанием на последнее, крайнее проявление зла в истории, представлением его краткого торжества и решительного падения. Последняя часть трилогии — «Краткая повесть об Антихристе» начинается повествованием о последней мировой войне, которую развяжут «все народы Восточной Азии» во главе с Японией («панмонголизм») против Европы и России. В.С. Соловьев остается и здесь верен идее всеединства, говоря об объединении России и Европы для борьбы с завоевателями. Это объединение примет форму «всемирной монархии» во главе с антихристом при поддержке масонов: «...почти везде исчезают последние остатки старых монархических учреждений. Европа в XXI веке представляет союз демократических государств — европейские соединенные штаты» [16: т. 2, с. 739]. Автор повести пророчески подчеркивает состояние духовной деградации общества перед приходом антихриста: успехи внешней культуры вновь пошли ускоренным ходом, а предметы внутреннего сознания — вопросы о жизни и смерти, об окончательной судьбе мира и человека, осложненные множеством научных исследований и открытий, остаются по-прежнему без разрешения, вера утрачена: «Таким понятиям, как Бог, сделавший мир из ничего и т.д., перестают уже учить и в начальных школах» [16: т. 2, с. 740].

На рубеже XIX–XX вв., в эпоху революции, радикального социального переустройства одна из главных тем русской религиозной мысли — эсхатологические ожидания, к ней обращаются Л.А. Тихомиров, В.В. Розанов, К.Н. Леонтьев, Н.А. Бердяев и др.

Во второй половине XIX в. в России в споре о путях развития российского общества появляется новая философская интерпретация исторического процесса — теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского и его последователя — К.Н. Леонтьева, которая нашла свое дальнейшее развитие в западноевропейской историософии — цивилизационных концепциях немецкого философа истории О. Шпенглера и британского историка и социолога А. Дж. Тойнби. Основное внимание русские мыслители уделяют анализу западноевропейской цивилизации и вопросам исторического развития России. Один из главных вопросов: в каком состоянии находятся религиозная, культурная, политическая и социально-экономическая сферы деятельности Западной Европы и России? На каком периоде развития находится западноевропейская цивилизация: есть ли у нее позитивное будущее, или она вступила на путь «загнивания», «разложения» и гибели? Возможен ли для России собственный путь развития, или ей предназначено идти той же стезею, по которой идут страны Европы?

Цивилизационный подход как нельзя лучше способствовал рассмотрению России и Западной Европы как двух самостоятельных субъектов исторического процесса, имеющих индивидуальный путь развития, свою культуру, традиции, материальные и духовные ценности. В своей «натуралистической» социологии Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев рассматривают историю как чередование культурно-исторических единиц, которые, подобно сложным живым организмам, проходят в своем развитии этапы зарождения, расцвета и умирания. Н.Я. Данилевским и К.Н. Леонтьевым были раскрыты основные ценностные характеристики русского культурно-исторического типа — это высокие духовно-нравственные и социально-политические русские идеалы, появившиеся под влиянием византизма: византийское христианство (православие) и особый вид монархии — самодержавие, а также такие отличительные черты русского характера, как гуманность и миролюбие, внутренняя духовная жизнь, приоритет общественных интересов над индивидуальными, патриотизм. Для западноевропейской цивилизации, напротив, характерны ничтожные, пагубные, «загнивающие» идеи европейского либерализма, капитализма и социализма: социально-политические конфликты, революции, тенденции к ликвидации сословности и равенство на «среднего буржуа», возникновение искаженных форм христианства — католицизма и протестантизма, эгоизм, индивидуализм, слепая вера в земное счастье и гуманный прогресс,

безнравственность, развращенность и т.д. По мнению обоих философов истории, западноевропейская цивилизация с конца XVIII в. находится в стадии «упрощения», умирания. Чтобы затормозить подобный процесс в России, русские мыслители призывают российский народ к самобытному развитию, в основе которого должны лежать незыблемые византийские принципы: крепкое самодержавие, православие, духовность и высокая нравственность.

Итак, одной из главных особенностей русской философско-исторической мысли вплоть до XIX в. была, прежде всего, тесная связь с христианским мировоззрением. Однако во второй половине XIX – начале XX вв. под влиянием западноевропейской философии, идеологов эпохи Просвещения, секуляризации общества, идей французских революций в русской философии появляются и такие направления, как нигилизм (Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев), анархизм (М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин) и марксизм (Г. В. Плеханов, В. И. Ленин). Все они возникли из односторонне истолкованного гегельянства и были связаны с европейскими, особенно немецкими, течениями материализма. Однако, по мысли некоторых отечественных религиозных мыслителей (Н. А. Бердяева, В. Н. Ильина, С. Л. Франка и др.) даже русский материалистический атеизм имел черты религии, создавшей свой культ (Христианство, атеизм и современность. Сборник статей. URL: <http://predanie.ru/bez-avtora/book/218279-hristianstvo-ateizm-i-sovremennost/#toc5>).

Социал-демократические идеи, постепенно созревающие в российском обществе, привели в 1917 г. к окончательному, катастрофическому перелому в русской философии. Коммунистическая идеология способствовала развитию практически единственного направления философии истории — исторического материализма, в основе которого — материалистическое понимание диалектического развития истории человеческих обществ (формационный подход). Русская религиозно-философская мысль продолжила свое развитие в Европе, куда были высланы в 1922 г. многие

выдающиеся представители университетской и академической философии (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, П. А. Сорокин, С. Е. Трубецкой, С. Л. Франк и др.). Вместе с тем, несмотря на мощное идеологическое давление, в СССР смогли жить и философствовать такие выдающиеся мыслители как А. Ф. Лосев, М. К. Мамардашвили, В. Ф. Асмус и некоторые другие.

В постсоветский период наблюдается процесс переоценки ценностей, идут поиски элементов нового мировоззрения, духовно-нравственного и социального смысла происходящих реформ. Вновь актуален вопрос о месте России в общемировом цивилизационном процессе, о путях ее дальнейшего развития, о взаимоотношениях России и западных стран. По-новому осмысливаются различные социально-политические проблемы в условиях глобализации и вестернизации, проблемы власти, демократии, либеральных, консервативных и социал-демократических концепций. Наконец, наметился процесс возрождения христианской философско-исторической, социальной и богословской мысли.

Современная действительность характеризуется отсутствием единой парадигмы мышления, столкновением различных мировоззренческих концепций, что ведет к нарушению восприятия мира в его целостности и гармонии, к потере смысла истории и смыслозначимых ориентиров. В этой связи, на наш взгляд, воссоздание единой концептуальной картины всемирной истории, в которой нынешнее состояние человечества предстало бы как естественный и закономерный результат предшествующего развития; обращение к традиционным христианским ценностям, к идее самобытного развития России, к лучшим историософским работам отечественных мыслителей прошлого позволит обрести как отдельному человеку, так и современному российскому обществу в целом, истинную мудрость, неискаженные духовно-нравственные ориентиры, смысл социально-исторического развития и смысл собственной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архимандрит Алипий (Кастальский-Бороздин). Догматическое богословие / Архимандрит Алипий (Кастальский-Бороздин), архимандрит Исаяя (Белов). — Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007. — 288с.
2. Бердяев Н. А. Русская идея: Основные проблемы России. М.: Сварог, 1997. — 541 с.
3. Бицилли П. М. Восток и Запад в истории Старого Света // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: Антология. М.: Наука, 1993. — 367 с.
4. Гегель Г. Ф. В. Лекции по истории философии: в 2 кн. / Сост. Ю. В. Перов, К. А. Сергеев. СПб.: Наука, 1993. Кн. 1. — 342 с.
5. Гольдберг А. Л., Дмитриева Р. П. Филофей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 471–472.
6. Иларион, митр. Слово о законе и благодати // Златоструй. Древняя Русь XI–XIII вв.: Антология. М., 1990.
7. Катасонов В. Ю. Русская социологическая мысль на рубеже XIX–XX веков. М.: Родная страна, 2015. — 462 с.
8. Коваленко Н. С. П. Я. Чаадаев и славянофилы: проблема патриотизма // Человек и социум: Сборник научных статей. Мурманск, 2003. С. 70.
9. Петрушко В. И. Курс лекций по истории Русской Церкви. Лекция 19. URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/436284/> (дата обращения: 22.01.2018).

10. Повесть временных лет. URL: <http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/00278191190308819347/> (дата обращения: 22.01.2018).
11. Послание о неблагоприятных днях и часах. URL: <http://eleazarovo.ru/moskva-iii-rim/poslaniya-filofeya-moskva-iii-rim/poslanie-o-neblagopriyatnyh-dnyah-i-chasah/> (дата обращения 21.02.2018).
12. Послание старца Филофея к великому князю Василию // Сб.: Памятники литературы древней Руси. Конец XV-первая половина XVI в. М., 1984. Вып.6.
13. Сеницына Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. — 419 с.
14. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В. С. — 2 изд. Сочинение в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. — 893 с.
15. Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В. С. — 2 изд. Сочинение в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. — 823 с.
16. Тихонюк И. А. «Изложение пасхалий» московского митрополита Зосимы // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: сборник статей. М., 1986. С. 45–61.
17. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. М., 2009. — 848 с.
18. Христианство, атеизм и современность. Сборник статей. URL: <http://predanie.ru/bez-avtora/book/218279-hristianstvo-ateizm-i-sovremennost/#toc5> (дата обращения: 21.02.2018).

© Власова Людмила Александровна (sale@iselcom.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭТИКА ДИАЛОГА В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

THE ETHICS OF A DIALOGUE IN THE MODERN EDUCATION

*Yu. Lobanova
N. Bazhenova*

Summary. The social changes of the last decades which are closely connected with the development of communications relates to all the spheres of the life including the education. The personal form of communication and the dialogue as intercourse of equal parties are coming to replace the traditional scheme of the information transfer in educational process.

Keywords: communication, education, dialogue, ethics, information, knowledge.

Лобанова Юлия Владимировна

*К.ф.н., доцент, Московский Политехнический
Университет*

julia-lobanova@mail.ru

Баженова Наталья Васильевна

*Преподаватель, НОУ ВО Московский Технологический
институт*

natabazhenova@yandex.ru

Аннотация. Социальные изменения последних десятилетий, связанные с развитием коммуникаций, затрагивают все сферы, включая сферу образования. На смену традиционной схемы передачи информации в образовательном процессе приходит личностная форма коммуникации, диалог как общение на равных.

Ключевые слова: коммуникация, образование, диалог, этика, информация, знание.

Образование в нашем мире становится основным занятием для большинства людей, которые теперь учатся на протяжении всей своей профессиональной жизни. «Обучающийся» — ученик, студент, слушатель курсов — сегодня статус почти каждого активного, любознательного, а главное, развивающегося человека. Особенно это относится к учителю, к преподавателю, ведь, как справедливо заметил утверждал К. Д. Ушинский, учитель живет до тех пор, пока он учится, как только он перестает учиться, учитель в нем умирает.

Под Школой мы будем понимать образовательные учреждения, в том числе высшие, под «учитель» — преподавателей, в том числе преподавателей высшей школы.

Образование, сколь бы ни говорилось сегодня об инновациях (заметим, что понятия «инновации в образовании» и «модернизация образования» переживают неслыханную инфляцию), наряду с семьей — одна из самых консервативных сфер, а значит, человек в своей деятельности здесь стремится преимущественно опираться на опыт. Логично, ведь основная задача школы понималась и понимается, в первую очередь, как социализация обучающихся, передача им социального опыта, воспроизведение себе подобных членов общества, способных интегрироваться в социум со всеми его позитивными и негативными чертами, с его уровнем нравственности, интеллекта, конформизма, с его заблуждениями, стереотипами и т.п.

М. Фуко убедительно обосновывает, что образование еще вчера было и в значительной мере сегодня остается дисциплинарной сферой. Обучение в школах проходит

без родителей, дети учатся подчиняться чужим и даже незнакомым людям не из чувства привязанности или даже уважения, а «потому что так требует социальная система, основанная на единообразии требований, норм, правил и социальных ролей», каждый здесь — один из всех, «от него ждут не исключительного, а типичного поведения, соответствующего предписанным нормам. Подкрепляется все это единообразной формой, стандартным набором учебников и письменных принадлежностей, режимом дня и т.п.» [4,230].

Тем не менее, нынешняя скорость трансформаций во всех сферах жизни и особенно в коммуникациях не позволяет поддерживать «status quo» образования. Мы не можем учить так, как учили нас. Изменение роли учителя — очевидная констатация факта, не будем обосновывать это в данной статье. Отметим, что, несмотря на мощные методические ориентиры в виде ФГОС, роль и место учителя находятся в «подвешенном состоянии», они только «нащупываются», и учащимся и учителям трудно, как никогда (поэтому, например, средняя школа так активно пытается разделить трудности с родителями).

Известный психолог, педагог и публицист, лауреат премии Президента РФ в сфере образования Л. В. Петрановская утверждает, что идеи, на которых основывается традиционное образование — и среднее, и высшее — устарели, стали мифами. «Копить знания», «копить деньги», «быть усердным и исполнительным» и прочие традиционные заветы безнадежно устарели, сама концепция карьеры безусловно меняется, так как меняются и все остальные сферы общества: экономическая, политическая, культурная и др. [7].

Какие же качества будут нужны человеку? Актуальными требованиями сегодня и в обозримом будущем видятся такие черты, как вовлеченность, увлеченность, спонтанность, умение договариваться, понимать и объяснять (зачастую в условиях мультикультурности), взаимодействовать в команде, создавать новое и критически мыслить. Все это, так или иначе, связано с коммуникациями.

В рамках традиционного образовательного процесса коммуникации являются, по сути, преимущественно механическими, или, если пользоваться терминологией Ю. Лотмана, пространственными, в них как бы перемещается информация от Я (субъекта, учителя, обладателя информации) к Он (ученик, субъект, преемник информации), при этом «информация не претерпевает изменений, акты «кодирования» и «расшифровки» оказываются абсолютно тождественными... Модель эта представляется абстрактной в условиях реально организуемого общения: во-первых, по причине невозможности семиотического тождества личностей, которым пришлось бы обладать для этого не только одной культурной, но и одной индивидуальной памятью; во-вторых, в силу бесконечности процесса количественного приращения информации» [8].

Сегодня мы можем говорить об изменении коммуникации, в том числе и в школе, причем не только по форме, но и качественно. При всей исключительной важности роли педагога в школе XX века, коммуникации раньше носили однонаправленный характер, были вспомогательным, «обслуживающим» процессом для основного — передачи знаний от учителя к ученику. Многие из нас конспектировали лекции преподавателя, самые продвинутые — записывали на диктофон, но сейчас надиктовывание, например, определений выглядит некоторым анахронизмом, «приветом из прошлого» (хотя встречается не так редко). В наш век бурного развития коммуникационных технологий, общение в образовательном процессе должно строиться с учетом обратной связи, стать равноправным и диалогичным.

В докладе Госсовета РФ «Об образовательной политике России на современном этапе» вроде бы заданы требования: «Развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать решения, способны к сотрудничеству, отличаются мобильностью, конструктивностью, готовы к межкультурному взаимодействию». [3].

Таким образом, мы хотим воспитать в школе самостоятельную, инициативную, решительную, лояльную к окружающим личность, но при этом используем для формирования такой личности устаревшие инстру-

менты, пытаемся загнать учащихся в рамки, которые в XXI веке им однозначно тесны. Понятия успеха, сотрудничества, культуры, нравственного поведения и т.п. остаются словами и подвергаются дальнейшей инфляции, и это не вина учителей: будучи философскими категориями, эти понятия не поддаются таким определениям, которые исключали бы многообразие трактовок по поводу их содержания. А ведь если отталкиваться от семантики слова «образование» как передачи образа, придания образа, то очевидно, что здесь нужны и точность, и красота, и яркость, а не расплывчатость, бесформенность и двусмысленности. Нам кажется, что образом, который мог бы помочь нам, является диалог. Образ увлеченных, лояльных, совместно ищущих подходящее всем сторонам решение людей (а не образ группы людей, внимающих одному носителю истины) — это то, чего не хватает школе.

Если рассматривать диалог не как форму и не как тривиальное речевое явление, а как методологическое понятие, схему и модель мыслительной деятельности и рассуждений, а главное — специфически личностную форму коммуникаций, то можно обоснованно предположить, что изучение этого феномена может дать целый ряд педагогических, познавательных и этических ориентиров (открытий?) Соответственно, становятся особенно актуальны труды тех мыслителей, которые осмысливали этот феномен.

Диалогизм — философское направление, сформировавшееся в первой трети XX века и представленное трудами М. Бубера (1878–1965), М. Бахтина (1895–1975), Э. Левинаса (1906–1995), О. Розенштока-Хюсси (1888–1973), Ю. Лотмана (1922–1993) и др. Теорией диалога занимаются социолингвистика (Л. Щерба, Л. Якубинский), литературная и философская герменевтика (Х. Гадамер), феноменология (Х. Гуссерль, М. Мамардашвили), фундаментальная онтология (М. Хайдеггер), литературоведение и семиотика (А. Аверинцев, Ю. Лотман) и другие научные дисциплины. Их труды явились новым мировоззрением, предвосхитившим современную культурную ситуацию с ее мультикультурализмом и качественным изменением коммуникаций, поэтому философия диалога столь популярна сегодня. Диалогисты признают феномен общения основным в бытии человека как социального существа и, по сути, онтологизируют речь. Диалогизм оказал существенное влияние на экзистенциализм, феноменологию, герменевтику (а эти направления, в свою очередь, повлияли на диалогизм) и во многом определяет современный образ мысли.

По мнению Бахтина, «участное мышление» (соотнесение себя с Другим, умственный и душевный отклик, вхождение в мир другой человеческой вселенной, где является нечто абсолютно новое) преобладает во всех

великих системах, особенно и отчетливо — в средние века, бессознательно и маскированно — в XIX и XX веках.

В повседневной, обыденной речи мы часто используем другого человека как функцию. Диалог же — это субъект-субъектное отношение. Структурной составляющей диалога является Другой, а целью — согласие, достигаемое благодаря пониманию и стремлению к этому пониманию. Поскольку полное понимание недостижимо (у каждого свой культурный опыт, бэкграунд, и мы интерпретируем услышанное сквозь призму этого опыта), Диалог является недостижимым идеалом, но, с другой стороны — всякое человеческое общение подразумевает интенцию, направленность на Другого; обращаясь к Другому, индивид ставит цель быть услышанным, и для этого необходимо хотя бы минимально понимать того, к кому обращаешься.

Диалог наглядно демонстрирует экзистенциальную сущность человека, то, что человек является процессом. Таким образом, к человеку, состоящему в диалогических отношениях, неприменимы никакие окончательные оценки, никакие ярлыки, а ведь именно с навешивания ярлыков — «плохой», «злой», «глупый» (оценивающий, понимает, видит себя хорошим, добрым и умным) начинаются неразрешимые конфликты. Сутью диалогической философии является представление о незавершённости человека: к нему неприменимы никакие конечные атрибуты. В диалоге человек конституирует себя, изменяет и познает, но не для того, чтоб остаться собою, а для того, чтобы обрести себя уже другого, духовно и интеллектуально обогатившегося.

То, что согласие, а не истина является целью диалога, сегодня особенно актуально, так как современный мир отказывается от классического понятия абсолютной истины и приходит к плюрализму мнений, позволяющему избежать огромного количества конфликтов между теми, кто считает себя носителем единственно верной истины.

Новизна этики диалога, среди прочего, заключается в том, что диалогисты видят именно в различии между мной и Другим импульс к моральному ответственному поведению, в то время как традиционно моральное отношение зависело от успеха идентификации Другого как меня самого, то есть уподобления мне.

Диалогизм дополняет и развивает этический интеллектуализм, утверждая, что понимание является не только познавательной, но и моральной задачей.

Понимание всегда остается проблемой, и для диалогического события нужна двусторонняя интенция, поэтому здесь нужно говорить о синергии как о творческом объединении двух начал: intersubjectивности (заданной человеку природой и обществом) как возможности понимать других и ответственности как волевому усилию, с помощью которого эта возможность реализуется.

Таким образом, ориентация коммуникаций в образовательном процессе на принципы этики диалога представляется нам крайне плодотворной как в гносеологическом, так и в этическом и педагогическом аспектах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985.
2. Бейсенова Г. А. Философия образования М. Фуко как проекция концепции власти-образования // Образование и насилие. / Сборник статей. Под ред. К. С. Пигрова Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2004. С.212–226.
3. Доклад Госсовета РФ «Об образовательной политике России на современном этапе» 2012.
4. Кравченко А. И. Социология: Общий курс: Учебное пособие для вузов. — М.: ПЕРСЭ; Логос, 2002–640 с.
5. Кристева Ю. От одной идентичности к другой // От Я к Другому: Сб. пер. по проблемам intersubjectивности, коммуникации, диалога. Минск, 1997.
6. Левинас Э. Время и другой // Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм Другого человека. С.-Пб. 1998.
7. Петрановская Л. В. Мы готовим детей к позавчерашнему миру // [Электронный ресурс] PRAVMIR.RU URL: <http://www.pravmir.ru/lyudmila-petranovskaya-myi-gotovim-detey-k-pozavchershnemu-miru/> (дата обращения 05.12.2017)
8. Петрова В. А. О двух моделях диалога в образовании // [Электронный ресурс] Серия «Symposium», Диалог в образовании., Выпуск 22 / Сборник материалов конференции Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. <http://anthropology.ru/ru/text/petrova-va/o-dvuh-modelyah-dialoga-v-obrazovanii> (дата обращения 07.04.2018)
9. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.

© Лобанова Юлия Владимировна (julia-lobanova@mail.ru), Баженова Наталья Васильевна (natabazhenova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОДИНОЧЕСТВО КАК ОСОЗНАННЫЙ ЭТАП ПОВСЕДНЕВНОСТИ. ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА ВЛИЯНИЯ СВОБОДНОГО ВЫБОРА НА ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА В УЕДИНЕНИИ

Мазуренко Елена Александровна

*К.ф.н., доцент, Гуманитарный институт (филиал)
Северного (Арктического) федерального университета
в г. Северодвинске
maz-elena@yandex.ru*

**LONELINESS AS A CONSCIOUS
STAGE OF EVERYDAY LIFE.
THE EXPERIENCE OF SOCIAL-
PHILOSOPHICAL ANALYSIS
OF THE IMPACT OF FREE THE CHOICE
TO EXPERIENCE SOLITUDE IN SOLITUDE**

E. Mazurenko

Summary. The article is devoted to the social and philosophical understanding of loneliness as a phenomenon of heterogeneous everyday life. Along with other events, loneliness contrasts with its calm flow and is understood as a natural test stage of everyday life, as a challenge to the individual, which makes human life full. In the course of comparative analysis of philosophical approaches, the author concretizes essential distinctions of experience of loneliness, solitude, uniqueness. The relationship between loneliness and solitude is analyzed, and the philosophical understanding of the phenomenon of loneliness is specified. The author comes to the conclusion that the person knowingly receiving the loneliness gets to use it on your own. It can be solitude in its inner world in a public place or solitude in a situation of voluntary isolation. The transformation of conscious loneliness into the experience of uniqueness leads to the manifestation of its special modus, which separates a person, allowing him or her not to need close communication because of his or her self-sufficiency. Loneliness and solitude — different concepts, but inseparable. Loneliness is a state of mind consisting in the realization of one's own individuality, peculiarity, originality. Solitude is a natural consequence of loneliness, as an opportunity to belong entirely to yourself, the ability to protect, preserve and enhance your inner world, in order to further communicate themselves to the outside world.

Keywords: loneliness, everyday life, privacy, privacy, uniqueness, individuality, exclusivity, modus of loneliness, isolation.

Аннотация. Статья посвящена социально-философскому осмыслению одиночества как феномена неоднородной повседневности. Наряду с другими событиями, одиночество противопоставляется ее спокойному течению и понимается, как естественный испытательный этап повседневности, как вызов личности, который делает жизнь человека полноценной. В ходе сравнительного анализа философских подходов, автором конкретизируются существенные отличия переживания одиночества, уединенности, единственности. Анализируется взаимосвязь одиночества и уединения, а также уточняется философское понимание феномена одиночества. Автор приходит к выводу, что человек осознанно принимающий одиночество получает возможность использовать его по своему усмотрению. Это может быть уединенность в своем внутреннем мире в публичном месте или уединение в одиночестве, в ситуации добровольной изоляции. Трансформация осознанного одиночества в переживание единственности приводит к проявлению его особенного модуса, который обособляет человека, позволяя ему не нуждаться в близком общении в силу своей самодостаточности. Одиночество и уединение — понятия различные, но неразделимые. Одиночество — состояние духа, заключающееся в осознании своей отдельности, особенности, неповторимости. Уединение является естественным следствием одиночества, как возможности всецело принадлежать себе, возможности оградить, сохранить и приумножить свой внутренний мир, с целью дальнейшего сообщения себя миру внешнему.

Ключевые слова: одиночество, повседневность, уединение, уединенность, единственность, отдельность, исключительность, модус одиночества, изоляция.

Одиночество и уединение в современной философской культуре — понятия не тождественные. Они либо используются, как синонимы, либо противопоставляются друг другу. Социально-философский подход требует большей ясности в этом вопросе, поскольку неразборчивость приводит к упрощенному пониманию одиночества как философской категории.

Уединение является примером социальной изоляции — в ее добровольной относительной форме. Одиночество в состоянии уединения не воспринимается человеком, как болезненное переживание, или вовсе не осознается. Это объясняется главной характеристикой уединения — свободным выбором человека. Именно свобода принятия решения уединиться окрашивает

это состояние положительными эмоциями. Одиночество человек не выбирает, оно присуще ему изначально.

В некотором смысле уединение можно противопоставить общению. Одиночество противопоставляется общению всегда. Критерием схожести в данном случае выступает противоположность нахождению в обществе людей. Можно было бы предположить, что в уединении человек испытывает не одиночество, а уединенность. Однако, например, в индийской философии уединенность — понятие не тождественное уединению. Уединенность понимается, как внутреннее уединение. Находясь в уединении, где-нибудь на природе, человек также может ощущать беспокойство или одиночество, если уединенность не была достигнута. Внутренняя уединенность, по мнению индийской религиозного философа, Шри Мата Амританандамаи Дэви (которая более известна, как Амма), помогает расслабиться, вызывает ощущение покоя. [5, с.1] При этом внутренняя уединенность достигается независимо от того, где находится человек — в толпе или на природе. Само нахождение в уединении не гарантирует достижения такой уединенности. Кроме того, Амма, опираясь на психологическое понимание, разводит понятия внутренней уединенности и одиночества, считая последнее отрицательной эмоцией. Когда человек взволнован, он не может ощущать умиротворение и радость. Причина одиночества в привязанности, а внутреннюю уединенность дает отрешение.

Уединенность — это состояние господства над умом. С этим согласен Бхагаван Шри Рамана Махараши, который говорит об уединении, как о том, что находится в уме человека и определяется его направленностью. [8, с.1] Он считает, что человек, сохраняющий безмятежность ума, умеющий им управлять, всегда находится в уединении. Человек же, привязанный к мирским вещам, не может достичь уединения. Тем самым, подчеркивается тот факт, что для достижения уединенности не обязательно находится в уединении. Схожее понимание уединенности как возможности в любой момент погрузиться в себя и свои мысли, находясь в любом обществе имел в виду М. Монтень. В его размышлениях встречается описание физического уединения как пребывания в одиночестве. [8, с.1] Философ признается, что именно это состояние расширяет круг его интересов и выводит за пределы собственного «Я». Таким образом, обращая внимание на то, что уединиться можно и вдвоем, делаем вывод, о том, что человек, уединяясь наедине с собой, всегда находится в одиночестве.

Едины в своих взглядах на одиночество и уединенность некоторые отечественные и западные исследователи. В частности, с английским понятием «приватность» сравнивает уединенность Кувакин В. А., разделяя позицию экзистенциализма, и определяя уединенность

как «область особого одиночества и сосредоточенности...».[5, с.207] Это подтверждается современными западными исследованиями. Кристофер Р. Лонг и Джеймс Р. Аврилл отмечают, что уединение часто относят к определенному типу приватности (privacy), как чего-то личного, уединенного, тайного. В данном случае, имеется в виду способность контролировать степень вторжения в нашу жизнь других людей или каких бы то ни было социальных институтов.[13, с.21] Кроме того, как тип приватности, уединение обозначает состояние, в котором личность находится одна, не на виду, но не является вынужденно отделенной какими-либо препятствиями или большим расстоянием от других людей. Авторы разделяют уединение и одиночество на основании того, что многие люди, говоря об уединении, придают особое значение его преимуществам. В то время как одиночество обычно воспринимается как негативное эмоциональное состояние, которое большинство людей стремится избежать. Для человека одиночество является показателем дефицита количества или качества межличностных отношений.[13, с.23] Таким образом мы убеждаемся, что негативные психологические переживания, сопровождающие одиночество, определяют тот факт, что в большинстве исследований одиночество противопоставляется уединению.

Итак, одиночество отличается от уединения, в основном наличием негативной эмоциональной окраски. В этом солидарны как отечественные исследователи, так и западные. Однако такое понимание одиночества, является сугубо психологическим и не отражает всей полноты данного феномена, поскольку затрагивает только два его вида: эмоциональное и социальное одиночество. С точки зрения философии одиночество — явление многомерное. Уединение, несомненно, напрямую связано с одиночеством.

Повседневность и страх одиночества диктуют человеку поиски нового названия, которое по сути своей отражает лишь позитивную сторону философского понимания одиночества. Одиночество в экзистенциальном смысле является постоянным жизненным фоном, на котором происходят жизненные события. Посмотрим на одиночество с данной точки зрения, воспринимая его не как нечто экстраординарное, а как повседневное явление в нашей жизни. Дело в том, что наша повседневность неоднородна, утверждает И.Т. Касавин.[2, с.118] С одной стороны, в ней присутствуют постоянные, относительно спокойные жизненные события. Однако рано или поздно проявляются моменты случайные, более или менее бурные, вплоть до пограничных ситуаций для существования человека и его окружения. В результате, плавное течение жизни то и дело прерывается фатальными вызовами личностям, крайними состояниями духа и тела. Это могут быть неизбежные кризисы у человека,

а также неординарные стороны, которые присутствуют в жизни большинства людей: любовь-страсть, рождение ребенка, ревность, непримиримая вражда, пылкая дружба, смерть близких. Большинство перечисленных ситуаций провоцируют, обостряют и углубляют переживание одиночества. Вторая группа — это ситуации внешние: достижения, неудачи, успехи и другие биографические катаклизмы. Бросая вызов «спокойной» повседневности, все они необходимы для ее продолжения. В том числе и одиночество.

Таким образом, обыденность нашей жизни время от времени нарушается. Нарушают ее не только приятные события, но также естественные испытания и даже трагические обстоятельства. Часто они влекут за собой переживание одиночества, желание уединиться, даже изолироваться от людей. Однако в силу практической неизбежности для каждого из нас большинство подобных испытаний и переживаний приобретают определенные черты обыденности, особенно с возрастом человека, а также в зависимости от разных субкультур. Например, зрелого человека любовные страдания юноши заставляют чувствовать снисходительную мудрость: все проходит; а паническое состояние европейцев или американцев, возникающее из-за трехмиллиметрового слоя снега или гололеда вызывают у жителя России лишь улыбку. Такие события «это тоже повседневность, только второго плана — паранормального», — считают авторы.[2.с.119] Таким образом, у человека есть возможность относиться к одиночеству как к испытанию естественного порядка, обычному и неизбежному. Естественно, как любое явление, одиночество имеет негативные и позитивные составляющие. Обычный человек видит в одиночестве только то, что настроен увидеть. Тут мы приходим к выводу, что восприятие одиночества определяется отношением к одиночеству, трансформацией взглядов на данное явление диктуемых обществом. Значение одиночества как феномена индивидуальной жизни человека гораздо более важное, чем просто — страдание от недостатка друзей или отсутствия эмоциональной близости.

С точки зрения философии уединение является естественным продолжением одиночества. Человек осознанно принимающий одиночество волен использовать его по своему усмотрению. Это может быть уединенность в своем сознании, даже в самом людном месте. Это может быть уединение в одиночестве, в ситуации добровольной изоляции. Кроме того, трансформация этого осознания в переживание единственности образует новый модус одиночества, который обособляет человека, позволяя ему не нуждаться в близком общении в силу своей самодостаточности.

Осознание модуса одиночества, выражающиеся в принятии уникальности и творческой единственности

собственного внутреннего мира характерно для философов. Ф. Ницше утверждал: «Каждый из нас несет в себе, как ядро своего существа, некую творческую единственность: и когда он осознает эту единственность, вокруг него появляется своеобразный ореол — ореол необычного».[7, с.1] Однако для большинства людей эта ноша непосильна, поскольку они ленивы, а такое осознание требует огромных усилий и работы над собой. Философия предоставляет человеку возможность укрыться в пещере внутреннего мира, в одиночестве. А дар это или наказание — каждый решает сам. Именно такой выбор мучил и русского философа В. Розанова, которого осознанное, пережитое, постоянное одиночество заставляло стремиться к той приватности, той уединенности, которая была ему необходима. Здесь уединение — не только избегание общения, но и внутренняя невозможность «выйти» в другого человека, сообщить себя миру. Только наедине с собой философ ощущал себя наполненным смыслом. И эту наполненность он связывал с Богом.[10, с.8] Однако ценности мира — любовь, семья, дружба — Розановым не отвергаются, а осмысливаются и оцениваются. В вину ему можно было бы поставить только то, от чего предостерегал М. Бубер: когда человек мнит, что имеет Бога в себе, он скатывается в пропасть. Но философ не мог жить по-другому: «Болят душа..., и что с ней делать с этой болью я не знаю, но только при этой боли я и согласен жить. Это есть самое дорогое мне и во мне».[10, с.12] Подобный модус одиночества-невывраимости и есть первопричина его «Уединенного». Одиночество едино во всех его проявлениях: одиночество-боль и одиночество-наслаждение. Такое уединенное — это удел человека solo, как называл себя В. В. Розанов.

Другое впечатление производит позиция великого и «единственного» крайнего индивидуалиста М. Штирнера «Единственный и его собственность». Это книга не столько об одиночестве, сколько о крайней отдельности. Штирнер не переживает одиночество, и, более того, даже не собирается его переживать. Абсолютно монологический человек пишет: «Я чувствую, что мне еще менее будет не хватать содержания, что мне не придется жаловаться на «пустоту»...».[12, с.9] Это человек ego-solo. Одиночество и его осознание с удивительной силой обращает человека к людям, по-новому освещает мир человеческих взаимоотношений, ценность другого человека. Отдельность с ее самодостаточностью и теорией «на все случаи жизни», это эгоистическая позиция человека монологического, не нуждающегося в других людях, а нуждающегося в мире, только для реализации собственных нужд. Он не одинок, он один сам для себя, и не страдает от этого.

Некоторыми философами одиночество принципиально не рассматривается как единственность. Э. Левинас пишет, что «единственный» — это самодостаточный,

абсолютно обособленный, то есть не одинокий.[4, с.93] Единственному не нужна уединенность, ему нужен весь мир, чтобы покорить его своими идеями. В этом ценность модуса осознания одиночества как единственности. «Я» перестает существовать, оставаясь в себе. «Я» имеет свое существование лишь поскольку трансцендирует себя, во внутреннем существовании своем выходит к Другому, к другим, к «Ты», к другому человеку, к Божьему миру. Нет ничего противнее и разрушительнее, чем когда «Я» эгоцентрически погружено в себя и свои состояния, забыв о других, о мире...то есть не трансцендирует себя», — говорил Н. Бердяев.[1, с.267] А в привычном для нас смысле «Уединенность может быть самое уникальное и последнее убежище личности, зона ее безопасного бытия, покоя и свободы».[11, с.64]

Признание ценности и умение использовать одиночество требуют от личности определенного уровня зрелости. По слову П. Тиллиха, требуют «мужества быть собой». П. Тиллих вводит понятие «мужество быть собой», подразумевающее самоутверждение «Я» в качестве неделимого и неподменяемого «Я». Самоутверждение предполагает утверждение обособленного, самоцентрированного, индивидуализированного, единственного в своем роде, свободного, самостоятельного Я. И при этом обособленность не является отчуждением, самоцентрированностью.

Люди думают, что для того, чтобы быть кем-то надо жить в больших коллективах, принадлежать к социальным группам. В результате они сливаются с толпой. Быть одиноким — значит быть отвечающим за свою жизнь, значит не быть членом стада, человеком массы. А. Шопенгауэр описывал людей, которые совершенно не могут выносить одиночество. Созерцание природы или мира не занимает их, поскольку они всегда видят перед глазами лишь собственную волю и поэтому упускают все, что не имеет к ним отношения. Данное описание схоже с пониманием монологического человека, которого описывал М. Бубер. «Я и Мир коррелятивны, так же как индивидуализация и соучастие».[11, с.64] Поэтому понятие «мужество быть частью» — это не самоутверждение «Я», как части целого, что можно предположить, а мужество утверждать свое бытие в соучастии.[11, с.66] В понимании П. Тиллиха «мужество быть частью» — это свойство индивидуального «Я», имеющего «мужество быть собой». Иметь мужество быть частью — не значит утратить индивидуальность. Это мужество научиться реализовывать ее и приумножать в соучастии. Такое понимание сходно с рассуждением о диалогическом существовании человека.

Одиночество позволяет человеку увидеть либо богатство внутреннего мира, либо внутреннюю пустоту. Для человека «пустого» невыносим полный покой без суеты и развлечений. Он не просто не может занять себя, или

испытывает скуку; он переживает свою зависимость, немощь, пустоту. И тогда в душе появляется отчаяние. «Радость ее (души человека) в самозабвении, и, чтобы сделаться несчастной, ей достаточно остаться наедине с собой» — завершает Б. Паскаль свои размышления о причинах суетности человека.[9, с.58] Проще говоря, человеку или скучно в одиночестве, или страшно, потому что приходится отвечать перед собой, самому принимать решения. Человек стремится уйти от самого себя в общество. Конечно, быть одному страшно, рискованно, но только потому, что человек живет как бы на свой страх и риск, без оглядки на кого-либо, без «подсказки» как правильно поступить, без гарантии, что поступил верно. В обществе есть общие правила, стандарты, за которые человек может спрятаться как за принятые всеми нормы. Именно они дают ощущение безопасности и вынуждают бояться одиночества. Довольно часто одиночество становится следствием отвержения общественных норм и ценностей или несоответствия им. В такой ситуации человек может пойти по пути конформизма: принять существующие в обществе нормы и ценности; бунта: стремиться изменить их; или отступления. Именно так А. Шопенгауэр, уединившись, испытывал презрение ко всему социальному, отождествляя его с ординарностью и глупостью. Общественная жизнь, сравниваемая Ф. Ницше с жизнью «стадной», с ее стадным счастьем зеленых пастбищ, безопасностью, облегчением жизни для каждого, доступна «людям без одиночества», противопоставлялась другой жизни — человека одинокого, борющегося с собой за себя самого.[8, с.274] Человек существует в мире, который непрерывно заново воссоздается, утверждал М.К. Мамардашвили. Каждое событие, каждый акт человеческого существования человек «воссоздает» заново, сам. Человек должен в своей уникальной ситуации воссоздавать ее для себя. Философ использует понятие «темнота», означающее принципиальную невозможность сделать что-то знанием. Темнота каждого человека индивидуальна. Даже вера в Бога не имеет никакого значения, если человек не породил заново сам для себя в одиночестве образ Христа.[6, с.81] Это созвучно признанию исихазмом ценности единоличного общения с Богом, общения один на один, в полном одиночестве, минуя церковную иерархию. Возможность самому творить отношение к Богу в своей душе. Чтобы одиночество не было таким пугающим, обычный человек должен понимать, что быть одиноким — не значит жить одному. В данном случае речь идет о внутреннем одиночестве, которое приобщает человека к истинному существованию и диалогическому общению с другими людьми. Осознание и использование внутреннего одиночества, помогает строить более конструктивные взаимоотношения с окружающими людьми, избегая тем самым социальной изоляции. Чтобы перестать быть человеком массы индивидууму достаточно просто перестать быть инертным в отношении самого себя, считал Ф. Ницше. Это дело очень трудное: обрести себя, достичь внутреннего

одинокости, перестать быть копией, симулякр, продуктом массовой культуры.[7, с.3]

М. Монтень точно обосновал и изложил значение одиночества для человека.[7, с.365] Уединение обращает человека к самому себе, а переживание одиночества, скорее раздвигает и расширяет круг его интересов, выводя за пределы собственного «Я» и привлекая внимание к интересам всего мира.

Таким образом, мы пришли к выводу, что одиночество и уединение — понятия различные, но неразделимые. Одиночество — состояние духа, заключающееся в осознании своей отдельности, особенности, неповторимости. Уединение является естественным следствием одиночества, как возможности всецело принадлежать себе, возможности оградить, сохранить и приумножить свой внутренний мир, с целью дальнейшего сообщения себя миру внешнему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев, Н.А. Я и Мир объектов. Опыт философии одиночества и общения/ Н. А. Бердяев// Философия свободного духа.— М.: «Республика», 1994.— 480с.
2. Касавин, И. Т. Анализ повседневности/ И. Т. Касавин, С. П. Щавелев. -М.: Канон+, 2004. — 432с. — (Современная философия).
3. Кувакин, В. А. Твой рай и ад: человечность и бесчеловечность человека (Философия, психология и стиль мышления гуманизма) / В. А. Кувакин.— СПб.: Алетейя: М.: Логос, 1998.— 360с.
4. Левинас, Э. Время и другой. Гуманизм другого человека/ Э. Левинас.— СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998.— 265с.
5. Мата Амританандамайи Уединенность и одиночество// <http://scriptures.ru/amma/ammachi/awch8-06.html> 4.04.18
6. Мамардашвили, М. К. Лекции о Прусте. Психологическая топология пути/ М. К. Мамардашвили.— Издательство: «Ad Marginem», М.— 1995, 548с.
7. Монтень Мишель. Опыты. Избранные главы. Перевод с французского Г. Косикова; Примеч. Н. Мавлевич М.: Правда, 1991.— 656 с.
8. Ницше Ф. «Несвоевременные размышления: Шопенгауэр как воспитатель» <http://www.nietzsche.ru/works/main-works/shopengauer/> 9.04.18
9. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Сочинения в 2 т.— М: «Мысль»,1990.— Т. 2.— С. 274–275
10. Осборн.А. Шри Рамана Махарши и его учение//Перевод О. Могилевера// Ленинград–Тируваннамалай: Изд-во Шри Раманашрама, 1991.Киев: PSYLIB, 2003. <http://psylib.org.ua/books/raman01/txt00.htm> 11.04.18
11. Паскаль Б. Человек его низость и величие // Паскаль, Б. Мысли/ Б. Паскаль.— М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, Изд-во ЭКСМО-МАРКЕТ, 2000.— 368с. (Серия «Антология мудрости»). С. 58
12. Розанов В. В. Уединенное // <https://proflib.net/chtenie/28603/vasily-rozanov-uedinennoe.php> 11.04.18
13. Тиллих, П. Мужество быть/ П. Тиллих //Избранное: Теология культуры. Пер. с англ.— М.: Юрист.— 1995.— 479 с.— (Лики культуры).
14. Штирнер, М. Единственный и его собственность/ М. Штирнер. -Харьков: Основа.— 1994.— 560с.
15. Long, C.-R., Averill J.-R. Solitude: An Exploration of Benefits of being Alone// Journal for the Theory of Social Behaviour, 2003, p.21–44.

© Мазуренко Елена Александровна (maz-elena@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северный (Арктический) федеральный университет

ФИЛОСОФИЯ НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОТ КИДАЛТОВ ДО СИНГЛТОНОВ

Маковецкая Елена Николаевна

К.ф.н., Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации (Омский филиал)
romanova_x@mail.ru

THE PHILOSOPHY OF THE NEW IDENTITY: FROM KIDULTS TO SINGLETONS

E. Makovetskaya

Summary. the article attempts to find out the socio-cultural and ontological basis of emergence of such new forms of identity as «kidult» and «singleton». The author considers the reasons of mass distribution and popularity of new life styles of the modern person, and also, process of transformation of ways of social identification of the person.

Keywords: identity, kidult, singleton, Peter pan syndrome, social infantilism, juvenilization, the prolongation of childhood, the cult of youth, life style.

Аннотация. в статье делается попытка выяснить социокультурные и онтологические основания появления таких форм новой идентичности человека как «кидалт» и «синглтон». Автор рассматривает причины массового распространения и популярности новых жизненных стилей современного человека, а также, процесс трансформации способов социальной идентификации человека.

Ключевые слова: идентичность, кидалт, синглтон, синдром Питера Пэна, социальный инфантилизм, ювенилизация, пролонгирование детства, культ молодости, жизненный стиль.

Анализ происходящих в современном обществе экономических, политических, социальных преобразований будет неполным без понимания изменений в самом человеке, его онтологической и социокультурной идентичности.

Сегодня размываются не только межкультурные, но и половозрастные различия. Изменяются содержательные характеристики идентичности человека. Вместо традиционных гендерных, возрастных, социальных ролей («мужчина», «женщина», «взрослый», «ребенок», «семьянин», «родитель», «мать», «отец»), появляются новые образы и новые типы человеческой идентичности. Единое представление о том, что значит быть взрослым или ребенком, мужчиной или женщиной уступает место множеству различных моделей.

Одними из них являются «кидалты» и «синглтоны». Эти новые образы самотождественности разрушают привычные стереотипы о поведении современного взрослого человека.

Целью проводимого нами исследования является попытка выяснить, насколько трансформировались способы социальной идентификации человека? Каковы социокультурные и внутренние онтологические основания появления и причины популяризации таких форм идентичности человека как «кидалт» и «синглтон»? Можно ли говорить о том, что снижается психологический возраст современного человека, а взросление становится лишь одним из вариантов жизненного стиля? Почему пролонгирование детства

и молодости все больше становится новым общемировым трендом?

Само понятие «идентичность» в социальном плане можно определить как общность, к которой человек себя причисляет. Идентификация может происходить с любым объектом или социальной группой — гендерной возрастной, профессиональной, политической и так далее. Социальная идентичность не просто дает человеку чувство сопричастности, стабильности, но и является основой исполнения любой социальной роли и конструирования своего образа жизни.

В философском понимании человеческая идентичность есть тождественность человека самому себе, внутреннее соответствие, соединение с самим собой, признание себя; установление собственной самости. По словам Э. Гуссерля, формирование идентичности есть ничто иное, как «генетическое конституирование врожденного характера» [4, с. 173]. Выбор определенной идентичности способствует укоренению тех или иных черт характера, благодаря которым каждое человеческое «Я» уникально.

Одним из общих названий новых образцов идентичности и моделей поведения современного человека является понятие «кидалт».

Кидалт (kidult, от английского kid — ребенок и adult — взрослый) буквально означает «ребенок-взрослый». Этот термин выражает модель поведения, которая получила распространение в современном обществе.

Кидалт — это взрослый, как правило, экономически независимый и успешный в карьере человек, который применяет детские практики и присваивает себе идентичность, характерную для подростков и детей. В первую очередь, детские практики кидалтов связаны с досугом: ролевые, компьютерные игры, мультфильмы, комиксы или игрушки. «Кидалт ищет детские продукты не с целью коллекционирования, но с целью потребления — игры, чтения или просмотра. Однако, одного потребления недостаточно, чтобы быть кидалтом. Для этого человек должен признавать себя таковым, давать себе право сказать: «я прикольный, но могу и посерьезничать» [7, с. 78].

Одним из первых термин «кидалт» ввел научный оборот американский ученый, специалист в области теории коммуникаций, профессор Нью-Йоркского университета Нил Постман. В своей книге, под названием «Исчезновение детства», которая была издана в 1982 году, Постман показал, что в современной реальности традиционное разделение детского и взрослого миров стало невозможно: «поведение детей стало более «взрослым», поведение взрослых — более «детским» [12, с. 111].

Той же логике следовал другой американский писатель и переводчик Роберт Блай, автор знаменитого бестселлера «Железный Джон», посвященного исследованию эволюции мужской идентичности. Блай полагал, что в современном обществе потребления, где традиционные ритуалы и социальные роли устраняются, у человека теряется ощущение возрастных границ [3]. Все чаще современный человек не способен совершить внутренний переход от статуса «подростка» к статусу «взрослого человека», взять на себя «взрослые» функции, принять новую онтологическую и социокультурную идентичность.

Собственную интерпретацию феномена кидалта представил в своей работе «Задержка развития: поп-культура и эрозия взросления» американский психолог Эндрю Калькутт. Он развивает мысль о том, что современное западное общество все более активно демонстрирует свое нежелание взрослеть и все больше популяризирует образ жизни «взрослых детей» [11]. Тенденция к пролонгированию детства и молодости становится общемировой. В том числе это характерно и для современной России.

В отечественной научной литературе изучение новых форм идентичности, в частности кидалтов, имеет фрагментарный характер и отталкивается от западных исследований. Так, можно отметить исследования Е. Ярославской-Смирновой, Г. Карповой, М. Вороны, М. Манокина, Ю. Вишневого, С. Вершловского, Л. Горалик и др.

В своих исследованиях отечественные авторы анализируют самые разные формы идентичности в современном постиндустриальном обществе: «синдром Питера Пэна»,

близкий к нему по своему содержанию «синдром Карлсона», «дети-бумеранги», «кидалты», «скринэйджеры», «синглтоны» и другие.

Можно ли говорить о инфантилизации современного человека, или о новой форме взрослости?

Ряд исследователей сходятся в определении данных явлений, как нового вида социальной деформации, социального инфантилизма, сущностью которого является расхождение между биологическим и социально-психологическим возрастом человека. «Характерной чертой [современного человека] является умаление роли авторитета и мудрости старших и исповедание во взрослой жизни подростково-юношеских ценностей. Название «тинэйджеры» («несовершеннолетние») и «бэби-бумас» очень четко подчеркивает их позицию в жизни. Претендуя на взрослость, они живут психологией «бесконечной юности», не отказываясь от ее прекрасных идеалов, которые, кстати, были хорошо подхвачены соответствующей «индустрией» (включая и средства массовой информации)» [9, с. 11].

«Инфантильная жизненная позиция проявляется в отсутствии инициативы, творческой активности, потребительских настроениях молодого поколения по отношению к окружающим людям и обществу в целом. Считается, что социально инфантильная молодежь отдает приоритет гедонистическим и материальным ценностям. Принцип удовольствия, жизнь «здесь и сейчас». Рутинная работа и бытовые обязанности часто вызывают раздражение молодежи тем, что они отвлекают от «полноценной жизни», от развлечений» [5].

Иная точка зрения состоит в том, чтобы не связывать новые формы идентичности (в том числе и кидалтов) с социальным и психологическим инфантилизмом, с уходом от ответственности и отсутствием четкой гражданской позиции. Многие авторы интерпретируют их как новые модели современной взрослости, новые стилевые и эстетические предпочтения, где особое значение имеют детство, игра и креативность.

Так, например, характеризуя идентичность кидалта, М.А. Манокин рассматривает данный феномен как проявление общей тенденции ювенилизации общества. «Ювенилизация означает омоложение поведенческих стратегий индивида, осуществляемое путем включения в них моделей поведения, конвенционально признанных присущими более молодым людям. То есть, ювенилизация означает любой «сдвиг» поведенческих стратегий к образцам, свойственным более молодым поколениям. Она не заключается только в том, что люди старшего возраста начинают одеваться похоже на молодежь или бороться с биологическими признаками старения. Это еще и проявления старшими социальных практик, присущих молодежи. Ювенилизация

предусматривает разные заимствования старшими людьми практик не только молодых людей, но и детей и подростков» [7, с. 77]. В полном смысле слова кидалт не может отождествляться с инфантильным человеком. «Границы между стилевым предпочтением и «инфантилизмом» достаточно размыты: к примеру, наряд в стиле new age может выступать не как «детская одежда», а как стилевой, эстетический выбор, вне какой-либо связи с качествами безответственности или непосредственности» [10]. Таким образом, вторая точка зрения состоит в том, чтобы различать кидалтов как потребителей «детского» жизненного стиля и инфантильных людей, ведь взрослый отличается от ребенка тем, что может правильно и четко понять ту ситуацию, когда он может позволить себе «играть в детство»

Иной формой новой идентичности современного человека является синглтон.

Синглтон (singleton, от английского single — один) можно перевести как «одиночка», «единичный предмет, не имеющий пары». Этот термин используется для обозначения образца жизни людей, которые сознательно отказываются от брака и семьи и предпочитают жить в одиночестве.

Как правило, синглтоны — это вполне самостоятельные, самодостаточные люди, которые строят успешную карьеру и занимаются творческим и интеллектуальным саморазвитием. По своей сути, синглтон — индивидуалист, который активно работает над собственным благополучием и удовольствием. Он живет ради себя самого. Синглтоны — это те, «кто предпочитает не заводить тесных дружественных или сексуальных отношений с далеко идущими намерениями, с опаской относится к любым новым знакомствам, те, кто не желает брать на себя ответственность за жизнь и безопасность другого, поскольку любое сближение обязывает» [6, с. 207].

По мнению ряда исследователей данного феномена, проблема состоит не в том, что появилась такая категория людей, как синглтоны, которые сознательно выбирают одиночество, а в том, что их число активно растет. По данным ВЦИОМ, эта цифра в нашей стране может составлять около 20% трудоспособного населения, проживающего в крупных городах, среди которых хорошо оплачиваемые профессионалы, мелкие бизнесмены, чиновники среднего звена, представители творческих профессий [8]. Провозглашая индивидуализм, сознательное одиночество и жизнь в свое удовольствие, синглтоны лишь усугубляют кризис семьи как важнейшего социального института. Для синглтона «семья» вполне может состоять из него одного, что противоречит самой сущности и природе семейных отношений.

Как и кидалта — синглтона характеризует эгоизм и нежелание жертвовать своими интересами. Кидалт и сингл-

тон — типичные представители современного общества потребления. Они главные покупатели дорогих эксклюзивных вещей, с помощью которых они поощряют свою личность и в то же время создают и подчеркивают собственную индивидуальность.

Стиль жизни кидалта и синглтона напрямую зависит от их социального статуса. Позволить себе быть «инфантильным», покупать дорогие игрушки и модные аксессуары может далеко не каждый. А потому современные кидалты и синглтоны — это представители среднего и высшего класса. Высокий уровень заработка, отсутствие необходимых трат на семью (в случае синглтонов), делает из них привлекательных клиентов дорогих услуг и потребителей элитных товаров. «Быстрое взросление — это реалии бедности» [10].

Каковы же объективные социально-экономические и внутренние основания появления и популяризации таких форм идентичности человека как «кидалт» и «синглтон»?

По мнению ряда исследователей, появление новых форм идентичности современного человека связано со спецификой сегодняшнего общества, где главной идеологией и философией выступает консьюмеризм. Сегодня потребление товаров и услуг становится целью и смыслом жизни человека, а счастье ставится в зависимость от уровня потребления. Образ жизни и ценностные ориентиры кидалтов и синглтонов, как потенциальных потребителей все больше популяризируется. XX век сделал молодежную массовую культуру главной культурой западного мира.

Так, например, тема взросления в современном кино за последнее время почти полностью была вытеснена мотивом впадения в детство. Иллюстрациями могут служить Фильм «Властелин колец», который в прокате собрал миллионы долларов не за счет детской аудитории; сериал «Счастливы вместе», американские комедии с главными героями-кидалтами в исполнении Бена Стиллера «Счастливчик Гилмор», «Знакомство с родителями» или Адама Сэндлера «Маменькин сыночек», «Большой папа» и много других подобных персонажей с юношескими качествами. Кроме того, появилось множество анимационной продукции для взрослой аудитории: «Шрек», «В поисках Немо», «Суперсемейка», «Симпсоны», «Футурама».

Также примером могут служить всевозможные компьютерные он-лайн игры, задуманные специально для взрослых геймеров и блоггеров. С середины 1990-х отмечается стойкая тенденция взросления потребителей компьютерных развлечений. В начале двухтысячных средний возраст игрока составлял 18 лет, в течение последних 15 лет этот показатель достигает 30. Если раньше взрослый мужчина, сидящий за игровой приставкой, выглядел в глазах окружающих, по меньшей мере, странно и не представлял никакой коммерческой ценности для производителя, то сегодня он

потенциальный покупатель игровой приставки, компьютерных игр и апгрейдов для них.

Такие ценностные ориентиры, как зрелость, ответственность, постоянство, надежность вступают в противоречие с современной культурой. Вместо этого ребячливость, безответственность, социальная незрелость и вечная молодость становится общемировым трендом.

Современная массовая культура и молодежные индустрии не просто пропагандируют культ вечной молодости, но и формируют страх старения. Общество требует от человека «идти в ногу со временем», «быть актуальным и продвинутым», «быть молодым». Если же человек немолод, то он стремится к видимости молодости (отсюда небывалый спрос на услуги косметологов и пластических хирургов; выглядеть старо считается стыдно и неприлично). Отчасти, именно такое культивирование «вечной юности» во многом объясняет поведение кидалтов, которые следуют молодежной моде, увлечены компьютерными играми и другими формами досуга, которые традиционно приписываются молодому поколению.

В качестве еще одной практики продления молодости можно назвать тенденцию позднего вступления в брак, рождения детей, либо полный отказ от любой формы семейной жизни, которая считается неприемлимой и тяжелой (в случае с синглтонами).

Еще одной причиной, которая способствует смене ориентиров со взрослой идентичности на детскую являются большие стрессовые нагрузки, определенная монотонность, высокий темп жизни и работы современного

взрослого человека. Уход в детство, принятие детских моделей поведения может рассматриваться как механизм психологической защиты от стрессов и тревог взрослой жизни. Кидалты, синглтоны и другие формы новой идентичности — это своеобразный ответ на вызовы изменчивой современности. Сегодня, чтобы быть успешным, нужно быть мобильным и гибким, гнаться за новыми рыночными тенденциями. Это формирует «краткосрочную ментальность» [1, с. 30]. Время и пространство текучи, ничто не гарантирует современному человеку постоянства. Чтобы быть успешным и актуальным на рынке труда, он должен быть готов менять свои социальные роли, свою профессиональную квалификацию, свои традиционные представления. «Текучесть» жизни придаёт мобильный телефон. Звонки поступают от коллег, родственников и друзей, как следствие, человек вынужден часто менять социальные роли. А теперь телефон перенимает ещё и почтовую переписку, функции управления банковским счетом, функции книги, телевизора, плеера, магазина... Высокая мобильность отщепляет индивида от прежних сообществ, «индивидуализирует» его [2, с. 32]. Отсюда, выбор детских практик поведения (в случае с кидалтами), как и выбор сознательного одиночества (у синглтонов) может интерпретироваться как реакция на скоростной, вечно меняющийся мир.

Взрослому хочется того же чувственного опыта, который напоминает ему счастливое время детства. «Возвращение в детство» — это не только попытка убежать от проблем взрослой жизни, оттянуть старость, но и абсолютный самообман, который всячески поддерживается самыми разными молодежными индустриями и идеологией современного общества потребления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. — М.: Логос, 2002. — 390 с.
2. Бауман З. Текучая современность. — СПб.: Питер, 2008. — 230 с.
3. Блай Р. Железный Джон: книга о мужчинах. — М.: Эксмо, 2003.
4. Гуссерль Э. Картезианские медитации / пер. с нем. В. И. Молчанова. — М.: Академический Проект, 2010. — 229 с.
5. Ефимова Г. З. Социальный инфантилизм студенческой молодежи как фактор противодействия модернизации современного российского общества. [Электронный ресурс] // Электронный периодический научный журнал «Наукоедение». — Вып. 6. (25) ноябрь-декабрь 2014. (<http://naukovedenie.ru/>)
6. Каштанова О. В. Синглтоны — специфическая категория российских граждан // Вестник Казанского технологического университета. — 2011. № 3. С. 206–212.
7. Манокин М. А. Ювенилизация современного общества: культурологические аспекты // Общество. Среда. Развитие. Terra Humana. — 2012. № 3 С. 77–81.
8. Одиночки по убеждению // ВЦИОМ. 13.05.2010.: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13482.html?nocache=1&cHash=8878475d4f> (дата обращения: 20.06.10)
9. Сухобская Г. С. Понятие «зрелость социально-психологического развития человека» в контексте андрагогики // Новые знания. — 2002. № 4. С. 17–20.
10. Ярская-Смирнова Е. Р., Ворона М. А., Карпова Г. Г. «Веселые, непонимающие и бессердечные»? О феномене Питера Пэна. [Электронный ресурс] // Электронный периодический журнал «Неприкосновенный запас». — Вып. 6. (62). — 2008.
11. Calcutt A. Arrested Development: Pop Culture and the Erosion of Adulthood. — London: Cassell, 1998. — 262 p.
12. Postman N. The Disappearance of Childhood. — London: Random House LLC, 2011. — 192 p.

© Маковецкая Елена Николаевна (romanova_x@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕЛИНЕЙНОЕ РАЗВИТИЕ И САМОРАЗВИВАЮЩИЙСЯ СОЦИУМ*

NONLINEAR DEVELOPMENT AND SELF-DEVELOPING SOCIETY

V. Popov
S. Maximova
I. Lichman

Summary. The article discusses various aspects of the nonlinear development of society. Modeling of social transformations is a priority for the adoption of initially defined prerequisites, which is implemented within the framework of specific local decisions. The social subject is capable not only to display local social alternatives in social transformations and on their basis to construct possible scenarios of social development. The discourse is that complex and self-developing social systems have a progressive transforming role. There is a possibility of such correlation between the researcher and the accident, in which the social subject will to some extent initiate some direction of social development. At the same time, the social actor is responsible for the existence of preferences, alternatives, accidents that will certainly appear within the framework of a self-organizing, complex social system.

Keywords: nonlinearity of development, social subject, alternative, self-organizing, complex social system, social transformations, modeling, randomness, alternatives, preferences.

Попов Виталий Владимирович

*Д.ф.н., профессор, ФГБОУ ВО «Ростовский
государственный экономический университет (РИНХ)»
Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал)*

Максимова Софья Игоревна

*Аспирант, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)» Таганрогский
институт им. А. П. Чехова (филиал)*

Личман Ирина Дмитриевна

*Аспирант, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)» Таганрогский
институт им. А. П. Чехова (филиал)*

Аннотация. В статье рассматриваются различные моменты нелинейного развития социума. Моделирование социальных трансформаций приоритетно касается принятия изначально определенных предпосылок, что находит осуществление в рамках конкретных локальных решений. Социальный субъект способен не только отобразить локальные социальные альтернативы в социальных трансформациях и на их основе построить возможные сценарии социального развития. Дискурс идет о том, что сложноорганизованные и саморазвивающиеся социальные системы имеют прогрессивную трансформирующую роль. Возникает возможность такого соотнесения исследователя и случайности, в которой социальный субъект будет в той или иной степени инициировать некоторое направление социального развития. При этом социальный субъект отвечает за наличие предпочтений, альтернатив, случайностей, которые безусловно будут появляться в рамках самоорганизующейся, сложноорганизованной социальной системы.

Ключевые слова: нелинейность развития, социальный субъект альтернативность, самоорганизующаяся, сложноорганизованная социальная система, социальные трансформации, моделирование, случайность, альтернативы, предпочтения.

В современной литературе идет достаточно активная дискуссия относительно нелинейности развития в контексте сложных систем. При этом социальный субъект представляется как субъект инициативный, субъект активный, не только инициирующий в социальных трансформациях варианты альтернатив социального развития, а непосредственно обращающий внимание на сам поисковый характер относительно тех альтернатив, которые могут быть намечены в транзитных периодах.

Моделирование социальных трансформаций приоритетно касается принятия изначально определенных предпосылок, что находит осуществление в рамках конкретных локальных решений. Подобные решения пред-

полагают конструирование моделей, коррелирующих не просто с конкретными результатами деятельности социального субъекта, они направлены на ожидаемую полезность в контексте самой деятельности социального субъекта по отношению к комплексу социальных событий внутри социальной трансформации.

Если рассмотрение социального развития переходит в контекст синергетического представления социального субъекта, представления его возможностей, то, безусловно, на ведущие роли выходят такие моменты, которые позволяют говорить о том, насколько человек как социальный субъект может принимать участие в становлении сложных систем, в развитии процессов, и вообще какое место он будет занимать в подобных социальных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Трансформация стратегий исследования динамики социальной реальности», № 16-33-00003

трансформациях, так как, в данном случае, при социальной трансформации, также как и при линейном развитии будут складываться из периодов транзита, и эту ситуацию не стоит не учитывать.

Социальный субъект способен не только отобразить локальные социальные альтернативы в социальных трансформациях и на их основе построить возможные сценарии социального развития. Последнее позволяет социальному субъекту определить такую основную значимую линию развития общества, которая существует в контексте рассматриваемого интервала времени с точки зрения его длительности, на шкале которого целесообразно и возможно проводить реконструкцию, моделирование и конструирование искомого сегмента будущего времени, отражающего направленность приоритетных социальных трансформаций

То есть, дискурс идет о том, что сложноорганизованные и саморазвивающиеся социальные системы имеют прогрессивную трансформирующую роль. Как пример такого случая, можно рассмотреть нестабильные ситуации, которые представляют собой некоторый результат диалектики хаоса и порядка в социальных трансформациях в контексте общественного развития. В этом случае и возникает возможность такого соотнесения исследователя и случайности, в которой социальный субъект будет в той или иной степени инициировать некоторое направление социального развития. При этом социальный субъект отвечает за наличие предпочтений, альтернатив, случайностей, которые безусловно будут появляться в рамках самоорганизующейся, сложноорганизованной социальной системы.

Заметим при этом, что саморазвивающиеся система в этих случаях обычно находится в контексте некоторого транзита от хаоса к порядку, с учетом управляющих параметров и с учетом имеющихся случайностей. Подобное движение социальной системы происходит таким образом, что если признать социальный субъект инициатором воздействия на сложноорганизованную систему, то можно говорить о том, что сложноорганизованная социальная система в своем становлении в какой-то мере способна уйти от заданного изначально некоторого направления движения.

Тогда, когда рассуждение идет относительно того, что социальный субъект не только пробует угадать имеющиеся флуктуации сложноорганизованной системы, но и пытается повлиять на подобные отклонения, тогда следует прямо говорить, что мы имеем дело со случаями, когда сам социальный субъект пытается не только найти определенный вектор в рамках сложноорганизованных и саморазвивающихся системах, но и в той или иной мере, посылно принять участие в направлении

их развития. Это, безусловно, доказывает некоторую значимость исследователя как социального субъекта в контексте теоретических и топологических моментов социальной синергетики. Имеется и некоторая другая характеристика или параметр, связанный непосредственно с нелинейностью. В данном случае исследователь имеет дело с некоторым порогом чувствительности, который отражает явление многоуровневости в становлении самоорганизующихся систем.

Такие случаи говорят лишь о том, что когда социальный субъект пытается инициировать свои действия, связанные с преобразованиями хоть и локальными, но все же преобразованиями, связанными с тем или иным влиянием на развитие сложноорганизованных социальных систем, то естественно его действия должны соответствовать имеющейся пороговой чувствительности.

В противном случае могут появиться вопросы, суть которых будет связана с тем, что социальный субъект, как исследователь столкнется с некоторыми негативными моментами, отражающими формирование и конструирование в рамках социальных трансформаций сегментов будущего времени, а возможно и определенных его сценариев. Главная проблема, на наш взгляд, заключается в том, что при таком негативном развитии могут иметь место определенные перекосы в отношении тех предпочтений или альтернатив, которые социальный субъект уже наметил в бифуркационном поле, а подобная негативная ситуация может привести только к пересмотру подобных предпочтений и альтернатив в контексте социальных трансформаций.

Имеется и третий параметр нелинейности, который, скорее связан с тем, что сама нелинейность способна вызвать квантовый эффект. Если подобный квантовый эффект так или иначе связать с проблемами социального субъекта, когда он сталкивается со сложными самоорганизованными социальными системами, то в данном случае стоит говорить о том, что безусловно прямого воздействия социальный субъект с квантовым эффектом не имеет.

Любой трансформирующийся социум в структуре, сущности, субстрате содержит различные множества противоречий, и они отражают различные версии наличного социального бытия, заложенные при переходе от одного к другому уровню трансформирующегося социума.

Субъект представляется как субъект инициативный, субъект активный, не только инициирующий в социальных трансформациях варианты альтернатив социального развития, а непосредственно обращающий внимание

на сам поисковый характер относительно тех альтернатив, которые могут быть намечены в транзитных периодах.

Моделирование социальных трансформаций приоритетно касается принятия изначально определенных предпосылок, что находит осуществление в рамках конкретных локальных решений. Подобные решения предполагают конструирование моделей, коррелирующих не просто с конкретными результатами деятельности социального субъекта, они направлены на ожидаемую полезность в контексте самой деятельности социального субъекта по отношению к комплексу социальных событий внутри социальной трансформации.

Если рассмотрение социального развития переходит в контекст синергетического представления социального субъекта, представления его возможностей, то, безусловно, на ведущие роли выходят такие моменты, которые позволяют говорить о том, насколько человек как

социальный субъект может принимать участие в становлении сложных систем, в развитии процессов, и вообще какое место он будет занимать в подобных социальных трансформациях, так как, в данном случае, при социальной трансформации, также как и при линейном развитии будут складываться из периодов транзита, и эту ситуацию не стоит не учитывать.

Социальный субъект способен не только отобразить локальные социальные альтернативы в социальных трансформациях и на их основе построить возможные сценарии социального развития. Последнее позволяет социальному субъекту определить такую основную значимую линию развития общества, которая существует в контексте рассматриваемого интервала времени с точки зрения его длительности, на шкале которого целесообразно и возможно проводить реконструкцию, моделирование и конструирование искомого сегмента будущего времени, отражающего направленность приоритетных социальных трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов А. Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации. - Минск, 1998. — 137 с.
2. Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. // М., 2004. — 400 с.
3. Делокаров К. Х. Синергетика и познание социальных трансформаций Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности // М., 2003. — 584 с.
4. Колодко Г. В. Глобализация, трансформация, кризис — что дальше? // — М.: Магистр, 2012. — 176 с.
5. Музыка О. А. Аксиологическая компонента социальной синергетики. Таганрог. 24с.
6. Музыка О. А. Социальная синергетика: Методология, семантика, методология. Ростов-на-Дону, 2010. 320 с.
7. Музыка О. А. Методологические аспекты исследования нелинейного процесса развития общества в бифуркационном поле // Философия права. 2010. № 6. С. 21–25.
8. Попов В.В., Музыка О. А., Тимофеев В. А., Уколов А. О. Темпоральность и транзитивность в историческом процессе // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. — № 7–6. — С. 111
9. Попов В.В., Музыка О. А., Тимофеев В. А., Уколов А. О. Особенности глобализации в контексте социальной синергетики // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. — № 8–2. — С. 307–310.
10. Попов В. В., Щеглов Б. С., Грановская М. В. Специфика концепта «интервал» в исследовании социальных процессов // Фундаментальные исследования. 2015. — № 2–4. -С. 872–875.
11. Попов В.В., Музыка О. А. Фактор темпоральности в контексте бытия социального субъекта // Международный журнал экспериментального образования. 2015. — № 3. — С. 40–42.
12. Попов В.В., Агафонова Т.П. Специфика темпоральности правового сознания социального субъекта // Фундаментальные исследования. 2015. — № 2–25. — С. 5730–5732

© Попов Виталий Владимирович, Максимов Софья Игоревна, Личман Ирина Дмитриевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА В КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ РУССКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

FEATURES OF UNDERSTANDING THE HUMAN PROBLEM IN THE CONSERVATIVE PARADIGM OF RUSSIAN SOCIAL PHILOSOPHY

N. Chestneyshyn

Summary. The article reveals the peculiarities of understanding of economic, social, legal, political and spiritual-moral aspects of human being in the conservative paradigm of Russian social philosophy. The author believes that the common feature characteristic of Russian conservatism is the understanding of man as an individual form of existence of socio-cultural tradition. This approach was formed under the influence of Christian anthropology and Western European socio-political and philosophical thought of XVIII–XIX centuries..

Keywords: conservatism, anthropology, individual, personality, inequality, rights, duties, freedom, state.

Честнейшин Николай Васильевич

К. ф. н., Гуманитарный институт филиал Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова в г. Северодвинске
hobson@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрываются особенности осмысления экономических, социальных, правовых, политических и духовно-нравственных аспектов человеческого бытия в консервативной парадигме русской социальной философии. Автор полагает, что общей чертой, характерной для русского консерватизма является понимание человека как индивидуальной формы бытия социокультурной традиции. Такой подход сформировался под влиянием христианской антропологии и западноевропейской общественно-политической и философской мысли XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: консерватизм, антропология, индивид, личность, неравенство, права, обязанности, свобода, государство.

В развитии отечественной социально-философской мысли достаточно отчетливо прослеживаются три основные парадигмы — либеральная, радикальная и консервативная. Русский консерватизм на протяжении нескольких десятилетий остается в центре внимания как научного сообщества, так и политических деятелей. И хотя за последнее время появилось немало работ, посвященных анализу русского и зарубежного консерватизма, антропологические аспекты этого направления философской мысли еще недостаточно изучены. А ведь именно вопрос о природе и сущности человека, его предназначении и связи с социальным целым является центральным пунктом спора между консерватизмом, либерализмом и радикализмом.

Фундаментом русской философской и политической мысли, особенно на первых этапах ее развития, являлось православие, и, прежде всего, это касается консерватизма, поскольку он всегда был ориентирован на православные ценности и традиции русской религиозной мысли.

Консерватизму свойственно христианское понимание человека как существа грешного и тем самым несовершенного, нуждающегося во внешней опеке. Большинство отечественных консерваторов, обращаясь к проблеме человека, опирались на христианскую ан-

тропологию, которая в качестве онтологической основы человека полагает триединство *тела, души и духа*. Человек тем самым соединяет в себе два противоположных начала — материальное и духовное, связующим звеном которых является душевный мир человека. Это накладывает отпечаток и на понимание гносеологических характеристик человека, ими, как правило, выступают *чувство, разум и вера*, единство которых нередко отождествляется с «сердцем», как средоточием человеческого существа. В связи с этим философия русского консерватизма нередко носит антирационалистический характер. Скептическое отношение к претензии разума на целостное познание мира вытекает из признания греховности человека. Консерваторы видят в нем недостаточно сил для познания истины, поэтому законы мира объявляются непостижимыми в своей полноте, поэтому человек, мир и Бог преподносятся как тайна. Признание невозможности достижения абсолютного знания приводит консерваторов к отрицанию возможности переустройства общества на основе той или иной теоретической модели ввиду того, что человек оказывается неспособным на тотальное предвидение и знание законов социального развития.

В социально-философском плане такое понимание онтологических и гносеологических основ человека приводит к представлению о детерминированности че-

ловека природно-географической средой, социально-экономическими, политико-правовыми и духовно-нравственными традициями общества.

Природно-географическая среда рассматривается многими отечественными консерваторами, начиная от Екатерины II и вплоть до евразийцев, как один из доминирующих факторов, обуславливающих специфику индивидуального и общественного бытия. В этом плане проявляется уже не столько следование религиозной христианской традиции, сколько новоевропейской философии, и, в частности, философии Ш.Л. Монтескье. Следует отметить, что западная философия, а главным образом философия Просвещения, романтизма и немецкая классическая философия сыграли значительную роль в формировании русского консерватизма. Но восприимчивость к достижениям западной философской культуры ничуть не умаляет оригинальность отечественных консерваторов, наоборот, чужие идеи, будь то либеральные или консервативные, на русской почве нередко приобретали свои специфические черты.

Относительно экономических аспектов человеческого бытия, русские консерваторы в качестве основных параметров выделяют представления о труде, собственности и богатстве. Труд выступает как одна из главных обязанностей человека, основной путь для достижения достойной жизни, трудовая деятельность видится возможной только в сообществе, потому что одинокому человеку крайне трудно обеспечить свою жизнь, и поэтому необходимо разделение труда. Труд, кроме того, понимается не только как способ приобретения материальных благ, но и как средство духовного совершенствования, преодоление греховной природы человека и его слабости. Как отмечал И.А. Ильин «...хозяйственный труд имеет не просто телесно-мускульную природу и не только душевное измерение, но и духовный корень» [3, 280].

Понимание природы и социальной значимости частной собственности в русском консерватизме имело значительные отличия от либерализма и социализма. Если в либерализме частная собственность рассматривается как главное условие реализации прав и свободы человека, а в социалистических учениях как главный источник социальной несправедливости, то в консерватизме частная собственность сама по себе не является ценностью или антиценностью. И.А. Ильин указывал на то, что главным является не собственность человека, а его «сердце и воля», то есть то, что проистекает из внутреннего мира человека. Тем самым в таком философском вопросе, как соотношение внутренней и внешней сторон деятельности человека, русские консерваторы отдают предпочтение «внутренней» стороне. Так, по И.В. Киреевскому, «западный человек искал развитием внешних

средств облегчить тяжесть внутренних недостатков, а русский человек стремился внутренним возвышением над внешними потребностями, избегнуть тяжести внешних нужд» [6, 232]. Но, тем не менее, необходимость частной собственности отнюдь не отрицалась в русском консерватизме, поскольку она «...соответствует тому индивидуальному способу бытия, который дан человеку от природы» [3, 282]. Из данного понимания собственности проистекает и своеобразие отношения к богатству. Оно также не является самодовлеющей ценностью, но может приобретать характер ценности «лишь как средство служения Добру, общему благу, государству и народу» [1, 105].

Связь человека с социальным целым, будь то семья, народ или государство, имеет, согласно большинству консервативных мыслителей, органический характер. Органическое понимание общества выводит отечественных консерваторов к разрешению дихотомии «коллективизм — индивидуализм». А.С. Хомяков вводит понятие соборности, которое являлось основополагающим понятием для осмысления сущности социальной и духовной связи человека и общества у многих русских консерваторов. Человек представляется им как социальное существо, поскольку именно общество «составляет орудие выработки личности, ... без него человек не мог бы быть человеком» [12, 61–62]. Тем самым, общество не является препятствием для осуществления свободы и индивидуальности человека, а наоборот, способствует этому. По мнению Л.П. Карсавина, индивидуальность человека состоит в специфическом выражении целого, тем самым, от того, чем богаче содержание целого, зависит и полнота индивидуального существования, и, в то же время, целое, по его мнению, может осуществлять себя только через индивидов. Таким образом, «соборное не отрицает и не ограничивает индивидуального, ... для бытия соборного целого необходимо как выражение его множества, ... так и выражение его единства, то есть взаимная согласованность индивидов» [3, 370].

Консервативная критика индивидуализма и коллективизма, и соответственно либерализма и социализма, во многом основывается на специфическом понимании свободы человека, которое состоит в разделении ее на две формы проявления — внутреннюю и внешнюю. Внешняя свобода понимается как свобода воли, умение противостоять внешнему давлению, а внутренняя как свобода духа. Свобода человека, с точки зрения консерваторов, не абсолютна, а относительна и зависит от конкретных обстоятельств, имеет «свою меру, свой объем и свои сроки» [3, 161]. Кроме того, полная индивидуальная свобода от общества признается невозможной, так как свобода человека может быть реализована только в обществе, совместно с другими людьми. «Отдельная

личность, писал А.С. Хомяков, есть совершенное бессилие и внутренний, непримиримый разлад» [12, 161]. Поэтому, согласно такой позиции, человек, оторванный от общества, не может сохранить свою целостность, а свобода частичная, по сути, уже не является свободой.

В связи с этим человек в консервативном мировоззрении не мыслится вне традиции. И тем самым подчеркивается зависимость человека от конкретного типа общества. Как отмечал Ж. де Местр, нигде в мире «... нет общечеловека. В своей жизни мне довелось видеть Французов, Итальянцев, Русских, ...но касательно общечеловека я заявляю, что не встречал такового в своей жизни» [7, 144]. Эта идея французского мыслителя разделялась и большинством русских консерваторов, для этого достаточно вспомнить Н.М. Карамзина, славянофилов, К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского и многих других. Человек в консерватизме — это лик общества, в котором он живет. Признание социокультурной обусловленности человека позволяет консерваторам говорить о необходимости поддержания исторической преемственности как важнейшего условия воспитания человека в духе любви к своей нации и родине. Отсюда, как указывает В.А. Гусев, проистекает и свойственный консерватизму «культ церкви, семьи, школы, армии», поскольку «они служат непосредственными воспитателями человека и проводниками традиции» [1, 264].

Подчеркивая органическую связь человека и общества, консерваторы отрицают возможность равенства людей в обществе и говорят о необходимости иерархического социального порядка. Согласно К.Н. Леонтьеву, равенство — признак социального упадка, ведущего к нивелировке всех индивидуальных качеств личности. Он указывал на то, что в буржуазном обществе идеалом становится мещанин, средний человек, а не личность, обладающая превосходными качествами. По И.А. Ильину «...люди не равны и перед лицом Божиим и от природы разнокачественны и потому, естественно должны быть не равны в своих правах» [2, 483]. В этом отчетливо выражается общая идея консерваторов, что «различия между людьми более важны, чем сходства» [8, 71].

Поскольку консерваторы отказывались видеть в индивиду «человека вообще», то он по одной лишь принадлежности к «человечеству» не может быть наделен и «правами человека». В консервативном правовом понимании, «субъект права — не абстрактное физическое лицо, но человек с вполне определенной национальной и корпоративной принадлежностью» [5, 130]. Затрагивая вопрос о соотношении прав и обязанностей, русские консерваторы отдавали предпочтение последним, они соглашались признать какое-либо личное право, только при условии возложения на субъекта этого права соответствующей обязанности. Как писал Л.А. Тихомиров,

«сознание права повсюду вытекает из сознания обязанности долга» [11, 578], поэтому личности следует дать лишь те права, которые нужны для исполнения долга. В учении о правосознании И.А. Ильина также отмечается, что поскольку человек есть существо общественное, то право не только предоставляет полномочие, но и связывает индивида. Человек, способный сознавать только свои права, еще не является полноценным субъектом права, так как «правосознание не сводится к тому, что человек «сознает» свои права, ... разумея свои права, человек призван разуметь и свои обязанности» [2, 446].

Культ традиции и ранга, признание необходимости социальной иерархии в консерватизме сочетается с идеей авторитета. Подчинение слабого сильному, ученика учителю, сына отцу, подданного правителю имеет, согласно консерваторам, психологическую и духовную основу. То есть, в самой душе человека заложено «искажение власти над собой» [11, 28], и, кроме того, стремление к духовному, нравственному совершенствованию приводит человека, как они полагают, к добровольному подчинению «источнику правды». Общественный порядок основывается, с консервативных позиций, на власти и авторитете, любое общественное объединение имеет некий авторитет: духовный — в Церкви, природный — в семье, силовой — в государстве. «Но задача этого авторитета, — согласно И.А. Ильину, — состоит не в том; чтобы подавлять духовную самостоятельность человеческой личности, но в том, чтобы строить на ней внешний порядок и общую жизнь организации» [3, 67]. Таким образом, отрицается противоречие между свободой и необходимостью подчинения авторитету, поскольку такое подчинение есть основа для совершенствования человеческой личности, следовательно, и реализации ее свободы как духовно-нравственного существа.

Общество и государство считаются консерваторами естественным продолжением человеческой личности, как утверждение себя в другом. Поэтому государство оказывается у них не внешним, искусственно созданным учреждением, а внутренним творением душевно-духовных сил человека. Более того, в некоторых концепциях государство отождествлялось с личностью. Так по Л.П. Карсавину, государство не простая сумма индивидов, сословий, классов и т.д., а их «организованное и согласованное, иерархическое единство...симфоническая личность» [4, 369]. Консервативная «индивидуализация» государства обуславливала и выбор консерваторами соответствующей формы правления, так как, если государство — личность, то управлять им должна личность. Таким образом, монарх являл собой не только символ единства верховной власти, но и символ личностного и божественного начала власти. Поэтому «российские охранители видели в монархе воплощение

личности государства» [9, 160]. Отсюда и идея служения подданных монарху, как служения государству, причем это служение оказывается и средством собственной самореализации индивида, поскольку, согласно Тихомирову, «государство... имеет смысл только как среда развития и жизни личности» [11, 565].

Но государство, общество не являются последней сферой осуществления человека как личности. Тот же Тихомиров писал, что «выработка развитой психически, душевно, личности составляет задачу жизни социальной, но выработка личности с характером духовного существа — требует нового строя, ... церковного, ... где организующей личностью является Божество» [10, 68]. В духовной сфере, тем самым, высшим ориентиром и авторитетом для человека, абсолютной ценностью является Бог. Общественный идеал консерваторов связывался с церковью, еще славянофилы видели миссию России в переустройстве жизни на подлинно христианских началах свободного единения на принципах любви, правды и добра. И выдвинутый Хомяковым принцип соборности, прежде всего, нераздельно связан с жизнью Православной Церкви, как Богочеловеческого организма. В соборном единстве членов церкви, как полагал Хомяков, преодолевается эмпирическая противоположность индивидуальной свободы и единства всех. Любовь к Богу объявляется той основой, на которой преодолевается эгоизм и разобщенность людей.

И. А. Ильин, как и А. С. Хомяков, основными атрибутами духа считал *веру, любовь, свободу*, добавляя к ним *совесть*. Все эти атрибута в его концепции образуют органическое единство: *любовь* осуществляется только через *свободу*, смысл *свободы* заклю-

чатся в добровольной *вере и любви*, а *совесть* есть основа внутреннего самоосвобождения, направляющая к нравственному совершенству. Отсутствие любой из этих составляющих обесмысливает назначение остальных. Главная цель всех четырех атрибутов состоит в постижении божественной сути, они обеспечивают личную форму соединения с Богом, в котором индивидуальность человека не исчезает, а наоборот сохраняет свою неповторимость. Благодаря *вере, любви, свободе и совести*, человек обретает зрелый характер, выражающийся в цельности и непротиворечивости с самим собой и внешним миром. Таким образом, в силу своей универсальности, эти атрибуты, по Ильину, имеют значение и в социально-политической сфере, в форме *патриотизма* (любовь к родине), *национализма* (любовь к народу) и правосознания, источниками которого являются религиозная *вера и совесть*. Наконец, свобода объявляется целью социально-политического развития. Политическая свобода определяется Ильиным через понятие «лояльность» т.е. добровольное признание авторитета власти и закона в качестве собственного, личного ценностного критерия.

Таким образом, в консервативном мировоззрении ценности духовно-нравственного порядка обладают общезначимым характером в любой сфере деятельности человека, в том числе в социально-экономической и политико-правовой. Несмотря на все различия во взглядах тех или иных представителей русского консерватизма, у них можно найти общие особенности, свойственные консервативному стилю мышления. И в отношении проблемы человека у всех русских консерваторов обнаруживается единый стержень, которым является христианская антропология.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусев В. А. Русская форма политической идеологии консерватизма. Дисс. на соиск. уч. ст. д. полит. наук. М., 1998. 295 с.
2. Ильин И. А. О монархии и республике // Собр. соч.: В 10 тт. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. С. 415–545.
3. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 39–285.
4. Карсавин Л. П. Основы политики // Основы Евразийства. М.: Артогея-Центр, 2002. С. 367–411.
5. Карцов А. С. Правовая идеология русского консерватизма. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 1999. — 223 с.
6. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Киреевский И. В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. С. 238–272.
7. Местр Ж. де. О порождении политических конституций // Полис. 1997. № 2. С. 141–147.
8. Мусихин Г. И. Консерватизм в поисках идентичности: от либертарианства к постмодернизму? // Исторические исследования: журнал Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 2016. № 5. С. 70–77.
9. Мусихин Г. И. Россия в немецком зеркале (сравнительный анализ германского и российского консерватизма). СПб.: Алетейя, 2002. — 256 с.
10. Тихомиров Л. А. Личность, общество и Церковь // Тихомиров Л. А. Христианство и политика. М., Калуга: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 2002. С. 50–84.
11. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. 672 с.
12. Хомяков А. С. По поводу Гумбольдта // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. М.: Тип. тов-ва И. Н. Кушнерев и К, 1911. С. 143–173.

© Честнейшин Николай Васильевич (hobson@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«ОПТИКА» СЭРА НЬЮТОНА В ТЕОЛОГИЧЕСКОМ СРЕЗЕ: СУЩЕСТВОВАНИЕ МАТЕРИИ, ЗАКОНЫ ДВИЖЕНИЯ И ПРИРОДА СВЕТА КАК ПРЕДИКАТЫ БОЖЕСТВЕННОСТИ

**SIR NEWTON'S «OPTICS»
IN THEOLOGICAL LIGHT: MATTER
EXISTENCE, LAWS OF MOTION
AND NATURE OF LIGHT
AS PREDICATES OF DIVINITY**

K. Sharov

Summary. The theological questions of Newton's book «Optics» are analysed in the paper. The connection between theology of «Optics» and that of «Mathematical Principles of Natural Philosophy» is shown. Newton's elaborating the teleological argument about the existence of God, is demonstrated. It is indicated that, according to Newton, the scientific study of nature provides the material and methodological basis for natural theology, which in the future should provide the basis for understanding the properties, intentions and nature of God.

Keywords: God, Deity, Newton, Newtonianism, theism, theology, natural philosophy, optics, mechanics, physics, the Universe, light.

Шаров Константин Сергеевич

*К.ф.н., старший преподаватель, Московский
Государственный Университет имени М. В. Ломоносова
const.sharov@mail.ru*

Аннотация. В работе проанализированы теологические вопросы ньютоновской книги «Оптика». Показана связь богословия «Оптики» с богословием «Математических начал натуральной философии». Продемонстрирована разработка Ньютоном телеологического аргумента о существовании Бога. Указано, что, согласно Ньютону, научное исследование природы дает материал и методологическую базу естественной теологии, которая, в свою очередь в будущем должна дать основу понимания свойств, замыслов и природы Самого Бога.

Ключевые слова: Бог, Божество, Ньютон, ньютонианство, теизм, теология, натурфилософия, оптика, механицизм, физика, Вселенная, свет.

*Невидимое Его, вечная сила Его
и Божество, от создания мира
через рассматривание творений
видимы.*

*Апостол Павел.
Послание к Римлянам, 1: 20.*

Исаак Ньютон сформулировал ряд крайне важных богословских идей не только в своих теологических рукописях, но и в работах по физике. Однако данные идеи часто ускользают от внимания исследователей, которые, в основном, сосредотачиваются на чисто научных аргументах английского ученого и пренебрегают его богословскими рассуждениями. Думаю, это не вполне правильно, поскольку не только лишает нас возможности во всей полноте понять богословие Ньютона, но и в значительной степени изменяет наше восприятие его науки как таковой.

Не только исследователи ньютонианства в нашу эпоху, но и многие современники Ньютона не могли понять место и роль его богословских взглядов в его научной картине мира [3; 4; 7; 18]. Даже Гюйгенс, знаменитый оппонент Ньютона на континенте по вопросам физики и космологии, был не в состоянии оценить, как религиоз-

ные взгляды Ньютона соотносились с его научными идеями; Гюйгенс называл эти взгляды «малозначительными вещами»: «Я высоко оцениваю ньютоновское понимание мира и научное изящество, но я думаю, что автор плохо использует их в большинстве своих работ, где он исследует крайне малозначительные вещи» [18, с. 180–181].

Один из ярких примеров «недосмотренной», или «упущенной» исследователями системы ньютоновского понимания присутствия Бога во Вселенной относится к его знаменитой книге «Оптика». В данной статье я рассмотрю изложенную в «Оптике» систему идей и взглядов Исаака Ньютона относительно взаимодействия божественного начала Вселенной и непосредственного существования Вселенной.

Шотландский математик Дэвид Грегори в воспоминаниях о своем визите в Кембридж в мае 1694 года, в ходе которого обсуждал с Ньютоном философские и религиозные взгляды последнего, сообщает, что помимо многочисленных рукописей, касающихся «Математических начал натуральной философии», видел рукопись «Три книги Оптики» (*Three Books of Opticks*) [16, т. III, с. 338]. Какова бы ни была причина задержки публикации «Оптики» (некоторые исследователи предполагают, что Ньютон ждал смерти своего самого непримиримого кри-

тика Роберта Гука [3]), Грегори увидел рукопись за целых десять лет до публикации книги. Так же, как и в «Математических началах» [17], Ньютон выдвинул некоторые смелые заявления в первой редакции «Оптики» по вопросам богословия и в значительной степени расширил их в последующих изданиях [2; 9].

В эти рукописи, в которых отражены окончательные изменения и дополнения Ньютона к первому изданию «Оптики», включены так называемые Вопросы (*Queries*), черновик предисловия и связанный с ним фрагмент, который относится к натурфилософскому методу и естественному богословию. Их написание можно уверенно датировать тремя или четырьмя годами непосредственно перед публикацией «Оптики» в 1704 г. [1, с. 68; 6, с. 215] В этих рукописях Ньютон излагает свой эмпирический естественно-философский метод, перечисляя четыре примера применения метода. Первый пример связан непосредственно с естественным богословием: «Один принцип философии — это существование Бога, или Духа, беспредельно вечного, всеведущего, всемогущего, и лучшим аргументом для такого существования является структура природы и, главным образом, планирование [в оригинале «*contrivance*»] тел живых существ» [11, л. 479r-v]. Ньютон в этом фрагменте использует ключевое для своей философии выражение «структура природы» (в оригинале «*frame of nature*») — то же самое выражение, которое он будет использовать во всех своих последующих работах по естественному богословию.

Также достойно отдельного внимания, что, согласно Ньютону, бытие Бога является принципом натурфилософии. Развивая телеологический аргумент, Ньютон говорит, что можно найти доказательства творческой руки Бога в структуре, или дизайне природы, и продолжает аргументировать свой тезис, ссылаясь на симметрию в строении тел животных: «У большинства наземных животных есть два глаза на голове спереди, нос между ними, рот под носом, уши по бокам головы, две передние лапы или два крыла на плечах и две задние лапы, и эта зеркально-плоскостная симметрия у нескольких видов не могла произойти случайно... Существует вероятность того, что могло бы быть один, три или четыре глаза [как у пауков] хотя бы для двух или трех видов» [11, л. 480v]. Разработав этот аргумент, Ньютон заключает: «И поэтому первоначальное образование каждого вида должно быть приписано разумному существу (такому Существу, которое мы называем Богом). Эти и подобные им соображения являются наиболее убедительными аргументами для бытия такого Существа — убедительными для человека различных эпох, что мир и все виды существ в нем первоначально были созданы Его силой и мудростью... И просто так отбрасывать этот аргумент было бы очень не по-философски» [8, л. 41].

Таким образом, как утверждает Ньютон, эмпирическое исследование «истинной структуры природы» приведет непосредственно к постижению Бога [5, с. 180]. Заметим: телеологический аргумент в версии Ньютона другой, нежели в стандартной формулировке. Наблюдение природы не просто приводит к вере в Творца этой природы, но научное исследование природы дает материал и методологическую базу естественной теологии, которая, в свою очередь, не больше и меньше, даст основу понимания мотивов и сущности Самого Бога. Ньютон пишет так: «Мудрость и воля, которые проявляются в структуре как всей Вселенной, так и отдельных ее частей, достаточны для того, чтобы убедить человечество, что она сформирована мудрым и обладающим волей Существом» [13, с. 1].

Хотя они не были частью первого издания «Оптики» 1704 года, некоторые естественно-богословские аргументы появились в несколько модифицированной форме в конце Вопросов 28 и 31 в более поздних изданиях. Вначале Ньютон добавил эти и ряд других Вопросов к первому изданию «Оптики» на латинском языке в 1706 г. [14] В английском издании они впервые появились во втором версии книги 1717 г., а затем в английских изданиях 1721 и 1730 гг.

Вопрос 28 открывается шквальной атакой Ньютона на импульсную теорию света Декарта и заканчивается индуктивным телеологическим аргументом. В конце предпоследнего абзаца этого Вопроса Ньютон отвергает теорию эфира как среды, необходимой как для импульсной декартовой теории света, так и для волновой теории Гука-Гюйгенса, а затем начинает заключительный абзац следующим образом: «И отвергая наличие такой среды, мы можем сослаться на авторитет тех старейших и наиболее уважаемых философов Греции и Понта, которые разработали концепции вакуума, атомов и атомного веса — первые принципы натурфилософии; они неявно приписывали гравитацию какой-то иной причине, а не плотной материи» [15, с. 369]. В этих словах, которые впервые появились в латинском издании 1706 г., мы видим намек на аргументы древних мыслителей, которые Ньютон разработал гораздо более подробно в своей «Классической схолии» к «Математическим началам натуральной философии».

Ньютон, как известно, весьма остроумно решил проблему отсутствия среды для распространения света: он предложил корпускулярную модель света. Как известно, поток корпускул не нуждается ни в какой механической среде для перемещения из одной точки в другую, и такое перемещение может происходить даже в абсолютном вакууме. Поэтому, как аргументирует Ньютон, свет — это часть вещества, особый вид материи [15, с. 208 и сл.] и одна из первых субстанций, сотворенных

Богом, причем свет вовсе не нуждается в источнике для существования. Ньютон вспоминает дни творения мира Богом и подчеркивает, что свет был сотворен раньше, до появления Солнца (свет в первый день, а небесные светила — в четвертый). Если принять точку зрения, что свет — это совокупность частиц материи определенного вида, то, действительно, их наличие и распространение во Вселенной не требует источника.

Ньютон продолжает свои рассуждения, нападая на гипотетико-дедуктивный метод картезианцев: «Позже философы изгнали рассмотрение подобной причины [гравитации] из натурфилософии, измышляя гипотезы для объяснения всех вещей механистически и ссылаясь на основания метафизики, тогда как основная задача натурфилософии состоит в том, чтобы исследовать явления без выдумывания гипотез и выводить причины из следствий, пока мы не придем к Первопричине, которая, конечно же, не является механической... Мы должны не только раскрывать механизм существования мира, но, главным образом, решать те или иные вопросы связи Вселенной с Божественным началом» [15, с. 369].

Здесь мы видим не только язвительную критику эксцессов механистической философии со стороны Ньютона, но также утверждение, что индуктивное исследование природы приведет нас к выводу, что природа в конечном счете зависит от Творца. Кроме того, именно этот индуктивный метод, а не неудачный (по Ньютону) метод Декарта, открывает механизм существования мира.

Ньютон подкрепляет эти аргументы списком естественных явлений, которые, по его мнению, свидетельствуют о существовании божественного Проектировщика Вселенной, в том числе структуру галактики, структуру Солнечной системы, орбиты комет и планет, образование небесных тел, распределение звезд, симметрию в живой и неживой природе, строение организмов живых существ. Ньютон завершает Вопрос 28 апологетическим утверждением: «И хотя каждый истинный шаг, сделанный в такой философии, не сразу приводит нас к познанию Первопричины, но он приближает нас к Ней, и в силу этого должен быть высоко оценен» [15, с. 370]. Именно потому, что его научный метод приводит к познанию Бога, Ньютон полагает, что этот метод эвристически превосходит гипотетико-дедуктивный метод рационалистов.

Утверждения о естественной теологии в опубликованных изданиях «Оптики» сводятся непосредственно к тому, что Ньютон получил на выходе из своей собственной самоцензуры. Но, как часто бывает с ньютоновскими опубликованными произведениями, осторожные заявления в них могут быть лучше поняты в контексте его более сильных аргументов в неопубликованных манус-

криптах. Лучшим примером этого является английский черновик Вопроса 23, который относится ко времени публикации латинского издания 1706 г.

Этот черновик открывается с более явной формулировки идей Ньютона о древних мыслителях и их понимании вакуума, которые в редуцированной форме появляются в конце Вопроса 28 в опубликованной книге. Итак, в черновике Ньютона мы можем найти следующие рассуждения: «Вопрос 23. Каким образом тела действуют друг на друга на расстоянии? Древние философы, которые ввели понятия атомов и вакуума, приписывали гравитацию самим атомам, не сообщая нам ничего о ее природе... Однако они сообщили некоторое метафорическое понимание в виде образом: так, они называли Бога Гармонией, но суеверно представляли Его и сотворенную им материю в виде фигуры Пана и его Флейты, или называли Солнце тюрьмой Юпитера, поскольку оно удерживает планеты около себя на орбитах. Здесь, по-видимому, мы можем увидеть древнее мнение, что материя зависит от Божества как в законах своего движения, так и в своем собственном существовании» [10, л. 552v].

Таким образом, Ньютон не только открывает путь к пониманию своей «Классической схолии», но также выдвигает аргумент, согласно которому как само существование материи, так и законы движения зависят от существования Бога, и что древние знали об этом. Два абзаца спустя Ньютон вновь атакует рационалистов: «Можно, конечно, убедительно аргументировать в пользу слепой судьбы и против существования конечных целей, но я нахожу на собственном опыте, что... я постоянно нацелен на что-то... Если бы не опыт, я не мог бы знать, что материя имеет тяжесть, непроницаемость или подвижность, или что здесь, в некой точке, присутствует материя или нет. И поэтому утверждать что-либо более того, что я знаю на основании опыта и рассуждений о нем, является сомнительной затеей. Даже доказательства существования Бога, если они не взяты из явлений, сомнительны и служат только для хвастовства» [12, л. 619r].

В этих строках Ньютон дает понять, что один из главных недостатков гипотетического метода Декарта состоит в том, что он не предлагает надежных аргументов в пользу существования Бога. Ньютон, более того, предполагает, что сам континентальный рационализм может легко привести к атеизму.

Ньютон, высказываясь против онтологического аргумента Декарта, пишет, что «атеист может допустить, что есть существо абсолютно совершенное, обязательно существующее и которое является творцом человечества, но он назовет его Природой» [12, л. 619r-v]. Бо-

лее того, Ньютон добавляет, что атеист «может сказать вам далее, что автор человечества был лишен мудрости и чувства идеальной гармонии, поскольку нет никаких финальных целей, и что материя есть пространство и поэтому обязательно существует и всегда имеет такое же количество движения, бесконечное время существования и включает в себя все разновидности форм, а человек — всего лишь одна из таких форм» [12, л. 619v]. Действительно, если задуматься, окажется что Ньютон предвосхитил окончательную трансформацию рационализма в просветительскую идеологию в XVIII в., когда просветители, доведя до предела рациональные аргументы, по сути, стали отрицать сам рационализм в вопросе религиозной веры (вспомним хотя бы атеиста и пантеиста Лессинга, который был учеником просветителя Вольфа, а тот был учеником рационалиста Лейбница).

Для Ньютона именно Бог обязательно существует во Вселенной, поскольку природа зависит от Его существования, и мы никоим образом не можем смешивать Бога и природу, а именно такое искушение будет нас подстерегать, если мы примем логику рационалистов.

Мы видим следствия присутствия Бога в процессах, протекающих во Вселенной, а затем отыскиваем причину и, следовательно, по Ньютону, доказательство существования Бога и исследование Его промысла принадлежит экспериментальной философии. «Дело философии — умозаключать от следствий к причинам, пока мы не придем к Первопричине, а не выводиться в своих фантазиях следствия из причин по собственному произволу» [12, л. 619r].

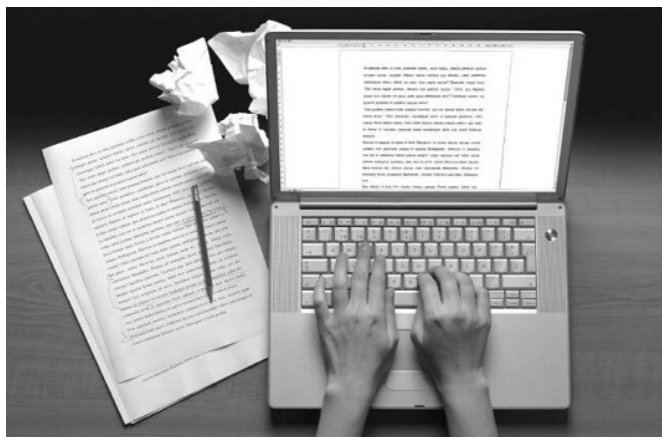
Таким образом, хотя Ньютон использует осторожный термин «нефилософский» в Вопросе 31 «Оптики», его неопубликованные рукописи показывают, что Ньютон на самом деле имел в виду, что рационализм в конечном итоге приведет к атеизму. И наоборот, он считал, что его собственный метод ведет исследователя прямо в противоположном направлении — к принятию веры в Бога и натуральному богословию. Ньютон полагал, что тот же индуктивный метод, который дал впечатляющие результаты в естественной философии, также даст их и в естественной теологии, приводя мыслителя-натурфилософа к благоговейному выводу о том, что за истинной структурой природы скрывается рука Творца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Christianson G. E. *Isaac Newton (Lives and Legacies Series)*. Oxford, 2005. — 159 p.
2. Cohen, I. B., Smith G. E. (eds). *Newton: Texts, Backgrounds, Commentaries*. New York, 1995. — 488 p.
3. Iliffe R. *Priest of Nature: The Religious Works of Isaac Newton*. Oxford, 2017. — 500 p.
4. Koyre A. *Newtonian Studies*. — Chicago, 1968. — 288 p.
5. McGuire J. E. «Newton's Principles of Philosophy»: An Intended Preface for the 1704 Opticks and a Related Draft Fragment // *The British Journal for the History of Science*. — 1970. — № 5. — P. 178–186.
6. McGuire J. E. *Tradition and Innovation: Newton's Metaphysics of Nature*. — Dordrecht, 1995. — 312 p.
7. More L. T. *Isaac Newton. A biography*. — New York, 1962. — 710 p.
8. Newton I. *An Account of the Systeme of the World described in Mr Newton's Mathematical Principles of Philosophy*. — MS Add. 4005, ff. 39–42, Cambridge University Library, Cambridge, UK. — 1688.
9. Newton I. *De Mundi systemate liber*. — Milan, 2013. — 132 p.
10. Newton I. *Draft of the 'Discourse concerning Light and Colors'*. — MS Add. 3970.3, ff. 549r–567v, Cambridge University Library, Cambridge, UK. — 1675.
11. Newton I. *Draft of the 'Hypothesis Concerning Light and Colors'*. — MS Add. 3970.3, ff. 475r–482v, Cambridge University Library, Cambridge, UK. — 1675.
12. Newton I. *Fragments on Optics*. — MS Add. 3970.3, ff. 618r–623r, Cambridge University Library, Cambridge, UK. — 1675.
13. Newton I. *On the Frame of Nature*. — Sotheby's 1936 Lot 255.1. — Sotheby's 2004 Lot 511.i; private collection. — 1670s.
14. Newton I. *Optice: sive de reflexionibus, refractionibus, inflexionibus et coloribus lucis libri tres*. — London, 1706. — 520 p.
15. Newton I. *Opticks*. — New York, 1952. — 412 p.
16. *The Correspondence of Isaac Newton*, ed. by H. W. Turnbull. Published for the Royal Society. — Cambridge, 1961. — 445 p.
17. Newton I. *The Principia: Mathematical Principles of Natural Philosophy*. — London, 2010. — 466 p.
18. R. S. Westfall. *Science and Religion in Seventeenth-century England*. — New Haven, 1958. — 254 p.

© Шаров Константин Сергеевич (const.sharov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Akimov V. — Associate Professor, Naberezhnye Chelny Institute, branch of Kazan Federal University, honored artist of Russia
akimovart@mail.ru

Appalnova T. — Saint Petersburg University
appalnova-taya2013@mail.ru

Armashova A. — Postgraduate student, P. G. Demidov Yaroslavl State University
a.armashova@gmail.com

Aytzhanova G. — Graduate student, Yaroslavl state university of P.G. Demidov
Mega-73@mail.ru

Badalyan Ju. — Candidate of psychological sciences, associate professor, Amur State University
sfinkc1978@rambler.ru

Bartkevich E. — Amur State University
katerinasedova@rambler.ru

Bazhenova N. — Teacher of Moscow Institute of Technology
natabazhenova@yandex.ru

Belyashov V. — Graduate student, Nizhny Novgorod Institute of management RANEPА
vladimir982@mail.ru

Bochkareva O. — Postgraduate student, Volga Region Institute of Management named after P. A. Stolypin (branch) of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
o.boch@mail.ru

Bostandzheva T. — Surgut state pedagogical University, Surgut
bost.vi@mail.ru

Burlina E. — Dr. of philosophy, Dr. of art history, Professor, Samara state medical University
bis17@mail.ru

Chestneyshyn N. — Candidate of philosophical sciences, Humanitarian Institute of the branch of the Northern (Arctic) Federal University named after MV Lomonosov in Severodvinsk
hobson@yandex.ru

Doronin V. — Ph.D., Tyumen State University
sibe1@rambler.ru

Egorova T. — Doctor of psychological Sciences, associate Professor, Nizhny Novgorod Institute of management RANEPА

Frolenkova I. — PnD student, Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Igoshev M. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, FGBOU VO Perm State Pharmaceutical Academy of the Ministry of Health of Russia, Perm
sportmig58@yandex.ru

Kamenets A. — Federal state educational institution of higher professional education «Russian state social University»
kamenez.a@rambler.ru

Kazakova I. — Federal state educational institution of higher professional education «Russian state social University»
Kazakovais2014@mail.ru

Lezina Yu. — The Tobolsk pedagogical Institute. D. I. Mendeleev (branch) of Federal STATE Autonomous educational institution «Tyumen state University»
yamal_lezina@bk.ru

Lichman I. — graduate student of FGBOOU WAUGH «The Rostov state economic university (RINH)» Taganrog institute of A.P. Chekhov

Lobanova Yu. — Candidate of Philosophy, associate professor, Moscow Polytechnic University
julia-lobanova@mail.ru

Makovetskaya E. — Candidate of philosophical Sciences, Financial University under the government of the Russian Federation (Omsk branch)
romanova_x@mail.ru

Maximova S. — Graduate student of FGBOOU WAUGH «Rostov state economic university (RINH)» Taganrog institute of A.P. Chekhov

Mazurenko E. — PhD, associate Professor of the Institute of Humanities of the branch of the Northern (Arctic) Federal University in Severodvinsk
maz-elena@yandex.ru

Medintseva O. — Applicant, Institute of Special pedagogics and psychology. R. Wallenberg
olgasosalina@yandex.ru

Meliukhin G. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, FGBOU VO Perm State Pharmaceutical Academy of the Ministry of Health of Russia, Perm

Obukhovich V. — The Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg)
vlvlob@mail.ru

Pokrovskiy A. — Independent researcher, St. Petersburg
avpokrovskiy@yandex.ru

Popov V. — Doctor of Philosophy, professor, FGBOOU WAUGH «The Rostov state economic university (RINH)» Taganrog institute of A.P. Chekhov

Ranneva E. — Graduate student of the Moscow City Pedagogical University
ippo.info@mgpu.ru

Rekesheva F. — Candidate of psychology, Astrakhan state University
rekesheva@yandex.ru

Rytova I. — PhD of Philology, assistant professor in Lomonosov Moscow State University
inna.rytova@mail.ru

Serebrovskaya N. — Doctor of psychological Sciences, associate Professor, Nizhny Novgorod Institute of management RANEPА

Sharov K. — PhD (Philosophy), Senior Lecturer of M. V. Lomonosov Moscow State University
const.sharov@mail.ru

Stepanov V. — Applicant, teacher, School named after F. Schubert
fortesolo@yandex.ru

Tibodeau H. — Candidate of art history, associate Professor of the East-Siberian state Institute of culture
cebude@mail.ru

Tlemisova A. — Post-graduate student of the Yaroslav State University named after P. G. Demidov; Senior Teacher of Kazakhstan Engineering and Pedagogical University of People's Friendship
aliya_tlemisova@mail.ru

Tsvetkova G. — Post-graduate student, St. Petersburg state University
nwrgea@mail.ru

Viktorova O. — Cherepovets State University
ooluk@mail.ru

Vlasova L. — The competitor, State Independent Educational Establishment of Higher Education of the City of Moscow "Moscow City Pedagogical University"
sale@iselcom.ru

Wu L. — Postgraduate student, Herzen State Pedagogical University of Russia
wuliyang501@foxmail.com

Zenina S. — Candidate of psychological sciences, associate professor, Amur State University
s_zenina@mail.ru

Zhuchenko O. — Izhevsk State Agricultural Academy
adlog@mail.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).